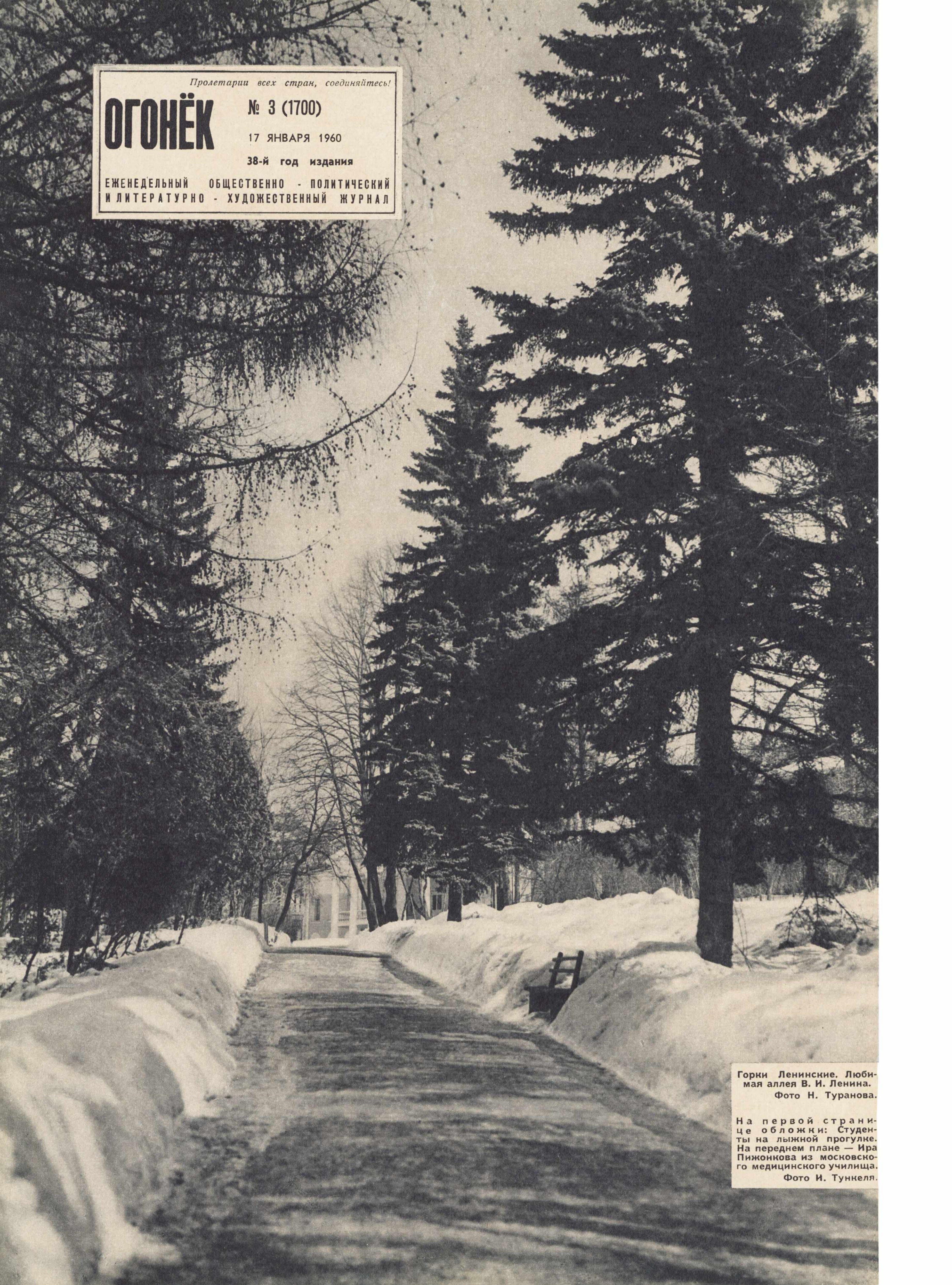

ОГОНЁК
№ 3 ЯНВАРЬ 1960
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

№ 3 (1700)

17 ЯНВАРЯ 1960

38-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО - ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО - ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Горки Ленинские. Любимая аллея В. И. Ленина.
Фото Н. Туранова.

На первой странице обложки: Студенты на лыжной прогулке. На переднем плане — Ира Пижонкова из московского медицинского училища.
Фото И. Тункеля.

14 января в Москве открылась IV сессия Верховного Совета СССР пятого созыва.

С докладом «Разоружение — путь к упрочению мира и обеспечению дружбы между народами» выступил Председатель Совета Министров СССР, Первый секретарь Центрального Комитета КПСС депутат Н. С. Хрущев.

Депутаты и гости встретили товарища Н. С. Хрущева бурными, продолжительными аплодисментами. Доклад товарища Н. С. Хрущева был выслушан с огромным вниманием и неоднократно прерывался аплодисментами.

Фото А. Гостева.

В этом номере:

22 апреля 1960 года исполнится 90 лет со дня рождения В. И. Ленина. Печатается очерк о встречах члена КПСС с 1898 года В. А. Карпинского с Владимиром Ильичем Лениным ★ О воспитании школьников, о дружбе педагогов с учениками рассказывает московский учитель А. Бессмертный ★ В большом фотоочерке рассказывается о том, как создается самолет «ТУ-114» ★ На цветной вкладке публикуются фотографии о Мексике ★ Как готовятся советские лыжники к VIII Олимпийским играм?

В СТРОЮ ЛЕНИНЦЕВ

А. СТАРКОВ

Теперь могу признаться, что с немалым душевным волнением, если не со страхом, шел я первый раз к Вячеславу Алексеевичу Карпинскому. С кем только не сводила меня хлопотная моя профессия! Но ни разу не брал интервью у собрата — у журналиста. И вот сижу у журналиста, первым редактором которого был Ленин, сижу у человека, открывавшего по праву старейшины нашего цеха Всесоюзный съезд журналистов. Поначалу чувствую себя как-то неловко. Кажется мне, что, выслушав мои вопросы, Вячеслав Алексеевич сперва профессионально, чисто по-редакторски, оценивает их, а затем уж отвечает. Кажется, что держу экзамен перед опытнейшим мастером, прошедшим великолепную школу большевистской журналистики.

Мы сидим в комнате, которую хозяева называют столовой и которая доверху набита книгами, как, впрочем, и все остальные комнаты, независимо от того, какая основная функция отведена им в квартире. «Скоро из-за книг спать будем на лестничной площадке»,— пожаловалась мне Ирина Семеновна, жена Карпинского, и сама-то такая же страстная книжница, как и Вячеслав Алексеевич. Почтальон, приносящий в эту квартиру корреспонденцию, всегда уходит, облегченно вздыхая, потому что сумка его становится совсем легонькой. Вот только сегодняшняя почта: десятки газет — центральных и областных,— в том числе, конечно, «Пионерская правда», которую 80-летний хозяин не только любит читать, но и в которой с удовольствием сотрудничает, несколько толстых журналов, объемистая пачка писем, посылка из «Книга— почтой», бандероли. Одну из бандеролей прислала Прага: там только что вышел перевод последней книги Карпинского — «Беседы о коммунизме».

Разговор получается не сразу. Вижу, что Вячеслав Алексеевич очень устал. Сегодня день у него сверхтрудовой. Закончил брошюру о Ленине, которую выпускает Госполитиздат к 90-летию со дня рождения Ильича. Сегодня же продолжал редактировать для издательства «Молодая гвардия» сборник воспоминаний о Ленине. Сначала попросили проконсультировать, потом отредактировать, а теперь и предисловие потребовали. Срок сдачи нависает, и Вячеслав Алексеевич торопится, тем более что издательство может пожаловаться на задержку в Центральный Комитет комсомола секретарю ЦК Лену Карпинскому, ведающему вопросами пропаганды. Сегодня же набрасывал текст выступления по радио. Да еще товарищи из «Крокодила» попросили написать о каком-нибудь смешном случае из жизни. Ну что им вспомнить? Хватало на его веку и смешных и несмешных случаев!.. Написал, как однажды в санатории для ученых приняли его за президента Академии наук Карпинского, который к тому времени уже умер...

— А вот еще смешной случай... Фотозагадка! — говорит Вячеслав Алексеевич, протягивая мне газету с фотографией трех юношей-гимназистов.— Пензяки, земляки мои, нашли сей снимок в архиве. Прислали мне для опознания. Проставил фамилии. Слева направо, пишу: Добросмыслов, Харламов, Карпинский. Напечатали в газете. И, согласно подписи, которую дали, я не я, а Харламов, а Харламов — я... Как считаете этот случай: смешным или грустным? Вот как бывает иногда у вашего, то есть у нашего, брата — газетчика.

Да, — продолжает Вячеслав Алексеевич, вглядываясь в снимок,— посередине, безусловно, Алеша Харламов. Мой товарищ по марксистскому кружку. Мы собирались у нас дома. Читали нелегальщину и среди прочего главы «Коммунистического манифеста», переведенные мной с немецкого. Склад этой литературы находился в сенях под порогом, о чем моя матушка не подозревала. Не ведала, и что в подвале у нас типография. Правда, нам удалось отпечатать на гектографе лишь одну прокламацию, но в солидном количестве — штук триста или четыреста. Прокламация по поводу разгона казаками студентов в Петербурге. Ночью прошли мы по городу, клея листки на заборы депо, мыловаренной фабрики, писчебумажной, засовывая в почтовые ящики домов, в щелочки ставен, под двери... Текст принадлежал мне. Но это была не первая моя листовка. Первую, если можно считать ее листовкой, я сочинил еще в младших классах гимназии. В то время разразился голод в Поволжье, и «прокламация» моя, «изданная» в одном экземпляре и обращавшаяся лишь внутри класса, призывала к сбору денег для голодающих. Она была в общем-то безобидной в политическом отношении, но, попав в руки «педеля», как мы называли наставника, могла, конечно, принести некоторые неприятности ее автору. Ну, а вторая листовка, в которой заключался уже прямой призыв к борьбе с самодержавием, привела бы сочинителя в случае его обнаружения в тюрьму... Как видите, моя приверженность к печатной пропаганде уходит началом в довольно глубокое прошлое, в гимназические мои годы...

А слева на снимке — Дмитрий Добросмыслов. Я по Митиному паспорту жил в Ростове-на-Дону, куда попал из Харькова после того, как вышибли меня из университета и выслали за участие в студенческой манифестации. В Ростове я был уже профессиональным революционером. Кличка — «Семен Семеныч». Вел пропаганду среди рабочих Парамоновских мельниц. Местом сбора выбирали обычно камышовые плавни за Доном. Они хорошо видны с железнодорожного моста. Всегда смотрю, когда еду на юг или с юга, вспоминаю молодость... Потом я вернулся в Харьков. Здесь я был «Карп». Создавал с товарищами «Союз борьбы за освобождение рабочего класса». Выпустили один номер подпольного марксистского журнала «Харьковский пролетарий». Снова руководил я рабочим кружком. Сходились мы у человека, фамилия которого была, кажется, Брызжев. То ли клепальщик, то ли литейщик, скорей клепальщик, потому что был, помню, глуховат. Работал он на паровозостроительном заводе, да и все остальные кружковцы собрались с паровозостроительного...

...Арест в Харькове. Ссылка на север, в Вологду. Побег из ссылки. Подполье в Киеве. Слежка полиции, которая вот-вот сомкнет кольцо... Решение эмигрировать.

Приехал в Швейцарию. И угодил в самую пору!

...Ленин как раз собирал вокруг себя всю большевистскую пишущую братию, чтобы начать выпуск газеты «Вперед». Правда, у Карпинского литературный багаж был к тому времени невелик: гимназическая листовка, участие в «Харьковском пролетарии» да еще статейка против эсеров, которую он написал в Киеве перед самым отъездом в эмиграцию и не успел напечатать. Собираясь в дорогу, спрятал листки в башмаках, проложив между слоями подошвы. И хотя бумага была папиросная, рукопись сохранилась отлично...

Карпинский начал в газете с корректора. Ох, какая это была интересная работа! Вся редакционная «кухня» — на глазах. Номер еще не вышел, а ты уже по нескольку раз насладился каждой статьей, каждой заметкой. Перед тобой рукопись Ильича! Ты видишь его вставки, его правку... Как завидовал корректор авторам статей: их редактировал Ленин! Но свою статью об эсерах Карпинский все еще не решается ему показать. Она четырежды переписана, переделана. Она нравится автору: мысли изложены четко, ясно, логично. А отдельные фразы звучат прямо-таки как стихи... Смелей, смелей! И, встретив как-то Ильича в коридоре, Карпинский чуть ли не с ходу начал читать ему свое произведение. Несколько удивленный, Ильич отодвинулся к стене. А юный автор распалялся и распалялся, но, странное дело, чем громче читал он, тем все более тусклыми казались ему самому слова рукописи, и не виделись уже ни четкость, ни ясность, ни логика, все пропало, и он не поднимал глаз, боясь встретить презрительный взгляд Ильича, и так же неожиданно, как начал читать, оборвал внезапно на половине строки. Ленин ждал продолжения, но автор молчал, и Ильич спросил: "Это все?» «Статья не закончена», — пробормотал автор. «Жаль! — сказал Ильич.— Корреспонденцию надо непременно закончить. Она стоит того...»

И вот в числе других ложатся теперь на редакторский стол Ильича и статьи В. Калинина — так подписывался Карпинский. На полях мелькают «NB», «!!!», «??», «?!» и прочие любимые ленинские пометки и значки. Какое-то слово зачеркнуто, другое надписано, и строка сразу заискрилась. Несколько слов поменялись местами, и фраза стала эластичной, пружинит. Какая великолепная, какая тонкая правка! И всегда понимаешь, почему так выправлено, чего хотел Ильич. Он никогда не ломал чужой стиль, не навязывал своего. Правил не потому, что так нравится, а потому, что так необходимо. Удивительный редакторский дар — почувствовать, найти безошибочно именно то место в рукописи, которое и автора подсознательно смущало, мучило, но он не понимал причины, найти это место и тут же поймать ускользнувшее от автора слово и посадить в нужное, только для него предназначенное гнездо...

Хранится много рукописей, выправленных Ильичем. Я видел листок — начало статьи В. Калинина, напечатанной в № 11 «Пролетария», центрального органа партии, который выходил после газеты «Вперед». Статья о крестьянском движении в России, движении, которое должно сыграть, по мнению автора, крупную роль в разгорающейся революции. В сущности, утверждал В. Калинин, мы мало знаем о беспорядках, волнениях в деревне, так как легальная пресса не публикует, «может быть, и половины всех фактов». Редактор, Ильич, заменяет «может быть, и половины» на «вероятно, и трети» — уточнение, продиктованное большей осведомленностью редактора о размахе крестьянского движения, уточнение, которое делает авторскую мысль энергичней, убедительней... Правка — помощь. Правка — дошлифовка.

Был случай, когда Ильич вписал в статью Карпинского абзац, и немалый. Операция довольно серьезная, но и она была произведена самым филигранным образом, не нарушая ни духа, ни формы авторских рассуждений. Ленинское добавление как бы продолжало их, доводя до логического конца. Речь шла о первом кресть-

янском съезде, потребовавшем конфискации земли у помещиков и справедливого распределения ее между крестьянами. Автор назвал это требование революционным, но, как пишет Карпинский в своих воспоминаниях, «не увязал борьбу крестьян за землю с конечной целью партии». Статья вернулась от редактора со вставкой: «...Социализм требует уничтожения власти денег, власти капитала, уничтожения всей частной собственности на средства производства, уничтожения товарного хозяйства. Социализм требует, чтобы и земля и фабрики перешли в руки всех трудящихся, организующих по общему плану крупное (а не разрозненное мелкое) производство». Определение социализма, ставшее классическим! Можно гордиться, что в твою статью сделана такая вставка. И когда? За 12 лет до полной победы революции!

Как внимателен был Ильич к своим коллегам, как уважал труд собратьев по перу! Работал както Карпинский над статьей о пацифизме — это было уже в годы мировой войны — и подобрал для нее вырезки из женевских газет. Понадобились они и Ильичу, заинтересовавшемуся особенно высказываниями Ромена Роллана. Обычно Ильич немедленно возвращал взятую у товарища книгу, газету. А тут что-то затянул. Карпинский послал в альпийскую деревушку Зоренберг, где жили тогда Ульяновы, записку с напоминанием. И был потом не рад, что послал такую. Страшно взволновался Ильич. Шлет Карпинскому тревожное письмо. Он, оказывается, был уверен, что отослал уже вырезки. «Не могло ли быть ошибки? Не получил ли кто эти статьи **без** Вас?.. Если статей у Вас нет, я, само собою, сделаю все возможное, чтобы их добыть для Вас... Либо я куплю номер этот, либо (если в продаже нет) достану в библиотеке и **спишу для Вас полную копию.** Очень и очень прошу извинения...» Он взволнован. Товарищ работает, а он так его подвел. И Владимир Ильич идет на почту, все перерывает у себя на столе, на полках и находит злополучный конверт заложенным между книг. В комнатушке ведь так тесно, она так завалена вся книгами... В Женеву летит бандероль, а при ней записка: «Ужасно рад, что нашлось и что я не оказался совсем свиньей перед Вами».

Редкая фотография. В. И. Ленин произносит речь с балкона Моссовета перед коммунистами Ярославской и Владимирской губерний, мобилизованными на борьбу с Деникиным. 16 октября 1919 года. (Кинокадр).

Ленин для Карпинского был вождь партии, редактор, коллега, товарищ. Между прочим, у них была общая страсть: велосипед. Ильич был велосипедист смелый, можно сказать, азартный. И не раз страдал от этого. Катил однажды по улицам Женевы и, задумавшись, наехал на трамвай. Долго ходил с перевязанной головой... Ильич приглашал Карпинского на велосипедные прогулки в окрестностях Женевы. Был у них и дальний вояж. Задумали перебраться на другой берег Роны, в район гидростанции, и затем двигаться дальше, чтобы понаблюдать удивительное явление — «потерю Роны». Большая река вся уходит в трещины породы, исчезает, чтобы через несколько километров вновь вырваться на поверхность. Ильич давно собирался посмотреть на это чудо природы. И вот покатили. Ильич впереди. Карпинский, уже бывавший в этих местах, предупреждал, что спуск к Роне крутой. И не под прямым он углом, а параллельно реке, и чтобы выехать на мост, надо сделать резкий поворот под 90 градусов. Вот и спуск. Карпинский тормозит, а Ильич, не уменьшая скорости, катит вниз. «Осторожно!» — кричит Карпинский. Но Ильич, не оборачиваясь, несется все быстрей и быстрей под уклон. Теперь уже и затормозить, наверно, невозможно. Вот-вот врежется в перила моста. Карпинский видит, как Ильич, привстав на педалях, пытается сдержать велосипед. Еще секунда, и... велосипед остановился у самых перил, даже слегка ударился о них, и из задней сумки выпала масленка прямо в воду, а Ильич спрыгнул, смеется и приветственно машет осторожно съезжающему с горы Карпинскому.

...Первая русская революция позвала Ильича на родину. Уезжая, он оставил Вячеславу Алексеевичу на хранение чемодан из толстой кожи, с мягкими, округлыми краями, похожий скорей на огромный саквояж. Ленин складывал в него свои опубликованные и неопубликованные рукописи. Этот чемодан, который в партийных кругах называли «чемоданом Фрея» — по одному из псевдонимов Ильича,— долго оставался у Карпинского. Вячеслав Алексеевич сберегал его и во время второй эмиграции Ленина, жившего сначала в Швейцарии, потом в Париже, потом в Кракове и в Поронине под Краковом, а потом снова в Швейцарии. «Чемодан Фрея» попал в Россию уже после смерти Ильича...

Год 1914-й. От Ульяновых из Австрии давно уже нет никаких вестей. И вдруг — большое письмо. И откуда! С изумлением глядит Карпинский на почтовый штемпель: Берн. Ильич, значит, совсем рядышком. «Дорогой товарищ! — пишет Ленин.— Вчера приехал сюда со всей фамилией благополучно, после краткого австрийского пленения». Позже стали известны подробности: на седьмой день войны к Ульяновым, жившим в Поронине, явилась по доносу полиция: обнаружив в столе статистические выкладки Ленина по сельскому хозяйству, жандармы сочли эту цифирь за шпионскую шифровку и усадили Ильича в тюрьму; он провел там одиннадцать суток... Оставаться в воюющей Австрии нельзя было. «Ильичи» (так друзья называли супругов Ульяновых) перебрались в нейтральную Швейцарию. «Думали устроиться в Женеве, куда тянут все старые симпатии. Но здесь начались колебания в сторону Берна... Нет ли чрезвычайного вздорожания цен, особенно на квартиры?.. А типография? Есть ли русская? Можно ли теперь издать листок и т. п.? по-русски?... (против войны, конечно, и против националистов нового типа, от Гаазе до Вандервельда и Геда — все сподличали!)».

Ильич рвется в бой против тех, кто «сподличал», против изменнической политики западноевропейских социалистических партий, против социал-шовинизма. В лесу под Берном он читает друзьям тезисы о войне, которые становятся основой манифеста ЦК партии большевиков. В манифесте определение войны: она с обеих сторон несправедливая, захватническая. Лозунг: превратить войну империалистическую в гражданскую... Пока этот документ — достояние лишь небольшой группы единомышленников Ленина. А должна его знать вся партия, должны прочесть тысячи—здесь, за границей, и в России... Карпинскому — задание Ильича: напечатать манифест. Типографий в Женеве много, напечатают, но вот где набрать? Ни в одной нет русского шрифта. Придется обращаться к Кузьме. Так звали владельца крошечной русской наборной Ляхоцкого. Он был эмигрант, но никто не знал, когда и при каких обстоятельствах попал он в эмиграцию. Политические его симпатии были, мягко выражаясь, неясны. Он набирал что угодно и кому угодно, лишь бы платили. Мог взять заказ, а на другой день отказаться от него в пользу более выгодного заказчика. В общем, человек ненадежный. К тому же пьяница. И помощник у него, писарек, выгнанный из консульства, тоже пьянчужка. Пили они всегда вместе, и в дни их запоя в городе нельзя было набрать ни словечка по-русски, ибо Кузьма являлся в Женеве монополистом русского шрифта. Вот и сейчас судьбу большевистского манифеста приходилось вверять в руки Кузьмы.

Манифест набран. Есть уже договоренность о печатании его в типографии Шольмонте... Но Ильич идет в своих планах дальше. Он задумал возобновить выпуск центрального органа партии — газеты «Социал-Демократ», которая не выходит около года, и в первом ее номере, вернее, в № 33, поме-

стить манифест. Редакция — в Берне, издательство в лице Карпинского— в Женеве. Набирать будет, конечно, Кузьма, печатать—Шольмонте. На выпуск газеты уйдет, наверно, вся наличность партийной кассы, только что доставленная из Парижа: 160 франков 50 сантимов... Из Женевы в Берн почтой и с оказией летят Карпинскому письма, открытки, записки Ильича. Многие сохранились. Читаешь их и видишь живого Ильича с его волнениями, тревогами, заботами. Надо найти человека, непременно швейцарского подданного, который согласится поставить под газетой свое имя в качестве официального, точней фиктивного, редактора — это нужно для полиции. А какой адрес указать в газете? Почтовый ящик? Нет, это хлопотно: «заставит Вас **ходить 100 раз зря**» и «все равно **власти будут** знать, **кто** взял ящик». Не лучше ли поместить адрес Русской библиотеки, которой заведовал Карпинский?.. Но главная забота — конструкция номера! «Формат ЦО **надо взять прежний** (...желательно сделать новый заголовок поэкономнее, так, чтобы поменьше места терялось...) ...Если бы удалось... набрать **все** петитом, мы бы имели около 40.000 букв в двух страницах. Тогда можно бы еще пару статеек поместить, кои мы готовим». А через день уточнение: хотелось бы не 40, а 48 тысяч знаков втрамбовать!

А как торопит Ильич «издательство»! «Ужасно затянул дело наборщик!! Обещал... к понедельнику, а сегодня пятница. У-жас!» Требует посылать корректуру по частям, чтобы не терять время на ожидание верстки. «А что же корректуры??? Неужели всегда будет так долго?» О, как нужна газета, как ждет ее Ильич! И когда она выходит — счастье безмерное. «Могу порадовать Вас приятной вестью, что ЦО доставлен в один из пунктов недалеко от границы и будет, видимо, скоро переправлен. Поздравляю! И еще раз благодарю от души за все хлопоты с газетой!» Вслед срочная депеша: «Пожалуйста, распорядитесь напечатать еще 1000...» Тут же просит черкнуть, когда может начаться набор следующего номера. Записка летит за запиской: «Материалу переполнение»; «У нас выперло с материалом: думаем... тотчас пустить № 35»; «...получен **преинтересный** материал...»; «Прилагаю заметочку... Может быть, еще кое-что влезет?» И уже мысль о еженедельном выпуске: «Сладит ли Кузьма с **еженедельным** ЦО?» Ох, этот Кузьма! Имя его то и дело мелькает в ленинских записках. «Ужасное промедление!.. Кузьма, должно быть, бундовцам набирал»; «Неужели наборщик опять «запил»? или опять взял чужую работу??»; «Кузьма невозмо — жен!!!»

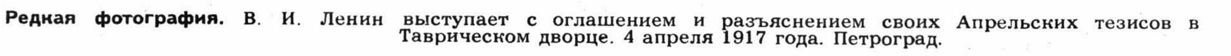
Но Кузьма — это еще полбеды, с ним еще можно как-то ладить. Полной бедой оказалась Кузьмиха, нежданно нагрянувшая из России. Никто прежде не ведал о ее существовании, ибо наборщик даже в пьяном благодушии не вспоминал о своей супруге. И вот обнаружилась, явилась! Это была дама сурьезная, решительная и энергичная, мигом перехватившая бразды правления из не очень твердых рук муженька. У нее был свой план. Кузьма должен продать наборную и поступить в большую швейцарскую типографию, чтобы иметь постоянную работу, а не пробавляться мелкими заказами всякой «шушеры», «аховых» клиентов, «сочинителей», у которых, как она говорила, «в кармане вошь на аркане». Имелись прежде всего в виду большевики, которых хозяйка люто невзлюбила. С ее появлением у редакции «Социал-Демократа» наступили черные дни. Это видно из писем Ильича Карпинским. «Что же это с № 44? Или Кузьмиха повернула решительно против нас?» Просит сообщать ему «бюллетень настроения Кузьмихи и шансы на успех». Единственным человеком, который мог положительно влиять на строптивую хозяйку, была жена Карпинского. Через нее и действовали: «Ура! Самое Кузьмиху Вы победили!! Ну, и героиня же Вы, ей-ей!» А потом снова поражение за поражением на фронте борьбы с Кузьмихой. Изыскиваются всяческие способы добиться успеха. «Хотим выпустить двойной № ЦО... Как дела с Кузьмихой? Можно-ли подмаслить ее уплатой за брошюру (у вас ведь есть деньги в кассе?). Или безнадежно?» И вдруг невероятная удача. В маленьком городишке Бюмплиц близ Берна у типографа Бентели Ильич обнаружил русский шрифт. С какой радостью сообщает он об этом Карпинскому! Кончилась монополия Кузьмы и Кузьмихи. Можно вздохнуть вольней...

Так обстояло дело с изданием «Социал-Демократа». Выпущено 24 номера этой газеты, 24 большевистских снаряда!

Ленин жил в Берне, потом в Цюрихе, но часто наезжал в Женеву — по делам газеты или для чтения рефератов. И всякий раз останавливался у Карпинских, живших при библиотеке: ночевал у них, обедал. В свою очередь, и Карпинские, попадая в Берн, в Цюрих, пользовались гостеприимством «Ильичей». Как-то в один из приездов Ленина в Женеву решили в нарушение традиции пообедать не дома, а в ресторане. Выбрали из дешевеньких, но вышло все же по полтора франка на брата — стоимость двух обедов в эмигрантской столовой. Расплачивались Карпинские. Ильич пытался тут же внести свою долю. Не взяли. Он протестовал. «Может быть,— пошутил тогда Карпинский,— вы оплатите заодно и все домашние обеды?» «Дома у вас хозяйство натуральное, а здесь денежное»,— отшутился Ильич. На том, казалось, и покончили. Но дома Вячеслав Алексеевич нашел у себя в кармане лишние полтора франка. Переложил их в пиджак гостя, благо тот уже спал, и, довольный, что перехитрил, тоже улегся. Ильич поднялся рано и уехал, не разбудив хозяев. Проснувшись, они увидели на столе все те же полтора франка! Обиделись ужасно и утром же отослали эти деньги в Цюрих с упреком Ильичу в «насилии». А из Цюриха на другой день ответный денежный перевод с запиской: «Дорогие друзья! Напрасно Вы поднимаете «историю»... К насилию прибегали Вы, и всякий третейский суд — если Вы решили довести дело до третейского суда между нами — Вас осудит, ей-ей!.. Деньги посылаю... и надеюсь, что Вы не будете настаивать на своем, явно несправедливом и неправильном, желании».

И еще «конфликт» на финансовой почве.

Жизнь эмигрантская скудная. Все время приходится искать приработок. Куда только не вербовался Вячеслав Алексеевич! Траву косил у помещиков. Снег разгребал на женевских улицах. Чинил велосипеды. Развозил мебель, взяв в аренду ручную тележку. Даже натурщиком был, успешно изображая средневекового герцога перед юными художниками из школы изящных искусств... Но чаще всего прирабатывал как переписчик. В библиотеке была машинка, и Карпинский научился лихо на ней стучать. К нему несли рукописи многие женевские литераторы. Узнал об этом Ильич, попросил перепечатать статью. Вячеслав Алексеевич согласился, но денег не взял. И опять началась «история». Ильич присылает деньги, Карпинский отсылает их обратно. Довод: статья Ленина — партийная литература, распространению которой он, Карпинский, обязан содействовать. Довод Ильича: статья — его частная работа, которая будет издана и за которую он получит гонорар, следовательно,

Редкая фотография. В. И. Ленин выступает с оглашением и разъяснением своих Апрельских тезисов в Таврическом дворце. 4 апреля 1917 года. Петроград.

никто не обязан на него, Ленина, бесплатно трудиться... На память об этой финансовой «перепалке» осталась сердитая ленинская записка:

«...Вы не хорошо поступаете, не беря денег за переписку.

...К чему же Вы теперь меня вынуждаете?

К тому, чтобы не посылать больше Вам?

Подумайте в минуту, когда будете не злы и не нервны,— уверен, что убедитесь в своей неправоте. Нельзя так!»

...Весна семнадцатого года. Ошеломляющая новость из России: революция! Ленин рвется на родину. Но как туда попасть? Кто пропустит большевиков? Крупская вспоминает: «Сон пропал у Ильича с того момента, когда пришли вести о революции, и вот по ночам строились самые невероятные планы». Может, на аэроплане перелететь через фронт? Фантазия! Или ехать через Скандинавию с паспортом шведа? Но для этого нужно притвориться из-за незнания языка слепо-глухонемым. Вариант за вариантом отбрасывает Ильич. И пишет письмо Карпинскому:

«Дорогой Вячеслав Алексеевич! Я всячески обдумываю способ поездки. Абсолютный секрет — следующее.

Возьмите на свое имя бумаги на проезд во Францию и Англию, а я проеду **по ним**... в Россию.

Я могу одеть парик.

Фотография будет снята **с меня** уже в парике, и в Берн в консульство **я** явлюсь с Вашими **бумагами** уже в парике.

Вы тогда должны скрыться из Женевы минимум на несколько недель (до телеграммы от меня из Скандинавии): на это время Вы должны запрятаться архи-сурьезно в горах...

Если согласны, начните **немедленно подготовку** самым энергичным (и самым тайным) образом, а мне черкните тотчас во всяком случае».

Но и этот вариант должен был отпасть. Вячеслава Алексеевича хорошо знала швейцарская полиция, уже сажавшая его в тюрьму, и, конечно же, человека с документами Карпинского сразу схватят на французской границе. Потом возникла мысль о проезде через Германию. Этот план и был осуществлен. Вячеслав Алексеевич провожал Ильича, Надежду Константиновну и отъезжавших с ними товарищей. Сам Карпинский оставался еще в Швейцарии, чтобы выполнить несколько поручений Ленина: издать его «Прощальное письмо к швейцарским рабочим»; устроить в надежное место партийный архив, в том числе «чемодан Фрея», и партийную библиотеку; организовать новые отъезды большевиков-эмигрантов. С тревогой ждал Карпинский вестей от Ильича, находившегося в пути. Вот телеграмма, почему-то без указания места отправки: «Едем дальше... Привет». Вот письмецо из Хапаранды, что на границе между Швецией и Финляндией, с сообщением уже петроградского адреса, куда писать: Широкая, 48/9, квартира 24. И, наконец, депеша из самого Петрограда: «Доехали чудесно... Атмосфера здесь — бешеная травля буржуазии против нас. Среди рабочих и **солдат** — сочувствие».

Карпинский вернулся в Россию в декабре. С вокзала — в Смольный. В кабинете председателя Совнаркома заседание. Вячеслав Алексеевич вошел тихонечко и оказался за спиной Ильича, выступавшего с речью. Кончил Ильич, почувствовал какое-то движение позади, обернулся, обнял Карпинского. Потом они сидели вдвоем, Ленин расспрашивал о делах за границей, попросил написать для «Правды» обзор революционного движения в Западной Европе. «И вообще, сказал, вам надо итти в «Правду» членом редакции. Как старый аграрник, берите отдел деревни».

Месяца через четыре в Москве уже начала выходить газета для крестьян — «Беднота». Редактором — Карпинский. Голос «Бедноты» был хорошо слышен на всю страну. Через «Бедноту» партия разговаривала с миллионами крестьян, а они — с партией. В селе появилась новая фигура — крестьянский корреспондент, «крекор», как сначала говорили, а потом стали называть «селькор». Селькоры «Бедноты» были большой силой в деревне. Наиболее активные входили в состав расширенной редакции. Вячеслав Алексеевич многих и сейчас помнит. Помнит старика Ивана Афанасьевича Чекунова из деревни Фоминка, Гороховецкого уезда, Владимирской губернии, писавшего сочно, зло, так, что оставалось только исправить ошибки да расставить знаки препинания, из которых он признавал лишь один — восклицательный. Помнит сибиряка Чернова, которого, как и Ивана Афанасьевича, хорошо знал и ценил Ильич, советовался с ним не раз, в частности перед докладом на X съезде партии о замене продразверстки продналогом. Помнит Сокирко, огромного, громогласного украинца, сочинявшего басни не менее лихо, чем Демьян Бедный и Иван Батрак, штатные баснописцы «Бедноты»... Популярнейшая была газета! Среди постоянных, самых внимательных своих читателей она имела и такого, как Ильич. Он называл ее «крестьянским барометром». Но самой газеты ему было мало, он просил показывать еще и почту «Бедноты». Редактор приходил к Ильичу с письмами селькоров. Читали их вместе, и Владимир Ильич говорил, что это ему во сто раз дороже любого официального доклада.

От тех лет остались не только комплекты «Бедноты», которые нельзя называть пожелтевшими потому, что хотя их страницы, конечно, и пожелтели от времени, но по революционному своему духу не состарились, живут, дышат, кипят, обдавая жаром той трудной, огневой поры. Остались и десятки брошюр Карпинского. Это брошюры-листовки, брошюры-прокламации. Вот они. «Что такое советская власть и как она строится?» — отпечатана в самые первые дни Советской власти. «Как тульский мужик уму-разуму научился. Простое объяснение про войну и революцию». «С кем же вы, крестьяне? С кем идете? Кому помогаете?». «В поход против царя голода!». «Три года борьбы» — к третьей годовщине Октября. Вот книжка про шефство пролетариата над селом, изданная с коротеньким предисловием: «Владимир Ильич знал, что эта книжка набирается, и интересовался ею. Печаталась она уже после его смерти».

...Треснуло как-то недавно оконное стекло в кабинете Вячеслава Алексеевича. Пришел старик-стекольщик. Распахнул раму, напустил холодного зимнего воздуха. А хозяин сидит за столом, стучит на машинке. «Вы бы,— говорит стекольщик,— вышли покуда. Простынете». Но хозяин простуды не страшится, он каждое утро гимнастику делает при открытой форточке. Сидит, пишет. А стекольщик работает алмазом и то и дело на Вячеслава Алексеевича поглядывает. Потом говорит: «Ваша фамилия Карпинский?» «Карпинский». «А не вы ли в восемнадцатом году про тульского мужика писали?» «Я писал». «Читал. Помню. Сам-то я хоть и не тульский, вятский, но и мне та книжонка голову просветила...»

И была еще встреча со старым читателем. На совещании в ЦК партии подошел к Карпинскому незнакомый человек. «Здравствуйте,—говорит.—Я с вами давно знаком. С девятнадцатого, можно считать, года. Приезжали мы тогда с фронта в Москву за оружием. Нагрузили нам винтовок целый состав. И еще один вагон прицепили, с тюками. А в тюках литература для прифронтовой полосы. Мы на тех тюках и спали, благо они мягкие. Потом один лопнул по шву, и брошюрки посыпались. Все по крестьянскому вопросу. На обложке ваша фамилия. Мы эти книжки всю дорогу читали...»

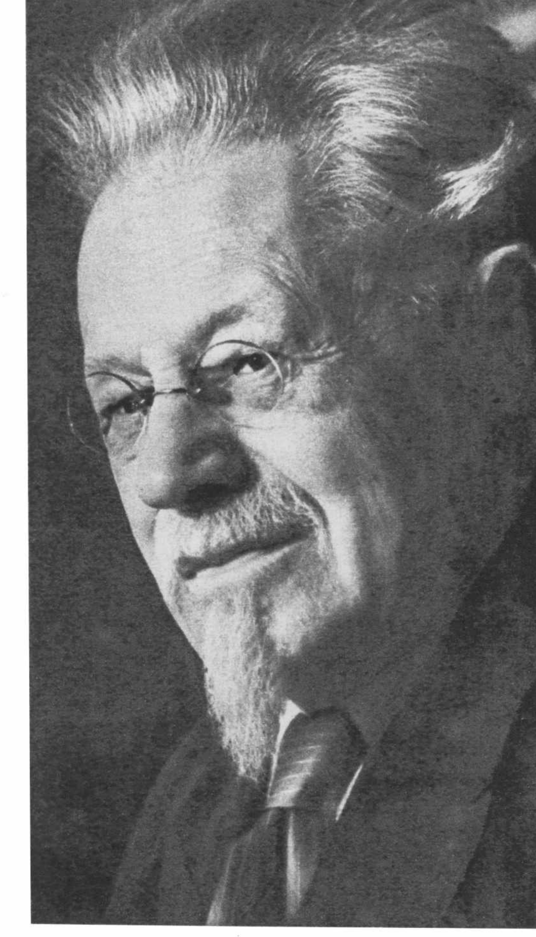
Если люди сорок лет помнят твою книгу, наверно, запала она им в душу.

Как пишутся такие книги? У Вячеслава Алексеевича, как он говорит, есть своя метода.

Среди рукописей Ильича, хранившихся в «чемодане Фрея» у Карпинского, была рецензия на «журнальчик «Свобода», который «претендует на популярное писание» для рабочих». «Но это не популярность,— пишет Ильич,— а дурного тона популярничанье. Словечка нет простого, все с ужимкой... Популярный писатель подводит читателя к глубокой мысли, к глубокому учению, исходя из самых простых и общеизвестных данных, указывая при помощи несложных рассуждений или удачно выбранных примеров главные **выводы** из этих данных, наталкивая думающего читателя на дальнейшие и дальнейшие вопросы».

Вот метода, которой следует Карпинский.

Так были написаны в тридцатых годах брошюры о колхозном строительстве. Так были написаны «Беседы о социализме», по которым все мы в те же годы учились в политкружках. Так был написан учебник «Конституция СССР». Ох, и хватил же Карпинский горюшка с этим учебником от Академии педагогических наук, которая сочла книгу недостаточно серьезной! Поручили написать другую ученым-юристам. Но учебник их не приняли ни те, кто учит, ни те, кто учится. В школах шли уроки Конституции, а пособия все еще не было. И тогда Учпедгиз «рискнул»: напечатал учебник Карпинского. Книга пошла! Она выдержала семь изданий и 11-миллионный тираж на русском языке, не считая других, хотя была и не очень академичной. Впрочем, она и писалась не для академиков, а для ребят-семиклассников.

Вячеслав Алексеевич
КАРПИНСКИЙ.

Фото И. Тункеля.

Долгие годы готовил себя Карпинский к главному труду своей жизни. Народная биография Ленина! Сразу после смерти Ильича, потрясшей его, Вячеслав Алексеевич сел и за несколько дней написал краткое «Жизнеописание великого вождя, составленное для крестьян и рабочих». Оно начиналось так:

«— Шапки долой! — в этой книжке я буду говорить о величайшем в свете вожде восставших рабочих и крестьян...»

Это было заявкой на будущую большую книгу. Теперь, когда у Карпинского собрана гигантская лениниана — почти все, что напечатано о Ленине по-русски,— когда записаны рассказы сотен людей, такая книга пишется. Готовы четыре главы, с которыми познакомились уже миллионы читателей «Правды».

Сбор материала продолжается. О, как повезло недавно Вячеславу Алексеевичу! Он отдыхал в санатории в Барвихе. Прогуливался по аллеям. Проходил мимо скамейки, на которой сидел один из отдыхающих и беседовал с каким-то стариком. До ушей Карпинского донеслось: «Шушенское...» Он прошел мимо еще раз, еще и потом подсел...

— И представляете, кем оказался этот старик? Евтев! Я и не знал, что он жив. С ним Ильич в Шушенском на охоту ходил, рыбачил. Он тайные письма Ильича другим ссыльным доставлял... Какая находка!

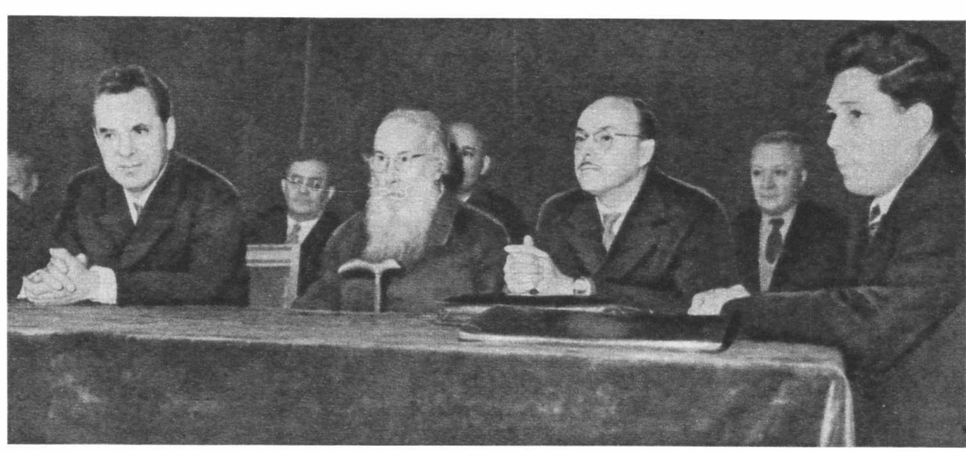
В голосе у Вячеслава Алексеевича ликующая нота. Он доволен, как может быть доволен настоящий газетчик, напавший на интересного человека... Слушаю я Карпинского, вижу его поблескивающие глаза, вижу, как молод он в свои 80 лет, этот нестареющий публицист коммунизма, человек, который вот уже 62 года идет в строю ленинцев.

ЧЕТВЕРТАЯ СЕССИЯ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР. Группа депутатов Верховного Совета на Красной площади. Слева направо: главный зоотехник Боргойского овцесовхоза, Бурятской АССР, Л. А. Уварова, председатель сельского Совета села Пироговцы, Хмельницкой области, М. А. Леськова, первый секретарь Бичурского райкома КПСС Бурятской АССР В. Г. Большаков, председатель Луганского совнархоза А. С. Кузьмич, доярка колхоза имени Калинина, Хмельницкой области, М. А. Латюк, машинист шагающего экскаватора треста «Вахрушевуголь» Свердловской области Д. Н. Воротов.

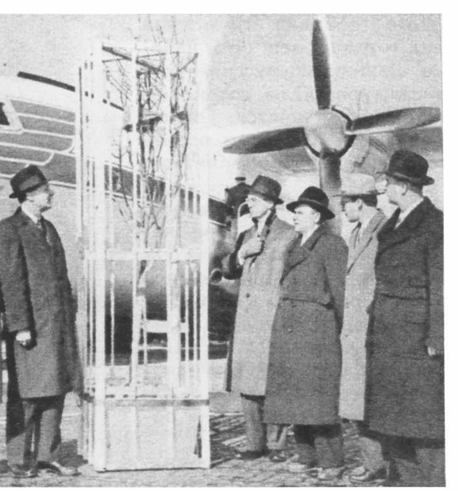
Фото Н. Ситникова (ТАСС).

МЕДАЛИ, ПРИСУЖДЕННЫЕ СОВЕТСКИМ ХУДОЖНИКАМ на Международной выставке искусства книги, которая проходила в 1959 году в Лейпциге, на днях были вручены награжденным.

На снимке (слева направо): министр культуры СССР Н. А. Михайлов и художники, награжденные золотыми медалями, В. А. Фаворский, Д. А. Шмаринов и А. Д. Гончаров.

Фото Ф. Короткевича.

ЭТА РУССКАЯ РЯБИНА БУДЕТ РАСТИ В ГЕТТИСБЕРГЕ, НА ФЕРМЕ ПРЕЗИДЕНТА США. Как известно, Н. С. Хрущев послал президенту США Д. Эйзенхауэру саженцы деревьев и кустарников, растущих в Советском Союзе, в память о встречах в США. Д. Эйзенхауэр передал Н. С. Хрущеву благодарность за подарки. Он отметил, что они будут постоянным напоминанием о визите Н. С. Хрущева в США и о беседах, состоявшихся во время этого визита. Саженцы были доставлены в Вашингтон на советском самолете «АН-10».

Фото «Ассошиэйтед пресс».

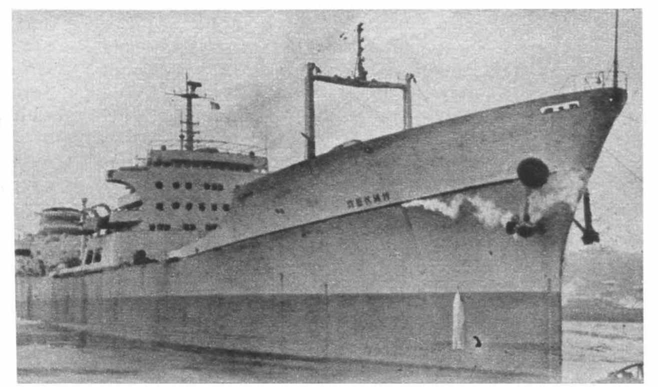
ЗИМНИЕ ЭКЗАМЕНЫ начались в высших учебных заведениях страны.

На снимке: доцент П. И. Воронов (в центре) перед началом экзамена по физике беседует со студентами второго курса Московского горного института имени И. В. Сталина.

Фото И. Алексеева.

САМЫЙ КРУПНЫЙ В СОВЕТСКОМ ТОРГОВОМ ФЛОТЕ танкер «Пекин», построенный на Балтийском заводе в Ленинграде, закончил ходовые испытания. Водоизмещение судна — 40 тысяч тонн. Оно предназначено для перевозок нефтепродуктов между портами Черного моря и Дальнего Востока.

Фото К. Черевкова.

ТРИ ТЫСЯЧИ ЭЛЕКТРОДВИГАТЕЛЕЙ ДЛЯ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА обязались изготовить сверх плана в 1960 году рабочие и инженеры московского завода «Динамо».

На снимке (слева направо): начальник технического бюро Н. П. Васильев, руководитель бригады конструкторов Б. И. Нагибин и старший инженер Г. С. Харджиев просматривают чертежи первой партии электродвигателей перед сдачей их в производство.

Фото А. Гостева.

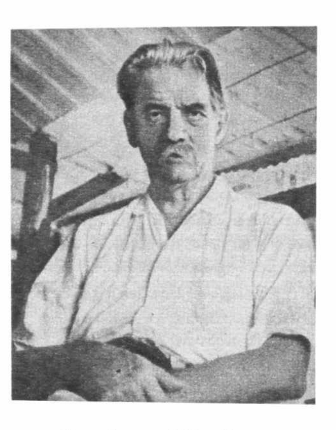

РУКОВОДИТЕЛИ ПРОПАГАНДИСТСКИХ СЕМИНАРОВ горкомов и райкомов партии Московской области заслушали доклад министра сельского хозяйства РСФСР С. В. Кальченко о решениях Пленума ЦК КПСС в декабре 1959 года.

На снимке: после доклада С. В. Кальченко беседует со слушателями.

Фото К. Федорова.

К 85-летию со дня рождения

Альберт Швейцер

Среди африканских девственных лесов, в Габоне, милях в пятидесяти к югу от экватора, на берегу реки Огове, стоит необычное для пейзажа Африки здание больницы. Человека, который построил ее, который живет здесь и работает, африканцы называют «Великий доктор». Имя этого человека знают во многих странах. Его зовут Альберт Швейцер.

В 1957 году, когда в мире все сильнее и сильнее звучало требование народов прекратить ядерные испытания, к голосам борцов за мир присоединил свой голос и Альберт Швейцер. Опасность, которую несут с собой ядерные испытания, оспаривалась западными учеными, состоявшими на службе у своих правительств. Альберт Швейцер, человек независимых взглядов, честно и смело встал на сторону тех, кто выступал против испытаний. В своей «Декларации совести» Швейцер обращался к общественному мнению мира и заявлял: «...Катастрофа должна быть предотвращена». «Декларация совести» была проникнута большой тревогой за будущее, она будила мысль равнодушных на Западе, она заставляла людей ощутить свою ответственность за грядущие поколения.

Выступление Швейцера было не случайным. К долгим годам жизни Швейцера — 14 января ему исполнилось восемьдесят пять — можно поставить эпиграфом его собственные слова, его кредо: «Преклонение перед жизнью».

Швейцер родился в городе Кайзерсберге, в Верхнем Эльзасе, в семье священника. Человек широких интересов, он получил богословское образование в Страсбурге, учился музыке в Париже, выступал с органными концертами, исследовал творчество Гете. Уже за 30 лет он стал изучать медицину и в 1913 году получил диплом врача. В том же году он отправился во Французскую Экваториальную Африку и организовал там больницу для туземцев. Когда началась первая мировая война, французские власти в связи с его немецким происхождением интернировали Швейцера. Он возвратился в Европу. После окончания войны он снова едет в Африку. С тех пор с небольшими перерывами (он несколько раз возвращался в Европу, чтобы читать лекции и выступать с концертами) Швейцер живет в Африке, лечит, много пишет. Его перу принадлежит около трех десятков различных и непохожих одна на другую работ: книга об устройстве органов, африканские записи, философские работы.

За свою долгую жизнь Швейцер был свидетелем многих исторических собы-

тий. Он пережил две мировые войны и много размышлял о судьбах человечества. Швейцер видел нелепость войн, в которые ввергал мир империализм, он ощущает тупик, в который заходит Запад. Еще перед второй мировой войной, выступая против угрозы войны, он писал: «В тысячу раз нужнее теперь человеку нравственные идеалы...» Выработанная им система взглядов ценна верой в человечество, уважением к людям. Эти взгляды привели его в сердце Африки, и там он, человек Запада, где родилась и сформировалась теория и практика колониализма, сумел увидеть людей в африканских туземцах и посвятил им свой труд. Эти взгляды сегодня заставляют его выступать против войны и гонки вооружений.

Альберту Швейцеру была присуждена Нобелевская премия мира. Она пошла на то, чтобы заново оборудовать больницу на берегу Огове. В 1954 году, выступая в Осло в связи с вручением премии, Швейцер призывал: «Пусть народы в своих усилиях сохранить мир используют все возможности до конца».

А. СЕРБИН

Обуздать фашистскую нечисть

Трудящиеся Западной Германии протестуют против фашистских провокаций. На снимке: надпись на стене дома в городе Оффенбахе: «Долой нацистскую германскую имперскую партию!».

В Западной Германии не прекращаются фашистские вылазки, начавшиеся в последние дни истекшего года. В Кельне, Дортмунде, Дюссельдорфе, Киле, Гельзенкирхене, Оберхофе и ряде других городов на стенах домов, синагог, католических храмов, на памятниках жертвам нацизма появились фашистские лозунги, антисемитские надписи и знаки гитлеровской свастики. В Западной Германии состоялись демонстрации фашистского отребья. Снова, как во времена Гитлера, фашистские молодчики шли по улицам, неся пылающие факелы и флаги с эмблемой «третьего рейха», горланя нацистскую песню «Хорст Вессель» и другие гитлеровские песни.

Вслед за Западной Германией такая же волна провокаций прокатилась по Европе — Бельгии, Франции, Дании, Италии, Англии. Фашистские крысы вылезли из нор в Соединенных Штатах: свастика и нацистские призывы были обнаружены в Нью-Йорке и в Вашингтоне.

Канцлер Аденауэр с видом фальшивого смирения не раз заявлял, что в ФРГ якобы «навсегда покончено» с гитлеровским прошлым, что в Западной Германии «нет ни фашизма, ни гитлеризма». Это явная ложь. В составе министров боннского правительства не один бывший гитлеровский приспешник. Достаточно назвать пресловутого палача Оберлендера, видного нацистского «деятеля» Шредера и других. Запретив сотни прогрессивных организаций, устроив судебную расправу над сторонниками мира, боннские власти покровительствуют возрождению неофашизма, допускают открытое формирование фашистских организаций.

Общественное мнение всего мира глубоко возмущено наглыми фашистскими провокациями, рассчитанными на то, чтобы помешать начавшемуся потеплению в международных отношениях. Изо всех стран несутся голоса протеста, требования обуздать фашистскую нечисть.

Новоявленный «фюрер» неофашистской «германской имперской партии» Вильгельм Мейнберг (слева) в мундире генерала СС во времена Гитлера. Справа: Вильгельм Мейнберг выступает на пресс-конференции в Бонне с изложением «программы» своей партии.

ОБВИНЯЕМЫЕ СУДЯТ

В один из ноябрьских дней жители Дюссельдорфа были поражены необычным зрелищем: в подъезд мрачного серого здания на носилках внесли разбитую параличом седовласую женщину. Это в зал суда доставили неутомимого борца за мир — семидесятилетнюю Эдит Херет-Менге, члена муниципалитета города Мюнхена.

Так боннское правосудие начало возмутившую всех честных людей провокационную комедию суда против семи видных западногерманских борцов за мир. На скамью подсудимых вместе с Эдит Херет-Менге были посажены люди различных возрастов, профессий, политических взглядов. К активной борьбе за мир каждый пришел своим путем. Общее у них то, что все они лично пережили тяготы и ужасы войны.

Пастор лютеранско-евангелической церкви Иоганнес Оберхоф, например, уже после войны 1914—1918 годов пришел к выводу, что нельзя быть христианином, если не служить делу мира. Другого подсудимого, Эрвина Эккерта, члена Всемирного Совета Мира, борцом за мир сделали месяцы, которые он провел в качестве офицера в окопах первой мировой войны. Показателен жизненный путь и Вальтера Диля, самого молодого из обвиняемых: вместо высшего учебного заведения, куда он мечтал поступить по окончании школы, его призвали в 1944 году в фашистский вермахт; там он научился ненавидеть войну, там пришел к решению активно бороться против нее. К такому же выводу привела война и рабочего Густава Тифеса, и садовника Герхардта Вольрата, и страхового служащего Эриха Компалла. И вот теперь судьи в черных мантиях — некоторые из них в годы гитлеризма отправляли на смерть антифашистов и противников войны — по приказу хозяев из Бонна тщатся доказать, что движение сторонников мира якобы направлено на подрыв боннского государства и «инспирируется коммунистами».

Процесс в Дюссельдорфе длится уже более двух месяцев. И каждый новый день приносит новые провалы обвинению. На суде предъявляются документы, которые, по мнению обвинения, могут «изобличить преступников». Но это выступления и воззвания против войны, за мир, дружбу и взаимопонимание между народами.

Пастор Оберхоф в своем слове заявил:

«Я, как верующий христианин, горжусь тем, что стою здесь в качестве обвиняемого рядом с коммунистами. Для меня является почти символом то, что процесс начался в день 10 ноября, когда родился Мартин Лютер, мой великий учитель. Я могу только повторить то, что он когда-то заявил перед судьями в Вормсе: «Здесь я стою и не могу иначе».

Процесс организован боннскими правителями как раз в такое время, когда лед «холодной войны» дал глубокие трещины. Всему миру ясно, что судилище это должно послужить обострению напряженности в Германии, во всем мире, оправданию политики войны и агрессии, проводимой Бонном. Обвиняемые прямо в лицо судьям говорят об этом. И это превращает обвиняемых в обвинителей.

Бросаются в глаза трусливые маневры организаторов процесса. Обычно такие «суды» над прогрессивными деятелями и организациями ФРГ поручаются верховному суду в Карлсруэ.

Известный английский юрист Дэннис Ноэль Притт, выступающий защитником на процессе, приветствует обвиняемую Эдит Херет-Менге.

На этот раз генеральный прокурор ФРГ не решился выступить со столь «заметной» трибуны. Процесс решили провести в провинции, в Дюссельдорфе. Но сюда съехались люди со всей Западной Германии, со всей Европы, из Ирака и Индии. Разыграть судебную комедию «без шума» не удалось. Видные общественные деятели разных стран один за другим проходят перед судом, доказывая чудовищность обвинения. Среди них — чехословацкий епископ Милослав Новак, член Всемирного Совета Мира Джесси Стрит, западногерманский историк профессор Клара-Матич Фасбиндер, известный общественный деятель Западной Германии Вильгельм Эльфес и многие другие.

Боннским судьям явно не повезло со свидетелями обвинения. Многие из них отказались ехать в Дюссельдорф, ссылаясь на «дальность расстояния», некоторые срочно «заболели». Решено было допросить этих свидетелей в Штутгарте и Майнце, но и туда их явилось мало.

И уж полный конфуз потерпела боннская Фемида в испытанных приемах использования в качестве свидетелей обвинения платных агентов охранки. Эти «свидетели» попросту не оправдали денег, истраченных на их тренировку. Некоторые из них не сумели даже запомнить сфабрикованные для них «показания», беспомощно путались под перекрестным огнем вопросов защиты.

Судебная расправа в Дюссельдорфе вызвала негодование всей мировой общественности. В самой Германии все честные немцы расценивают процесс над борцами за мир как один из самых постыдных шагов боннской юстиции. Пастор Оберхоф подчеркнул в письме к западногерманской общественности, что попытки врагов мира воспрепятствовать развитию движения в защиту мира в Западной Германии побуждают всех честных людей еще решительнее бороться за окончательную победу мира над войной.

С. ГЕОРГИЕВ, Н. ИЗМАЙЛОВ

Обвиняемые борцы за мир у здания суда в Дюссельдорфе. Слева направо: Герхардт Вольрат, Иоганнес Оберхоф, Вальтер Диль, Эрвин Эккерт, Густав Тифес, Эрих Компалла.

Уголок площади Конституции.

17 января — пятнадцатилетие освобождения Варшавы

КРАСИВАЯ, ГОРДАЯ

Я. НЕМЧИНСКИЙ

Скорбь, написанная на лице этого пожилого, седеющего человека, была так безмерна, что мы невольно остановились. Вокруг до самого горизонта лежали руины Варшавы. Плечи человека вздрагивали, но не от жестокого январского мороза 1945 года.

— Боже, боже мой! — с трудом выговорил он, поднимая на нас воспаленные глаза.— Только сегодня я вышел из подвала, и... вот что с ней сделали!..

— Простите, о ком вы? — слегка коснувшись его плеча, спросил я.— Может быть, вам нужна помощь?

— Пан офицер... русский...— медленно, словно отрываясь от дум, произнес он,— о чем вы спрашиваете? Нет, чем же вы можете помочь? Теперь уже поздно... Да, вы говорите по-польски! Это хорошо... Но помочь вы не можете. Варшавы больше нет.

Он искоса взглянул на меня.

— Говорят, Москва тоже сильно разрушена. А от Смоленска только щебень остался, правда это?

— Не совсем. Москву хорошо защищали.

— Да,— тихо произнес старик.— А вот нашу Варшаву... Кто ее теперь восстановит? Да и возможно ли это?

— Возможно! Польский народ отстроит. Поверьте, будет жить Варшава... Советский Союз поможет.

Старик внимательно посмотрел на меня, снисходительно улыбнулся и развел руками.

— Это хорошо, что вы верите! Только потребуется на это не меньше пятидесяти лет... Уж я-то знаю!

...Мы расстались. Когда старик исчез за остовом ближайшего дома, мой спутник, польский офицер, коренной варшавянин, сказал, что знает этого человека: он был известным архитектором. Забегая вперед, скажу, что к десятилетию народной Польши мы списались с ним и он сам признал свое поражение в нашем мимолетном споре на руинах Варшавы.

* * *

Маршалковская... В те памятные январские дни перед нами лежала длинная вереница закопченных, искореженных взрывами стен, куч щебня, невероятных нагромождений, изогнутых балок, кровельного железа... Весь город, когда-то сверкавший своеобразной красотой, был гигантским кладбищем.

Но уже рождалась в развалинах жизнь. С разных сторон спешили в Варшаву уцелевшие ее жители. На самодельных тачках, велосипедах, салазках и просто на плечах они везли и тащили свои пожитки.

Варшава свободна! Казалось, этот клич гремит по всей Польше, сзывая в столицу всех, кому она дорога, кто пережил с ней вместе одну из величайших трагедий польской истории.

* * *

На третий день после освобождения в Варшаве состоялся парад возрожденного Войска Польского. Шли прославленные костюшковцы — солдаты и офицеры 1-й польской дивизии имени Тадеуша Костюшко, сформированной в СССР. Было радостно видеть, какой гордостью и счастьем светятся их лица, как сильны они новым духом — духом борьбы за социалистическую Польшу.

Но вокруг еще простиралась страшная каменная пустыня. В Варшаве не было воды, света, связи, городского транспорта... Стоило присмотреться к этим руинам, и невольно опускались руки. Многие специалисты в те дни с цифрами в руках доказывали, что легче построить большой город на новом месте, чем восстанавливать Варшаву на старом.

Они не оценили главного: силы и патриотизма народа. Победила воля Рабочей партии, победила любовь простых поляков к Варшаве — национальной святыне, с которой у польского народа связаны лучшие традиции борьбы за свободу.

И первыми, кто протянул дружескую руку помощи, были народы Советского Союза. В Варшаву были направлены эшелоны с хлебом, одеждой, медикаментами, строительными материалами, автомашинами, оборудованием. Наши солдаты вместе с польскими трудились не покладая рук: восстанавливали разрушенную электростанцию, налаживали водоснабжение, телефонную связь. Вспоминается поистине героическая работа наших ПАХов (передвижных автохлебопекарен). Круглые сутки солдаты выпекали хлеб для возвращавшихся к родным очагам варшавян.

Старе-Място. После восстановления оно выглядит так же, как и раньше.

Все новые ростки жизни пробивались в освобожденной Варшаве: появились кафе, разместившиеся в... полуразрушенных трамвайных вагонах; то там, то здесь, чудом зацепившись за покореженные балки, примостились каморки из наскоро слепленных, закопченных кирпичей; из подвала вдруг протянулась немыслимая разнокалиберная «труба» от «буржуйки»; на углу Хмельной, в полуразрушенном подъезде почти несуществующего дома, разложил книги букинист; по еле заметным тропкам среди руин побежали резвые варшавские мальчишки, крича во все горло: «Свежие газеты! «Речь Посполита», «Победим!»...

* * *

Варшава поднялась из руин. Сегодня она втрое, вдесятеро краше, чем была. Лозунг «Вся Польша строит Варшаву!», провозглашенный Польской объединенной рабочей партией, стал живым делом. Варшава восстановлена на своем историческом месте, и сделано это не в пятьдесят лет, а в три раза быстрее.

В прежней, буржуазно-помещичьей Польше, даже в пышной Варшаве, существовали трущобы и районы бедноты. Теперь их нет! Новые, радующие глаз жилые районы возникли на месте бывших окраин и предместий: Воля, Мокотув, Жолибуж, Мариенштат, Грохув. Целые кварталы великолепных современных зданий, светлых, красивых, удобных.

Но Варшава не утратила и того, что издревле придавало ей такую обаятельность. Чего, например, стоит одно лишь восстановленное в своем первоначальном облике Старе-Място с его живописным Рынком!

Многочисленные иностранные туристы, посещающие новую Варшаву, только ахают и восторгаются. Некоторые даже не верят, что Варшава была разрушена, и утверждают, что это... «красная пропаганда». Но подобных «ископаемых» среди посетителей становится все меньше. Правда о трагедии, героизме и возрождении Варшавы стала достоянием всего прогрессивного человечества.

Советские люди славят вдохновенный труд, вложенный польским народом в восстановление родной столицы, и горды тем, что в этом труде есть и наша дружеская доля.

Варшава зимняя.

ПО МАСТЕРСКИМ ХУДОЖНИКОВ

В. Г. Цыплаков. В. И. ЛЕНИН СРЕДИ КРЕСТЬЯН.

Художники РСФСР готовятся к выставке «Советская Россия».

В. Ф. Васин. ЦВЕТОЧНЫЙ РЯД.

ПО МАСТЕРСКИМ ХУДОЖНИКОВ

Ю. С. Подляский. ЛЕНИНГРАД.

Повесть

Леонид ПАСЕНЮК

Рисунки И. ГРИНШТЕЙНА.

5

Утром Петр пошел в контору с головной болью. А выпил он вчера совсем немного: стограммовый граненый стаканчик. Голова болела, черт ее знает отчего. Оттого, что он не смел прямо взглянуть в глаза Рите, оттого, что предстояло как-то объясниться с Верой, и еще от сознания собственной подлости.

Близ клуба в песке играли дети, девчонки и мальчишка. Потом они сорвались и суматошной стайкой побежали к гавани.

Откуда-то сбоку вынырнул еще один вихрастый мальчуган.

— Толь, Толь! — крикнул он вдогонку приятелю.— Толь, беги сюда, что я тебе скажу!

«Толь» даже не оглянулся.

Крепко расставив в песке ноги, вихрастый мальчуган изобразил на круглой мордашке крайнюю степень презрения.

— Эх ты! — И ожесточенно сплюнул.— Связался с бабами! С бабами связался...

«Вот именно,— покривил губы Петр.— Связался с бабами. А развязаться не умею, хоть ты тут лопни!»

Невдалеке от конторы он увидел Веру в драповом пальто с манжетами. На ушах ее качались в виде каких-то бессчетных бубенчиков безвкусные подвески. Вспомнилось, что вчера он подписал приказ об уходе Званцевой в очередной отпуск,— видно, оттого она такая разодетая.

— Очень тебе нужны эти колокола,— сказал Петр и протянул руку.— Здравствуй!

Пожимая руку, Вера просияла:

— Вам не нравятся? Ну, я не буду их носить. Я и сама не люблю. Это так, ради... ради...

Она покраснела.

Петр отвернулся и сдержанно покашлял.

— Ты вот что, Вера... Ты вчерашнее забудь, поняла?

Она как бы задохнулась, отвела взгляд. Краска медленно отливала от щек.

— Поняла, чего уж... Чего уж тут не понять!

Петра удручала необходимость объяснять и оправдывать свое поведение. Но раз все понятно, то чего уж тут действительно... Он облегченно выпрямился.

— Ну вот... Вот и хорошо. Пойми ты меня, что я без умысла... Просто так получилось — одно к одному... Бывают в жизни такие обидные минуты.

— Да, так получилось. И вы не подумайте, что я чего-нибудь там требую. Я ничего не требую.

В голосе ее закипали слезы. Но она гордо вскинула голову, и позолоченные подвески качнулись тоже гордо.

Из конторы выбежала машинистка, крикнула директору:

— Петр Васильевич, там кита на берег выбросило!

— Где выбросило? — спросил Петр, радуясь возможности прервать неприятный разговор.

Оказалось, что получена радиограмма от капитана «жучка» Недродова. Капитан сообщал, что на восточном берегу острова, в устье реки, невдалеке от мыса Командора, выброшен кит, но подойти не позволяет штормовая погода.

Разделать тушу кита, очевидно, подраненного китобойцем, было бы весьма желательно, так как с кормами для песцов то и дело ощущался перебой: рыбу в последнее время из-за штормов почти не ловили.

— Отлично! — сказал Петр, разглаживая радиограмму по сгибу.— А если я туда поеду, проверю, что за кит? Тем более, что я ни разу не был на восточном побережье.

Быстрецов, находившийся в эту минуту в кабинете, отчужденно пожал плечами: хозяин — барин, почему бы и не поехать?

Забежав домой и наскоро поев всухомятку, он поцеловал Риту в лоб и сказал, что уезжает дня на два, на три в тундру. И чтобы не скучала без него. Он уезжал охотно. Надо было остаться наедине с собой, со своими думами, разобраться в хитросплетении чувств и побуждений, управлявших его жизнью в последнее время.

Собаки подобрались одна в одну, за исключением разве только недавно ощенившейся Кастрюльки, постаревшей и ленивой. Трава была влажная; короткая, полутораметровая нарта, подбитая железом, скользила споро. Из-под полозьев вразброс цвикала гнилостная, дурно пахнувшая жижа тундры. Петр прикрывался от нее жестким рукавом плаща, а спереди его защищала мальчишеская спина девятиклассника Андрюши, согласившегося поехать каюром.

Ни у Джека Лондона, ни у какого-либо иного писателя, воспевавшего Север, не встречал Петр такого дива, чтобы летом по траве ездили на собаках. А на Командорах собачья упряжка в летние месяцы была самым распространенным видом транспорта, маневренным и быстроходным.

На кочках раз от разу Петра подбрасывало, и ему казалось, что под ним сочится салом мешок с прелыми охотничьими сосисками, взятыми для собак.

Он умиротворенно и благостно смотрел вокруг и не мог насмотреться, хотя волшебных красот не открывалось. Ландшафт был довольно однообразен и уныл. Краски анемичны. Солнце не проглядывало.

Вскоре нарта перевалила через сопки, и ударила в глаза бело-ершистая гладь того моря, что так неласково обошлось с пакетботом командора Беринга.

Быстро, за полчаса, скатились вниз, к берегу, и поехали по лайде.

Собаки смешно скользили на глянцевито-влажной кайме морской капусты, аккуратно отодвинутой приливом к сухому песку.

Повернув к директору смуглое, со слегка раскосыми глазами лицо алеута, Андрюша длинно и не очень убедительно рассказывал притчу о серебряных кружках, будто бы найденных его приятелями на месте землянок беринговцев. И кружки эти будто бы послужили причиной многих приключений, после чего их все-таки отобрали не то для музея, не то для самой Москвы...

Скорее всего, они возникли на свет божий как порождение буйной мальчишеской фантазии. А впрочем, почему бы и не найти кружку, да еще ту самую, из которой пил командор?..

Вдали показалась туша кита-финвала. Петр крякнул: кит оказался подпорченным. Его вздуло и расперло. Он лежал спиной вниз, выставив жиденько проглянувшему солнцу желтое брюхо со множеством линованых, рифленых полос.

Открыв футляр фотоаппарата, Петр сделал несколько снимков. Затем он взобрался на брюхо кита и станцевал невразумительный танец: нравилось, что туго надутая газами туша животного эластично прогибается и амортизирует.

Упруго пройдясь от головы до хвоста, Петр с сожалением подумал, что поездка не удалась, что, пока установятся спокойные дни, туша окончательно разложится и не будет смысла гнать сюда катер. Он подосадовал, что впустую пропадает такая уймища мяса.

Андрюша между тем длинным самодельным ножом с роскошным сабельным эфесом вырезал на брюхе у кита сальные полосы для собак.

— Смотри, шибанет тебя газами,— поостерег Петр.— Веселая будет картина!..

— Не-е,— заверил Андрюша.— Сала тут у него непробиваемый слой.

И эти несколько грязно-желтых полос были единственным, чем удалось попользоваться путешественникам от выброшенного финвала.

— А что, Андрюша, раз уж мы здесь оказались, не протянуть ли нам километров пяток дальше? — предложил Петр.— К мысу Командора, а?.. Просто как-то неудобно, что я там до сих пор не был.

— За серебряными кружками? — лукаво прищурился Андрюша.

— Ты брось сказки мне рассказывать.

— А то еще там наши школьники бисер находили, который был на пакетботе, должно, чтобы туземцам дарить.

— Что ж, бисер так бисер,— сдался Петр.— Горазд ты на выдумки. Едем!

На одном из склонов, некруто срезанных к бухте Командора, четко выделялся в холодной синеве железный крест, поставленный военными моряками Тихоокеанского флота взамен деревянного, более двухсот лет выдерживавшего шквальные порывы жестоких ветров. Петр с благоговением обходил трухлявые обломки этого креста.

Непышно цвели вокруг могилы рододендроны.

Петру хотелось пройти в низину, где осела в траву полузаваленная землянка. Очевидно, она была последней из землянок, выстроенных экипажем потрепанного пакетбота «Святой Петр».

Опасаясь хлябких мест и высоко подпрыгивая в зарослях светлых хвощей и таганника, Петр пробрался с каюром к речушке, преграждавшей путь к землянке.

Долго искал он место посветлей, помельче. Но вода, как ни осторожно ставил ноги Петр, залила голенища, и на берегу пришлось выкручивать портянки, нахолодавшие, как лед.

Высунув из землянки узкую мордочку с навостренными ушами, встревоженно тявкнул песец. Потом он скрылся где-то в недрах исторического сооружения, и оттуда вновь утробно донеслось: «Тюв, тюв!..»

Из щелей отовсюду пучками лезла рыжая трава. Прогнившее дерево обросло мохом. Железные штыри оделись в панцири двухвековой ржавчины.

Петр сдернул фуражку. Здесь жили люди Беринга, и постепенно Петром овладело чувство сопричастности к трагическому событию в истории русского мореплавания, чувство преклонения перед волей, энер-

Окончание. См. «Огонек» №№ 1, 2 за 1960 год.

гией и бескорыстностью человека, который впервые ступил на эти пустынные берега, пусть даже по воле бедственного случая. И меньше всего он думал сейчас о Беринге. Он думал вообще о русском моряке.

Нахлобучивая фуражку, Петр спросил у каюра:

— Так где же твои товарищи находили бисер?

— А вот в песке. Тут уж, знаете, рыли, рыли...

И Петр, забыв, что ему уже не пятнадцать, а скоро стукнут все тридцать лет, самозабвенно принялся лазить по песку на четвереньках, принялся разгребать его и просеивать из ладони в ладонь. Он не стал бы этого делать, если бы сразу же не обнаружил поблизости в комке грунта красное зернышко — бусину. Вскоре их было уже с десяток, а часа через два — сотня.

Он устал, с непривычки ныли колени и ломило поясницу. Зато был вполне доволен: на ладони разноцветно тускнел бисер, каким и сейчас модницы Севера расшивают себе платья и легкую обувь. Частью бисер представлял окрашенное сверху стекло, частью же — цветную керамику. Да, на ладони у Петра лежала если не материальная ценность, то уж, во всяком случае, несомненно, историческая...

— Посмотрите, кто идет! — вдруг сказал Андрюша.

Петр с усилием выпрямил спину, встал.

Навстречу им по лайде шла молоденькая учительница географии с группой учеников, а сзади плелась... Рита. Вид у нее был измученный, шаровары вымокли: начался прилив.

Петр напряженно глотнул вставший в горле комок: так непривычно и так радостно было увидеть здесь Риту!

— Это и есть могила Беринга? — поздоровавшись, недоуменно спросила она.

— Это и есть.

— Хотя бы памятник поставили!

— Да, памятник бы надо,— согласился Петр.

Школьники разбрелись по всем закоулкам бухты, закопошились в песке, рвали рододендроны для могилы...

Рита, прихрамывая, отошла в сторонку.

— Устала я,— пожаловалась она.— До бухты Подутесной нас подбросили на катере, а уж оттуда пешком, по рифам... Это меня Софья Васильевна сагитировала пойти в поход. Ты, наверное, удивился, когда меня увидел?

— Очень,— сознался Петр.— И обрадовался.

— Видишь, на какое самопожертвование я способна! — Она усмехнулась.— А только нельзя ли сегодня уехать отсюда? Нога вот у меня... подвернулась, что ли...

Наступал вечер. Небо было глубоким и ясным, освобожденным от тяжести облаков, и только за дальними сопками, там, где малиново расплескался закат, недобро копились густо-фиолетовые тучи. От песка, пропитанного влагой скоротечных туманов, тянуло простудной знобью.

— Сегодня нельзя. Поздно уже. Да, кстати,— оживился Петр,— я бисер тебе тут насобирал. Хочешь взглянуть? Должно быть, беринговцы захватили для туземцев.

Рита странно посмотрела на мужа. Раздумчиво-небрежно потрогала ногтем в ярком маникюре тусклые стекляшки и пожала плечами.

Уж лучше бы она что-нибудь сказала!

Заночевали тут же, поблизости, в охотничьей юрташке, на куцей оленьей шкуре, и, так как печка нещадно дымила, всю ночь стучали зубами.

Утром Петр приволок с берега прочный бамбук, опоясанный яркоцветными японскими поплавками из пенопласта, и вырезал себе эдакий скитальческий посох.

Школьники оставались в бухте еще на день.

А Петру захотелось пройти пешком до самого ночлега.

Несмотря ни на что, в эти часы его переполняла радость бытия. Он шел — и шарики на листьях водорослей лопались под ногами. Песок скрипел, как крахмал. С шорохом оседала под подошвами мелкая галька.

Он переходил речки, совсем мелкие по отливу, и садился отдыхать на массивные позвонки кашалотов, напоминавшие гребные винты.

Он не ленился поднять добротную швабру, смытую волной с прохожего иноземного судна, дивился деревянной японской обуви, поражался обилию леса едва ли не всех пород, известных в мире: корабельной сосны, и карельской березы, и железного самшита, и бука... Да, пустынные эти берега стойко отражали удары разъяренных штормовых накатов, собирая при этом обильные, хотя и зачастую бесполезные дары моря...

Ненасытное любопытство молодого и дотошного человека вело Петра по земле Командора. Жажда узнавания заставляла Петра разбивать вздувшиеся консервные банки, бросать мутные электрические лампочки, чтобы услышать глухой хлопок взрыва, ворошить карманы полузасыпанных, рваных и сопревших бушлатов, чтобы хоть самую малость приобщиться к судьбе их бывшего хозяина, узнать, кто он.

Он по-детски был уверен, что в какой-нибудь из бутылок, поднятых им с водорослей, бутылок с изображением тысячезубых драконов, фирменной геральдики и прочего, попеременно шибающих в нос прокисшим пивом, жжено-резиновым пепси-кола и шотландским виски, вдруг взовьется дымообразный джин — добрый и веселый дух сказки... Он был уверен, что рано или поздно найдет свою бутылку с залитым смолою горлышком; она будет хранить великую тайну погибшего корабля.

Потому что, в конечном счете, мир вокруг, мир у ног Петра простерся неизведанно огромный. Ухватившись за белопенные гривы волн, не даваясь в руки, он откатывался в море и уже в следующую минуту плескал в затянутые призрачной дымкой берега Калифорнии. Он был глубинным и пространственным. Он звал и манил. Он обещал раскрытие тайн и превращение действительности в вымысел.

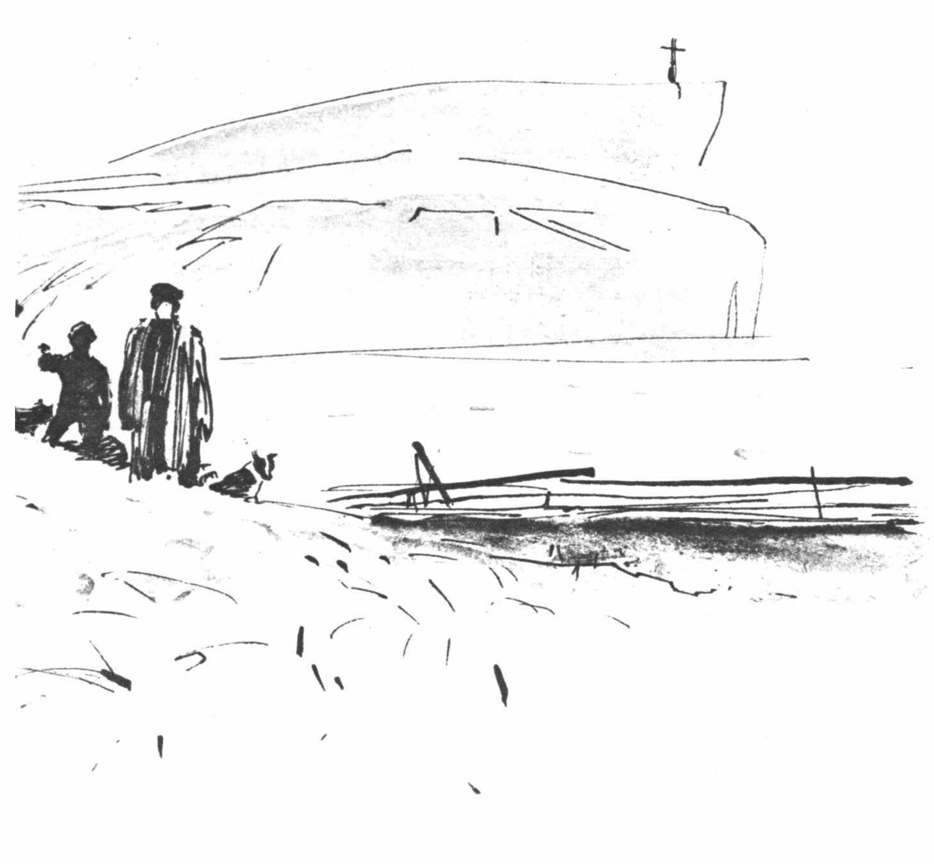
И здесь, на восточном берегу острова Беринга, Петр стоял наедине с этим миром.

К вечеру он добрался до Старой Гавани.

Андрюша давно уже сварил на костре ароматную рисовую кашу с говяжьей тушенкой и вскипятил крутой чай. Теперь он сушил дымом резиновые сапоги. Наберет дыма в сапог, зажмет голенище и сидит, выжидает...

Рита отдыхала в юрташке.

Начался дождь, погода резко испортилась (недаром вчера клубились мрачно-фиолетовые тучи). В низкое, заплаканное оконце юрташки сквозь колючую, посеревшую траву лезли волны, всклокоченные дождем. Уныло бился над землей ветер. Уплыли от рифов тюлени.

Плотно поев и попив чайку, улеглись еще засветло, натянув на себя все, что можно было: брезент, телогрейки, плащи...

Но спать пока не хотелось.

— О чем ты думаешь? — спросил Петр у жены.

Она лежала, накрывшись до подбородка, и смотрела перед собою не мигая, будто прислушиваясь к чему-то, что происходило на чердаке.

— Я думаю о пути, который прошла со школьниками от бухты Подутесный до Гладковской. Там такие рифы... Их своеобразие трудно выразить словами. Это как музыка, Петя... Да, да! У меня в душе рифы родили именно музыку: торжественные симфонии, органные фуги... А потом я подвернула ногу, и было уже не до музыки.

Она помолчала, и Петр почувствовал ее улыбку.

— Знаешь, а эта Софья Васильевна говорит, что я слишком камерная, что ли, для этих мест. Я ответила, что тут нет моей вины. А она говорит, что у нас на острове есть еще такая камерная женщина, только она и сильная к тому же,— Нонна Табакова. А я ответила, что Нонна — она уже не женщина, она монумент.

Петр не удержался и прыснул в кулак. А когда через несколько минут поднял голову, Рита спала: уморилась за день. Дыхание у нее было тихое, как у младенца.

Что касается Нонны Табаковой, то она была хорошим человеком. Просто она поругивала Петра всенародно, а это мало кому может понравиться.

Каждый ее приход к Свиридовым еще с порога знаменовался лобовым заявлением: «Братцы, хочу есть!»

Она была чересчур разговорчива, может быть, потому, что все знала: и о звездах и о том, что делается в комнате у соседа. Кроме того, у нее был годовалый сын, которым она нахвалиться не могла: командорец, островной житель! Сын рос без отца, хотя отец, нимало не смущаясь сим обстоятельством, проживал неподалеку, через дом. Нонна Табакова его не признавала.

При такой своей внешней грубоватости она была человеком тонкой душевной организации. Писатели писали ей письма, потому что Нонна Табакова была умна, с ней приятно было побеседовать и поспорить. Писатели писали ей письма еще и потому, что надеялись дождаться времен, когда Нонна Табакова начнет «глаголом жечь сердца людей». А она не спешила жечь, очевидно, понимая, что для этого одного ума недостаточно, нужен еще и огонь...

Да, так-то вот... Иные качества, по мнению Петра, жена могла бы и позаимствовать у Нонны, причем без всякого ущерба для собственного достоинства.

Ночь выпала беспокойная. Вдруг взвыла Кастрюлька, по своему особому положению привязанная в юрташке, подальше от собак-ухажеров. Ее вой выматывал душу.

Петр встал и бесцеремонно вытолкал Кастрюльку из юрташки.

Вторично его разбудила неприятная, стылая влажность плеча. Одуряюще размеренно капала с потолка вода. Она пробила плащ и телогрейку — плечо будто проволокой стянула судорога. Вода капала и на Риту, но та спала как убитая.

Петр чертыхнулся и начал перетаскивать каютную дверь, на которой спал, поближе к жесткой постели жены.

Все углы в юрташке были промозгло-сырыми. Из оконца и от дверей дул ветер.

Зябко кутаясь, Петр закурил. Глядя на расплывчатое в потемках и какое-то бесплотное лицо жены, он думал то об Инне Андреевне, то о Нонне Табаковой, но чаще и пристрастней о Вере. Он думал о женщинах, которые окружали или могли окружать его жену. Они были разными по характеру и уму, эти женщины.

Но тем скорее Рита должна была с какой-либо из них сойтись. А она не умела сходиться, или не хотела, или... Да что, впрочем, гадать!

Утром, после завтрака, Петр вышел из юрташки. Нарта уже была готова.

Вышла и Рита, села на мокрый брезент.

Колючий бус пробирал до костей.

Петр посмотрел вслед нарте — она мчалась по тундре, как водометный катер: из-под полозьев вода летела каскадами.

Рита казалась такой затерянной и жалкой среди разливанного моря слякоти. Унизанная каплями высокая трава хлестала ее колени.

Петр никогда не ощущал сердца. Оно не давало о себе знать. Не болело.

А тут он вдруг его ощутил. Глядя на Риту. Глядя на ее колени, враз исхлестанные мокрой травой.

Он пошел вслед за нартой пешком.

6

Кончался сезон забоя котиков.

Петр хотя и бывал частенько на лежбище, но обычно ко времени забоя уезжал в село. Зрелище убиения ни в чем не повинных котиков казалось особенно неприглядным по той причине, что они не сопротивлялись, а только, согнанные в кучу, напуганные длинными палками, торопливо прятали головы друг за друга и мелко дрожали. У некоторых от глаз стекали капли пота, которые можно было принять за слезы...

Над скученными зверями поднималось облако пыли, и ударял в нос запах мускуса.

Но под конец котикового промысла Петр все-таки приехал на лежбище, а с ним попросилась и Рита. Они даже участвовали в забое, точнее, участвовал Петр, потому что Рите стало не по себе.

Зато вечерами они сидели в углублении за черными лбами рифов и наблюдали за жизнью редкостных животных. Котики великолепно плавали, грациозно прогибая туловище. Своеобразная грация сопровождала каждое их движение на воде. Стоило видеть, как, подняв острую мордочку с усиками, величаво вытянув шею, чтобы обозреть пространство, котик небрежно и леностно обмахивается задним ластом, точно веером!

Над лежбищем перекатывались разнотонные звуки — преобладало либо рокочущее мычание, раскатистое кваканье, либо натужное кряхтенье, когда котики-самцы дрались из-за своих любовных неурядиц.

Чаще всего от этой проклятой любви страдали новорожденные котики — совсем слабые, махонькие, с голубой поволокой глаза, ни дать ни взять щенки дворовой Жучки. Их ласково называли черненькими. Беспомощных черненьких во время гаремных скандалов самцы-секачи давили почем зря: давили весом, достигавшим ста семидесяти и более килограммов. Тут ничего нельзя было поделать. Это уж были, как говорится, издержки производства.

А стоило только матери уйти в воду — и не находилось на всем лежбище существа более бесприютного, чем черненький. Мать выкидывала в воде разные гимнастические номера, а черненький тянулся ко всем самкам поочередно: ведь они были так похожи на ту единственную, что кормила его и берегла. Но отовсюду его нещадно гнали — без сожаления и даже раздраженно: у каждой самки были свои детеныши.

Черненький казался потерянным в этом мире черных камней, опоясанных витым шнуром прибоя.

Петру в такие минуты хотелось крикнуть: «Да вон же твоя мать, дурачок! Вон она в воде кувыркается!»

И чудом было, что только она, мать, среди сотен будто бы одинаковых черненьких, копошившихся между камнями там и сям, одинаковых по возрасту, цвету и запаху, безошибочно находила своего, уже обессиленного тщетными поисками.

Им посчастливилось наблюдать роды котика. Петр деликатно отошел от жены, оставив ее в одиночестве, а сам попытался пробраться поближе к месту родов. Ему, как звероводу, понаблюдать за этим физиологическим моментом было вдвойне интересно.

Котик родился в рубашке-последе. Мать зубами разорвала над его головой послед и стащила до задних ластов. Петр заметил, что черненький тотчас открыл глаза. То-то ему после темноты все стало в диковину! Был он мокренький и слабый. Мать ласково взъерошила детенышу шерсть, чтобы скорее обсох. А он фырчал, мотал головой и вскоре попытался уже ползать. Поначалу у него были белые ласты. Петр знал, что через несколько часов они почернеют.

Обсохнув, черненький стал жалобно блеять. Очевидно, требовал есть, потому что обессиленная мать тотчас взяла его зубами за шею и, подняв передний ласт, сунула к сосцам. А тот не понимал, чего от него хотят, и продолжал отчаянно кричать.

Секачу, главе гарема, не понравился этот крик; он сердито дернулся вперед, но, встреченный грозным ревом маленькой самки, покорно улегся.

Наконец черненький понял, в чем суть: он ткнулся мордочкой и стал сосать. Мать смирно растянулась и притихла, чтобы не потревожить новорожденного.

Когда Петр возвратился к Рите, она сказала:

— А самочки милые. А эти, как их, секачи — настоящие скоты! — Подумав, добавила: — Хорошо, должно быть, родиться в меху. В расчете на командорское солнце.

Петр засмеялся и похлопал жену по плечу.

Побродив два дня по окрестностям, изучив досконально берега невдалеке от лежбища, Рита заскучала и собралась в село: катер стоял на рейде.

Дергая на телогрейке мужа полуоторванную заплаточку, она придирчиво и недовольно говорила:

— Ну вот. Ну, что еще на повестке? Чего я еще не видела на Командорах? Чем прикажете заниматься?

Петр рассеянно слушал ее и думал о том, что ему тоже надо возвращаться в село: наступил сезон сбора щавеля для песцов, сообща догадались давать им в корм и рябину... Придется замочить тонн десять ягод рябины, никак не меньше...

— Ты меня не слушаешь?

— Что? Нет, я слушаю. Рябину прикажу рвать немного попозже, вот чем прикажу заниматься. Все на рябину! Всех женщин, всех детей надо увлечь...

Он думал о своем, он весь был в заботах, хлопотах, расчетах.

Рита вдруг ткнулась головой в его телогрейку и заплакала.

— Что ты? — всполошился он.— Ну что ты, глупая? Ну, скажи!..

Подняв мокрое от слез лицо, она сказала, всхлипывая:

— Ты хороший, зоотехник Свиридов. Но скажи мне... скажи мне, зоотехник Свиридов... ты очень мне веришь?

— Очень,— закрыв глаза, сказал Петр.

— А ты не верь мне очень,— попросила Рита.

Он долго смотрел, как она прыгает по осклизлым камням к шлюпке, и за шлюпкой наблюдал долго, пока Рита не взобралась на борт катера.

На душе у него было легко.

«Рецидив болезни,— успокоил он себя.— Она как выздоравливающая. И мягче стала, ровней. Ах, Рита, Рита!»

Он пошел в гору, к юрташке.

Как всегда, от курения в ней дым стоял коромыслом.

Лаврентий Харламов, самый опытный мастер котикового боя, был и самым пожилым из всех обитающих в юрташке, самым житейски опытным. Разливая суп, сваренный из риса с вермишелью, он спросил:

— Скоро в село пойдешь?

— Должно быть, послезавтра. Послежу тут еще денек,— ответил Петр.— Пора. Тут дело к концу, а там с песцами конца не видно.

Конечно, Харламов знал, что трудно живется директору комбината, обижает его жена, или, может, он жену обижает... Ведь от людей ничего не скроешь, тем более, когда живешь на виду.

— Ты бы ее присушил, жену, что ли,— сказал он.— Помнишь, как я тебя к Командорам присушил осьминогом?

Петр засмеялся и махнул рукой: что, мол, вспоминать...

Но если вспомнить, то произошло вот что. В первый месяц пребывания на Командорах Харламов угостил Петра в этой самой юрташке мелко нарезанным мясом осьминога, зажаренного в томатном соусе. Выдал он свое экзотическое блюдо за жареного краба, а там поди разберись, краб или не краб...

Не скоро признался Харламов в своей проделке. А впрочем, какая проделка? Мясо осьминога напоминало по вкусу рыбные хрящи, и если бы Петр побрезговал его отведать, то потому лишь, что перед глазами непременно возник бы ужасающий вид осьминога в натуре...

— Я ее и так присушил, жену-то,— сказал Петр.

— Ну, тогда она и сама еще осьминога попробует,— обнадежил Харламов.

Через день Петр направился в село кружным путем, по лайде. Дорога предстояла трудная, километров пятьдесят вдоль берега океана, кое-где по сплошным рифам. Но он любил ходить.

Светило солнце, к августу оно стало появляться чаще. Становилось даже душновато.

Несколько километров за Петром, почти след в след, бежал островной песец, обиженно тявкая от невнимания, выпрашивая поесть. Он отстал только у гладкой розовато-серой туши сивуча, прибитого к берегу накатом.

— Экая ты тварь несуразная, братец морской лев! — бормотнул Петр, равнодушно обходя дохлого зверя.

Телогрейку он давно снял, но все равно припекало. Были часы отлива. В рифовых углублениях стояла вода, подернутая сонной рябью. В этих природных ванночках она прогревалась в солнечный день обычно до шестнадцати — двадцати градусов. Ребятня вблизи села постоянно в них плескалась.

Петр решительно стащил ковбойку и, подрыгав ногами, освободился от просторных сапог. Немного посидел на солнцепеке, остужая потное тело. С неприязнью смотрел он на свою белую кожу, не знавшую загара с прошлого лета, с того лета, когда он познакомился с Ритой.

Наконец он осмелился сойти в воду. Что ж, вода была вполне терпима. Он поплескался малость и совсем приобвык. Хорошо было бы сидеть так, ни о чем не думая, наблюдая за той вон стайкой топорков. Благодаря их взъерошенным головкам, отягощенным красными клювами, похожими на топорики, переливавшаяся в отдалении волна напоминала щетку.

Хорошо бы сидеть и не думать!.. Но Петр думал о своей не очень задавшейся жизни и думал, что же такое жизнь вообще. Что же это такое — место человека на земле? Он не признавался себе, но его размышления были вызваны разными словесными наскоками Риты.

Бесхитростные выводы Петра сводились в какой-то своей части к тому, например, что он не хотел быть ни амебой, ни туфелькой, ни кустом у дороги. Он не хотел быть ни коровой, ни двенадцатым апостолом, если бы такой существовал. Он хотел быть самим собой в этом огромном синем мире, из конца в конец продутом вселенскими сквозняками. Потому что быть самим собой — это здо́рово. Просто, а не всякий сумеет. Не всякому дано быть честным, прямым и открытым в честном, прямом и открытом мире.

Но что о нем, есть ведь и Рита! Много бы Петр дал, чтобы она научилась ценить простые человеческие радости! Много бы дал, чтобы она постигла неброскую, потаенную прелесть той земли, на которой ныне жила; земли, вкруг которой бурлят и плещутся суровые воды и бьют могучими хвостами киты кашалоты, касатки, клюворылы, берардиусы и бутылконосы; земли, которую облюбовали морские львы, и бесценные котики, и умницы бобры, и музыкальная ларга; земли, на

которой тоже буйствуют распахнутые настежь вёсны, кипит молодая, обрызганная йодом и солью трава, играют в песке дети!..

Петр приподнялся. Внизу, у ног его и сбоку, как соты, густо лепились колонии мелких раковин, сцементированных розовой, зеленой и белой известью. И вода казалась пестроцветной от этого. Тихо шевелила крошечными щупальцами оранжевая актиния. Плескалась поблизости перепончатокрылая водоросль. Плыла тугая медуза. Навострил иглы полосатой шубейки морской еж...

А горизонт полегоньку запруживали молочно-золотистые облака густого налива.

Петр встал и растер ладонями тело. Все, что он увидел за какую-то минуту, было привычно и непривычно. И знакомо и незнакомо. Потому, что всякий раз примелькавшиеся будто вещи открывались ему с неожиданной стороны. Так было у него устроено зрение. Он умер бы с тоски, будь зрение устроено по-иному. Все равно где — на Командорах или в Ялте,— но он умер бы...

Очевидно, у Риты что-то со зрением. Какие-то врожденные шоры. Шоры? Да, но как поэтично говорила она о рифах, могучие нагромождения которых как торжественная симфония, как органные фуги!.. Она умеет чувствовать, если даст себе волю.

Петр вдруг понял, что страшно по ней соскучился, хотя видел ее только лишь позавчера. Надо было идти. Надо было спешить.

И тут-то, едва он вынул из «ванночки» ногу, в глаза ему бросилась перламутровая раковина. Она лежала глубоко, в большой воде, под зазубренным рифом.

Шел прилив.

Раковина казалась удивительной, хотя по форме она была безыскусной, с двумя створками и произвольно изборожденной поверхностью.

«Рита обрадуется такой»,— подумал Петр, отрешившись от всех печалей: ведь так мало времени отделяло его от встречи с женой!

С минуту он прикидывал, как бы нырнуть, не задев базальтовых зазубрин.

Заблаговременно сложив руки лодочкой, он вошел в воду и быстро окунулся. Вода обожгла: кожу будто наждаком протерли. Окунувшись вторично, он стремглав устремился ко дну. И, уже схватив раковину в пронзительно ясной, индиговой в тени рифа воде, почувствовал, что все-таки задел какую-то шершавую закорюку.

Потом перевязал майкой на берегу локоть: основательно ободрал...

Одна створка раковины отвалилась, и он не стал ее поднимать. Другую бережно сунул в карман.

Лег на минуту отдохнуть и пролежал, пока пятку не лизнула волна. Да, шел прилив. Петр приподнялся и увидел, что оброненная створка возвышается среди безбрежно разлившейся воды, как незавидный бугристый островок. Он лениво перевернул створку, и перламутр вспыхнул на солнце: молоко и мед, бирюза и пламень. И все это смешалось и разошлось кругами. Стоило только перевернуть, чтобы увидеть такое...

«Да, так оно и бывает,— подумалось Петру неизвестно к чему.— Так оно и бывает...»

В селе он появился еще засветло. Тихо качались на ветру развешанные везде алые и серебристые рыбины. С косогора спускались женщины, неся охапки темно-каштановых цветов. На окне в доме Петра, замысловатым вензелем выгнув спину и хвост, мяукал кот Мурзилка и от нетерпения царапал когтями стекло.

В дужке дверного запора торчала щепочка.

«Ушла куда-то,— ощутив страшную усталость, решил Петр.— Но куда бы она могла уйти? В магазин?..»

Он толкнул дверь, прошел по комнатам и не уловил привычного запаха Ритиных духов.

На столе лежала записка, написанная крупными, как для ребенка, буквами: «Петр, прости, я уехала навсегда. Прости, я больше не могу. Ты зря мне верил, Петя... Все это не для меня. Все это для тебя. Прости. Маргарита».

Записка была бессвязная, хотя никакого это уже не имело значения. Два слова — «уехала навсегда» — ударили, как бросок копьем.

Опасливо сдвинув записку на середину стола, Петр постоял с минуту в тяжелом отупении: он не знал, что сделает в следующий миг. Потом рывком сорвал с локтя майку. Да, порез был глубоким, и хотя кровь свернулась и запеклась, для верности следовало промыть ранку одеколоном.

Нашлись только духи́ — на донышке, Ритины духи, «Эллада».

«Эллада». Галапагосские острова,— мелькнуло в голове, и Петр скрипнул зубами. — Ничего, переживем».

Он вспомнил о раковине и усмехнулся. Как и те бусы, зачем ей раковина? Что она, дикарка? К уху прицепит? Проденет в ноздрю?

Петр приложил раковину к уху, и, громадная, с кольцеобразным вырезом, она удобно зацепилась, прикрыв чуть ли не всю щеку. Зеркало отразило благородную глубину перламутра.

— Гм,— сказал Петр, сдергивая раковину.— Мне идет.

Ему показалось, что амурчики затряслись от еле сдерживаемого хохота.

— Вы это бросьте! — нахмурился Петр и щелкнул ближнего по лакированному пузцу.— Микроб!..

Да, как видно, Рита поищет другую раковину. Может быть, перламутровую, а может быть, и нет. Но не такую — покрытую гремучей солью, корявую от извести, обкатанную штормовой пеной.

Каждый волен выбирать, что ему нравится.

Петр что-то говорил вслух и что-то пытался делать. Но в комнате было душно и затхло. В комнате не хватало воздуха.

Петр распахнул створки окна. Это не спасло. Тогда он машинально сунул раковину в карман и вышел на крыльцо.

Невдалеке от почты его повстречала Вера, будто нарочно поджидала здесь. А может, и вправду нарочно. А зря, ведь незачем...

— Здравствуй, Вера!

— Здравствуйте.— Она трудно молчала, стараясь идти в ногу, и

вдруг спросила, непривычно побледнев: — Слышала я, уехала жена ваша?

— Это ты верно слышала. В отпуск уехала.— Петр и сам не знал, зачем ему понадобилось молоть какую-то ерунду.— Отпуск я ей предоставил, понимаешь?

Вера не поняла и сказала:

— Понимаю. Но только от какой же работы отпуск вы ей дали?

— Ну, от какой? — Петр подумал.— От климата...

— Значит, не климат ей здесь.

— Значит, не климат.

Он нащупал в кармане злополучную раковину. Протянул ее Вере.

— Нравится? Возьми.

Не шевельнув рукой, Вера сказала тоскливо:

— Красивая какая! А на́што она мне?

— Да. Тебе, пожалуй, она тоже ни к чему.

Из переулка бежала женщина, отчаянно махая рукой.

— Петр Васильевич! Петр Васильевич! Корова...

— Что корова?

— Заболела, должно,— выговорила женщина, задыхаясь.— Ушла бог знает куда, свалилась... и жвачки нет.

— А Быстрецов где? А Сенечкин?

— Да в кино же. Никого нет, хоть пропади. Быстрецов — тот, кажется, с утра на моторке повеялся на остров Топорков... За арьими яйцами.

— Нет, говорите, жвачки? — с трудом переходя грань, за которой уже не было места личным горестям, переспросил Петр.— Ну, пойдем посмотрим...

И, недоуменно повертев раковину, швырнул в плескавшийся у ног океан — в его удивительный мир, в его таинственные глубины. Она упала с тихим всплеском, и родная стихия легко ее приняла. Только перламутровая зыбь, как отголосок, кругами разошлась по воде.

Как бы что-то вспомнив, Петр на полдороге обернулся и приветливо кивнул на прощание Вере.

Губы у нее обрадованно дрогнули, и зеленые глаза потемнели влажно. Она долго махала Петру вслед, хотя он уже не оглядывался.

Джордж Мини как он есть

Филипп БОНОСКИ,
американский писатель

Рис. Д. Циновского.

Это было осенью 1955 года. Джордж Мини, новый президент слившихся воедино Американской федерации труда и Конгресса производственных профсоюзов, выступил с программной речью. Держал он ее не на рабочем собрании, а... на банкете Национальной ассоциации промышленников — ультрареакционной организации американских капиталистов. Темой речи Джорджа Мини был мир. Но опять-таки не тот мир, которого жаждет человечество, уставшее от войн; оратор имел в виду другое — «классовый мир» между хозяевами и рабочими. Он предлагал собравшимся дельцам нечто вроде пакта о ненападении и уверял, что им нечего особенно опасаться, пока он, Джордж Мини, сидит в кресле президента АФТ — КПП. Для большей убедительности он сослался на собственную биографию.

«Вероятно,—воскликнул Джордж Мини, — присутствующим будет интересно узнать, что я никогда в жизни не участвовал ни в одной забастовке; что я никогда не руководил ни одной стачкой и ни разу не давал указания бастовать; что я и близко не подходил к забастовочному пикету! Так что если кое-кто предполагает, что я буду поощрять подобные насильственные действия, пусть ищет другого парня на пост президента АФТ — КПП. Я не способен на такие вещи».

Отдадим должное Джорджу Мини: в этой исповеди перед промышленными боссами он правдиво изложил самое существенное в своей биографии. Сын нью-йоркского рабочего, он в шестнадцать лет стал подручным водопроводчика, через пять лет — водопроводчиком. А затем следует восхождение Мини по ступеням профсоюзной иерархической лестницы. В 1922 году ему неосмотрительно доверили свои трудовые интересы рабочие местного отделения № 463 его профсоюза, а десять лет спустя он был уже председателем нью-йоркского отделения Американской федерации труда; в 1955-м вознесся на вершину, став президентом АФТ—КПП, куда входят 15 миллионов американских рабочих.

Но Джордж Мини — типичное порождение мелких, полуремесленных профсоюзов, которых в рабочей среде иногда называют «хозяйскими». И до последнего дня он продолжает проповедовать, что крупные профсоюзы, созданные по отраслям промышленности, якобы «чужды» американскому рабочему движению. Ему по душе аристократические цеховые профсоюзы, состоящие только из высокооплачиваемых рабочих, куда нечего и соваться рабочему низкой квалификации, или иностранцу, или — боже упаси! — негру. Когда, по иронии судьбы, под высокой рукой Джорджа Мини оказались мощные профсоюзы, ранее входившие в КПП, он не находил себе места. Нельзя ли, приставал он к своим коллегам, раздробить их на сотни мелких и мельчайших? Нельзя ли вернуться к блаженным временам американского рабочего движения начала века?

Арсенал «идей» Джорджа Мини не блещет особым богатством. Образованием, даже в объеме средней школы, господь его не умудрил. Речи для него пишет некий Джэй Лоустон, именуемый «политическим советником президента АФТ — КПП». Этот «эксперт по вопросам коммунизма» лет тридцать тому назад был исключен из Коммунистической партии США за проповедь классового сотрудничества и гнилые идейки в духе так называемого «народного капитализма».

Последние полтора десятилетия были для рабочих Соединенных Штатов годами жестоких и циничных преследований со стороны реакции. Достаточно вспомнить антирабочий закон Тафта — Хартли или недавно принятый конгрессом закон Лэндрума — Гриффина. Но Джордж Мини был бы искренне оскорблен, если бы его заподозрили хоть в самой робкой попытке добиться отмены этих законов. Нет, Мини чист, как ангел... перед миллиардерами и миллионерами. Он категорически требует, чтобы профсоюзы «ужились» с антирабочим законодательством, ибо, грозно заявляет Мини, отмена его была бы равносильна... «потворству коммунистам».

Свою нежную привязанность к закону Тафта — Хартли Джордж Мини продемонстрировал в самое последнее время. Едва закончилась 106-дневная стачка полумиллиона рабочих сталелитейной промышленности, прерванная правительством на основе этого реакционного закона, как Джордж Мини разразился посланием в Белый дом. Он горько «сожалел» о стачке металлистов: она-де принесла пользу только «советскому коммунизму». В том же послании «рабочий лидер» почтительно нашептывал на ушко правительству: сейчас в самый раз созвать «наиболее представительную» общеамериканскую конференцию предпринимателей и профсоюзных лидеров. Высокое собрание могло бы наметить меры, которые раз навсегда предотвратили бы подобные забастовки. Прогрессивная печать легко разгадала маневр Джорджа Мини: прожженный профсоюзный делец расчищает дорожку для нового «закона», который окончательно отнимет у рабочего класса его законное, конституционное право — защищать свои трудовые интересы с помощью забастовок.

Трудно придумать более выразительную карикатуру на «рабочего вождя», чем Джордж Мини. Он, например, грудью встает на защиту тех из своих высокопоставленных адъютантов, которые стали совладельцами капиталистических предприятий. Джон Льюис, глава профсоюза шахтеров, имеет пакет акций угольных компаний; покойный А. Уитни, командовавший в профсоюзах железнодорожников, оставил семье солидный капиталец из акций железнодорожных фирм; так было и с покойным Филиппом Мэрреем, бывшим председателем КПП: он был акционером многих предприятий, с владельцами которых «его» рабочим приходилось вести трудную борьбу. Ну, а сам Джордж Мини? Как говорят американцы, он тоже положил «яичко в гнездышко» — одно только жалованье его как президента АФТ — КПП составляет 50 тысяч долларов в год, но этот солидный кусок мяса еще поливается жирным соусом — крупными неучитываемыми суммами из кассы профсоюзов на «личное представительство».

Может быть, самое карикатурное в Джордже Мини — это его грызня с одним из наиболее приближенных к нему людей — вице-президентом АФТ — КПП Уолтером Рейтером. Речь идет, конечно, не об известных раскольнических махинациях Рейтера в международном профсоюзном движении: здесь Мини с Рейтером заодно и охотно разрешает ему тратить деньги из кассы подведомственного ему профсоюза рабочих автопромышленности для подрывной деятельности против профсоюзов Европы.

Разногласия у главного профсоюзного босса с его заместителем касаются их «тактики» в самом американском профсоюзном движении. Летом этого года Рейтер под нажимом сотен тысяч безработных рабочих-автомобилестроителей придумал инсценировку: «поход безработных на Вашингтон». Джордж Мини рвал и метал: его ближайший помощник явно становился на путь «коммунистической тактики»!

На одном из последних заседаний руководства АФТ — КПП выступил Филипп Рандольф, бывший председатель профсоюза железнодорожных вагоновожатых и официантов, состоящего сплошь из негров. Он потребовал, чтобы рабочие-негры получили постоянное представительство в руководящих органах американского профдвижения. Ярость Джорджа Мини не знала границ. Бледный от негодования, он обвинил Рандольфа в «подрывных действиях» и обозвал его... «самозванцем», не имеющим «полномочий выступать от имени негритянского народа». Позиции Джорджа Мини в негритянском вопросе могли бы позавидовать самые заядлые расисты американского Юга...

Джордж Мини против того, чтобы «его» рабочие слишком распускались. Он, например, категорически пресекает малейшее поползновение рядовых рабочих и низовых профсоюзных руководителей увидеть собственными глазами Советский Союз. Он попросту «запрещает» выезд в СССР рабочих делегаций, успешно конкурируя в этом с пресловутой «паспортной политикой» госдепартамента времен Маккарти. Но — увы! — американские профсоюзы формируют делегации. Кое-что оказывается не по зубам даже самому мистеру Мини.

Известен «жест» Джорджа Мини во время пребывания в США Н. С. Хрущева: профсоюзный босс «отказался» встретиться с посланцем советских рабочих, выразителем дум и чаяний великого народа! Мини оказался святее самого папы — своих хозяев-миллиардеров: те, повинуясь велениям времени, встречались с Н. С. Хрущевым и внимательно слушали то, что он говорил им. На встрече Н. С. Хрущева с лидерами американских профсоюзов мистер Мини поручил присутствовать Уолтеру Рейтеру и нескольким его закадычным дружкам. Разумеется, не для того, чтобы они говорили с Н. С. Хрущевым о стремлении рабочего класса Америки жить в мире и дружбе с советским народом, а для того, чтобы Рейтер и К° «дали бой коммунизму». Мистеру Мини пришлось горько разочароваться: его посланцы из кожи лезли вон, клевеща на Советский Союз, но в итоге позорно провалились.

Джордж Мини — яростный поборник политики «холодной войны». Недавно его усердие в этой области было отмечено самим... канцлером Аденауэром, который вручил председателю АФТ — КПП «Большой крест за заслуги со звездой и наплечной лентой». Как заявил канцлер войны, он особо ценит то, что Мини бойкотировал советского премьер-министра во время его недавнего визита в Америку.

Но времена меняются! Меняются они даже для Джорджа Мини. Рабочие США встретили и проводили Н. С. Хрущева с подкупающей теплотой и искренностью. Одного приема в Питтсбурге было достаточно, чтобы мистера Мини хватил удар. Визит Н. С. Хрущева открыл простым американцам глаза на многое. Американские рабочие мужественно борются за свои права. Шатается здание лжи и предательства, которое Джордж Мини, агент капиталистов в рабочем движении, любовно возводил долгие годы.

ЗОЛОТОЙ КЛЮЧИК

А. БЕССМЕРТНЫЙ,
заведующий учебной частью 606-й школы города Москвы

Каждое утро я стою у входа в школу, встречая учеников, и всякий раз невольно вспоминаю слова популярной песни:

Как хорошо, когда глаза ребят
Навстречу нам, как звездочки, горят:
Синие, серые, карие, черные
Или лазурные, как бирюза,
Строгие, грустные или задорные,
Милые сердцу глаза!

Да, заглядывая в глаза детей, замечаешь много интересного. Идет озабоченно-серьезный первоклассник. Кажется, что и сейчас он еще находится всецело во власти пройденной вчера буквы «м» и с нетерпением ждет встречи с любимой учительницей. Торопливо пройдет восьмиклассник, и разглядеть его как следует не успеешь: он спешит переписать задачку по геометрии у товарища (сделать уроки самому было немыслимо: вчера открылся каток). Две десятиклассницы увлеченно говорят друг с другом на какую-то, сразу видно, только их двоих, и больше никого, касающуюся тему...

А как интересно смотреть в глаза своих коллег-учителей в тот момент, когда они спешат в школу! В одних увидишь взволнованность, радость, а в других прочтешь равнодушие, скуку, и невольно придут на память слова Маяковского о том, что «надо весть служебную нуду...» Есть, к сожалению, еще у нас учителя, которые из года в год повторяют одни и те же приемы, пусть даже выработанные в результате длительной практики, и исподволь превращаются из людей творческого труда в ремесленников. Такие учителя не учитывают особенностей своих учащихся, своеобразия их психического состояния. Как часто слышишь жалобы молодых педагогов, обвиняющих свои институты, авторов учебных пособий по педагогике в схоластике, в отрыве от настоящей, кипучей жизни, описание которой, по существу говоря, не укладывается ни в один учебник! В том-то и состоит необычайная сложность учительского труда, что не существует каких-либо незыблемых правил, застывших форм педагогического воздействия,—это всегда живое, творческое дело. В работе воспитателя много общего с трудом врача: нужно уметь правильно поставить диагноз, знать историю болезни, источники инфекции, назначить лечение, делать предохранительные прививки...

Вот одна учительница нашей школы побывала дома у девочки, мать которой уже два месяца лежит в больнице, а отец целыми днями работает.

«До уроков ли ей,— думает учительница, — когда в их огромной комнате так пустынно и неуютно? Наверно, опять придет в школу, не позавтракав как следует...» Учительница спешит в школу: надо как-то помочь тринадцатилетней девочке, рассказать о ней всем своим коллегам, чтобы предупредить «недоразумения», на которые способны бестактные педагогические «сухари», признающие в ребенке только ученика как такового, и не больше. А посмотрим на этого же мальчика или девочку не только как на ученика, а как на маленького человека, у которого есть целый мир своих, ребячьих радостей, огорчений, интересов, раздумий, прожектов, ошибок, конфликтов.

...Володя Т. — веселый, красивый, аккуратно одетый юноша. Ему 16 лет, а учится он только в седьмом классе. Принадлежит к числу тех ребят, у кого всегда что на уме, то и на языке. Однажды, встретив учителя математики в бане, Володя заметил, как тот распивал в буфете пиво. На следующий день, придя в школу, он счел своим первейшим долгом поделиться этими наблюдениями с товарищами по классу. «Знаешь, почему он охрип? Вчера после бани пива напился». Оказавшийся рядом учитель услышал это и реагировал по-своему: начал мстить двойками, сначала незаслуженными, а потом уже и заслуженными. Постепенно у Володи стала пропадать охота к учебе, а тут еще «дружки» подвернулись. Вот так и стал он «переростком».

А разве имеем мы право не замечать различных семейных неустроенностей, которые так же пагубно влияют на детей? Вася X. украл в магазине самообслуживания четыре глазированных сырка. Подумал директор магазина, куда об этом сообщить: в милицию, родителям или в школу,— и решил позвонить только в школу. И вот Вася сидит у меня в кабинете и рассказывает о своей жизни: мать работает, дома престарелые бабушка и дедушка. «Отец есть?» «Нет». «Где он?» «Ушел». Несколько минут спустя добавляет: «Мать вчера сказала, что он и от второй семьи сбежал — вот комик!» В этом последнем слове мне послышалась не обида, не жалость, а осуждающе насмешливая издевка маленького человека, уже в свои двенадцать лет осознавшего сущность таких мелких пакостников, как его отец.

Ох, и много придется поработать нам, учителям, чтобы сделать из такого мальчика, наперекор семейной неустроенности, настоящего человека!

Вот тут и встает перед нами во весь рост проблема «золотого ключика», ключика к сердцу наших воспитанников, а в особенности к тем из них, которых зовут «трудными». Ведь трудный трудному — рознь. Вглядитесь внимательно в их души, золотые ребята есть — смелые, умные, отзывчивые, но для того, чтобы золото это в них заблестело приходится чистить, драить и снова чистить.

Как подобрать ключ к тому же Васе? Есть ведь и такие, что поломаешь все ключи, а сердце не откроется. Учителю требуется здесь кое-что и от актера, и от художника, и от писателя: надо обязательно мысленно побывать на месте этого Васи, побывать в его шкуре, — только тогда поймешь его как следует, а без понимания — работа вслепую. Как часто еще в наших школах совершается немало педагогических ошибок, основной причиной которых является беспомощность воспитателей. За примерами далеко ходить не приходится. Мальчика одной из московских школ исключили за то, что, когда он возвращался с приятелем домой, тот сказал ему: «Вот дура физичка: поставила двойку ни за что»,—а он возьми и скажи: «Все они такие!» Рядом шла учительница, сообщившая обо всем директору школы, и через неделю мальчика исключили «за неуважение к педагогическому коллективу», совершенно забыв о том, что уважение к людям нельзя воспитать административным путем.

С каким возмущением писал Антон Семенович Макаренко об учителях, позорящих себя подобными характеристиками непослушных питомцев: «Мешает, сорит, бьет стекла, выражается, мажет краской лица товарищам, своим хулиганским поведением разлагает не только учащихся, но и учащих...» «Такие аттестации,— пишет Макаренко,— звучат клеветнически... Воспитатели по существу пишут приговор себе, расписываясь в своей никчемности». А в другой, тоже московской школе старшеклассник чем-то обидел нянечку. Никто его не «прорабатывал» — как будто бы забыли об этом. Но вот однажды учитель литературы попросил юношу написать в школьную стенгазету очерк «Незаметные труженики» и посвятить его этой самой нянечке. Какой большой силы воспитательный ток прошел через душу подростка, когда он слушал ее рассказ, побывал у нее в комнате, когда он ее фотографировал!..

Конечно, можно было бы сделать «проще»: прочитать тут же, на ходу дежурную нотацию, и с формальной точки зрения все было бы на своем месте. Я вспоминаю институт, где учился, лекции по педагогике, педагогическую практику в школах. Каким парни-

Школьный цех

Под сводами просторного, светлого помещения ровными рядами стоят десятки станков, слесарные верстаки.

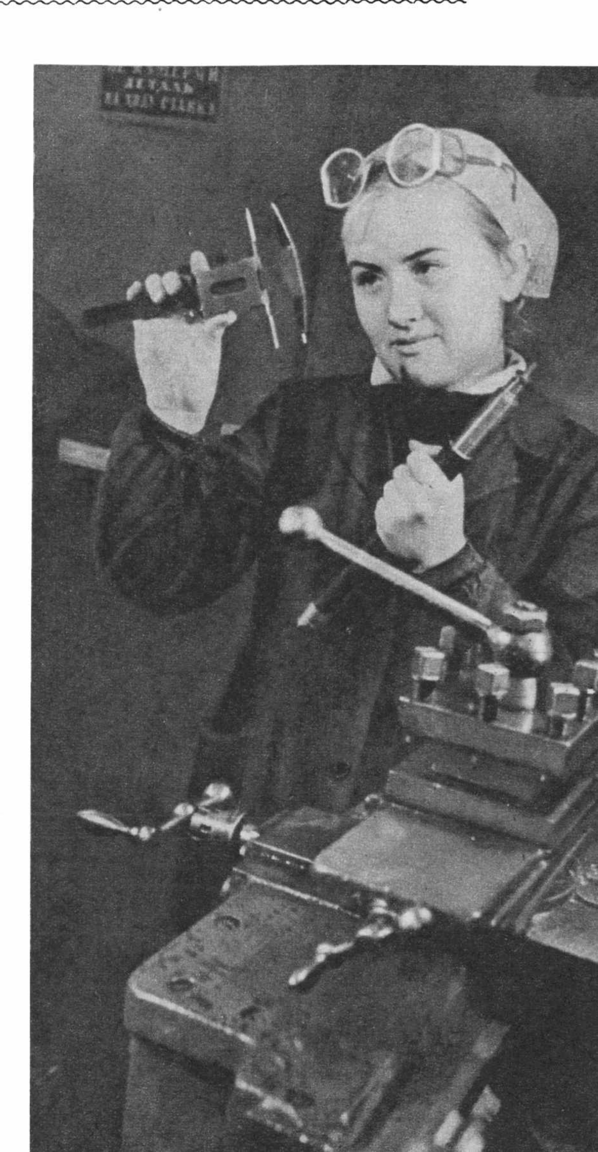
Это школьный цех горьковского автогиганта. Здесь каждый день работает более двухсот старшеклассников Автозаводского района. У цеха есть свой производственный план, и труд его молодых рабочих ручейком вливается в заводской поток.

Школьники и раньше проходили производственную практику на заводе: в одном цехе — пять человек, в другом — десять, а в третьем — двое ребят... И как-то мало были ощутимы тогда результаты. Теперь школьники объединены в специально созданном для них цехе. Здесь их учат и воспитывают люди, имеющие опыт работы в ремесленных училищах. Инженеры читают лекции, обучают чертежному делу.

Замечателен подарок автозаводцев своим детям!

Л. ЕЛИСТРАТОВ

Фото Н. Капелюша.

Школьница Ольга Сафронова внимательно проверяет деталь перед сдачей ее мастеру.

ком все это было! Ни практически, ни теоретически мы не знали трудностей воспитательной работы. Профессор педагогики обычно в своих лекциях проповедовал одно и то же «всесильное» средство: дайте «дезорганизатору» общественное поручение, и он выправится, станет хорошим. А вот у нас ежедневно бывают подчас такие педагогические задачи, решая которые мы, учителя, чувствуем свою неподготовленность.

Есть у меня хороший друг — двадцатилетний Толя Стукалкин. Еще недавно он был трудным, если так можно выразиться, в квадрате. В школе он выделывал такие трюки — волосы дыбом у учителей вставали! Возьмет классный журнал и выбросит в окно, закроет на переменке класс, а сам по карнизу перейдет в соседний и, через него выйдя в коридор, возмущается вместе со всеми: «Что случилось? Какое безобразие!» Однажды летом напился со своими дружками и в парке ЦДСА исполнил под аккомпанемент гитары похабную песенку, за что получил в полном соответствии с существующим законодательством пятнадцать суток: мелкое хулиганство.

Как перевоспитать такого парня, как? Я решил приглядеться к нему поближе. «Орешком» он оказался твердым. Нотации отскакивали от него, как мяч от стены. Но где-то глубоко спрятана хорошая, мягкая душа, которой он почему-то страшно стыдится и напускает на себя этакое ухарькупечество. Первое настоящее знакомство с Толей произошло у нас в школьной фотолаборатории. Не помню, каким чудом удалось заманить его туда, но он сразу же так увлекся химическими превращениями, что казалось, его теперь не выгонишь. Неожиданно на него напал какой-то порыв откровенности: он рассказал мне, как проводит время, как «шкодничает», как ему живется дома. Беспокойно было за его судьбу. Что бы предпринял Антон Семенович Макаренко, если бы сейчас столкнулся с этим мальчиком? Пробовал я и так и этак, сколько «ключей» поломал, а понял одно: простым сюсюканьем на воспитательные темы здесь не возьмешь.

Тогда я решил увлечь его тем, чем сам увлекался: фотографией, туризмом, искусством, настольным теннисом. Был у меня аппарат «Зоркий». Дал я его Толе и сказал: «Походи по Москве, поснимай, а потом вместе проявим и напечатаем». Кажется, с этого момента и завязалась между нами дружба, которая продолжается и поныне. Сейчас он предупредительный молодой человек, но это далось ему не сразу, а большим, упорным трудом над собой. Несколько раз ходили мы с ним в Большой театр (я хотел повести его именно в Большой театр), смотрели «Лебединое озеро», «Щелкунчик». В антрактах на нас удивленно косилась публика: так увлеченно и долго мы с ним спорили — о жизни, о товарищах и о многом другом. Хотелось доказать этому человеку, прельстившемуся «романтикой» хулиганства, в чем настоящая романтика, настоящая красота жизни. За один год побывали мы с ним в Ленинграде и Киеве, осмотрели Эрмитаж и Софийский собор. А сколько замечательных мест исколесили в Подмосковье! У Толи обнаружилось удивительное понимание природы: какое-нибудь живописно разросшееся дерево, облако, принявшее вдруг причудливые очертания, зеркальная гладь реки — все это вызывало в нем искреннее восхищение. Постепенно все мы стали замечать, что парень начинает перерождаться буквально на глазах: исчезает грубость, появляется уважение к людям, даже такт. А однажды, когда мы ехали в трамвае, произошел любопытный случай. Ввалились в вагон два пьяных сквернослова. Тогда Толя, перекрывая своим зычным голосом их крики, заявил:

Товарищи и граждане, водка — яд!
Пьяные республику зазря спалят!

И при дружном одобрении всех пассажиров хулиганы были выведены из вагона. Как это не похоже на прежнего Толю!

Однажды летом (я был в то время руководителем другого класса) мы собирались в поход по звенигородским местам. Попросил Толю: «Пойдем с нами, поможешь, поход трудный, на несколько дней, много народу». С большой охотой он согласился и сказал: «Я уже слышал от ребят об этом походе и хотел сам проситься с вами».

В походе произошло несчастье: у одной девочки неожиданно начался приступ аппендицита. Положение аховое. Находились мы на берегу Москвы-реки, километрах в пятнадцати от железной дороги. Дело было ночью, и ночь, как назло, стояла очень холодная. Срочно зову Толю. «Ты моя правая рука, — как-то невольно вырвалось у меня.— Я сейчас ухожу с Шурой, может быть, как-нибудь доберемся до станции, а ты останься с группой и в целости и сохранности доставь ее в Москву завтра утром».

К счастью, с девочкой все обошлось благополучно: подобрал нас запоздавший автобус, кое-как добрались до Москвы, взяли такси и через несколько минут девочку доставили в хирургическое отделение больницы. Но на сердце у меня было неспокойно: а как остальные, сумеет ли Толя организовать их благополучное возвращение, без происшествий? Мучительно долго тянулось время, пока я ожидал их на Белорусском вокзале. И вот они появились в полном составе, живые и здоровые. «Все в порядке,— докладывает Толя и голосом, пониженным до степени полной конспиративности, добавляет: — Скажу по-честному, организовать на что-нибудь плохое куда проще, чем на хорошее». Перемены, происшедшие с Толей, стали настолько очевидными, что комсомольцы школы решили оказать ему доверие, избрав своим секретарем. С жаром принялся он за дело: создал секцию настольного тенниса, повел за собой комсомольцев на строительство соседних жилых домов. Да обо всем и не расскажешь...

Когда-то Ян Амос Коменский назвал школу «мастерской, где юные души воспитываются к добродетели». Да, школа для учителя — это такой же второй дом, как для художника мастерская, а для ученого лаборатория. Здесь он творит.

Фото автора.

Тепло встретили А. И. Микояна в мексиканском сельскохозяйственном кооперативе — «эхидо».

Счастья вам, мексиканцы!

Генрих БОРОВИК,
специальный корреспондент «Огонька»

В самом центре города Мехико лежит площадь Сокало, огромная, обрамленная длинным стрельчатым зданием президентского дворца и старинного католического собора.

Говорят, именно здесь шесть столетий тому назад индейское племя ацтеков основало свою столицу. Легенда рассказывает, что ацтеки, потерпевшие поражение от северных племен, вынуждены были скитаться в поисках пристанища. По велению богов, как гласит легенда, новое их поселение могло быть основано лишь на каменистом острове, где растет кактус и орел убивает змею.

Восемьдесят лет искали ацтеки этот остров. И наконец нашли среди топких болот, на том месте, где стоит сейчас Мехико. На одиноком острове рос колючий кактус, и на нем — увидели ацтеки — орел насмерть бился со змеей.

Здесь индейцы построили жилища, храмы, а изображение орла, убивающего змею, стало символом победы правды над злом.

Но через два столетия индейский город был завоеван испанскими колонизаторами и разрушен. По приказу католических священников на развалинах главного храма ацтеков был построен огромный каменный собор — символ власти Испании и мрачного католицизма.

Когда-то собор внушал, наверное, чувство страха и подавленности каждому, кто проходил рядом или видел его издали. Но времена меняются. Мексика долго боролась за независимость и обрела ее.

Я был на площади Сокало 20 ноября прошлого года. Мексиканцы праздновали годовщину начала революции, избавившей страну от деспотизма. Мимо огромного и сейчас какого-то неуклюжего старинного собора шли веселые, крепкие, молодые мексиканцы — индейцы, креолы, метисы, мулаты, и щедрое мексиканское солнце играло на их бронзовых телах. А на соборе — на его башнях, оградах, карнизах — сидели, стояли тоже молодые, тоже веселые, тоже бронзовые мексиканцы. И кричали что-то хорошее тем, кто шагал внизу. И даже на самой макушке огромного мрачного каменного креста сидел парень и радостно смеялся.

Мне показалось это символом времени, символом гибели тирании, страха и подавленности.

Когда я вернулся из Мексики, меня спросили:

— А что, там все еще любят палить в воздух из кольтов тридцать третьего калибра?

Я ответил уклончиво, ибо сам я выстрелов не слышал, но кольты в великолепных желтой кожи кобурах видел у многих. И знал историю о том, как совсем недавно замечательный мексиканский кинорежиссер Эмилио Фернандес выпустил всю обойму из своего кольта в критика, который попытался нагло и безапелляционно охаивать фильм Фернандеса, полу-

У старинного собора
в праздничный день.

«Огонек».

Маленький страж независимости.

Пастухи.

Их руки делают все.

В этих баках национальное богатство Мексики — нефть.

чивший международную премию. Пули, к радости неосторожного кинокритика, застряли в нейлоновых сиденьях автомобиля, на котором он удирал.

А сам незадачливый критикан долго потом не показывался на улицах, чтобы не раздражать сограждан, которые, конечно, полностью были на стороне Фернандеса — человека любимого и популярного в Мексике.

Среди мексиканцев есть разные люди: работящие и бездельники, красивые и не очень, богатые и бедные. Но нет среди мексиканцев людей флегматичных, равнодушных, людей ленивого сердца.

Все, что делает мексиканец, он делает со всем жаром своей большой и хорошей души. Любит — всем сердцем. Ненавидит — всем сердцем.

Может быть, отчасти поэтому жизнь Мексики так полна контрастов.

Роскошь и богатство — слепящие глаза. Бедность — самая крайняя.

Даже природа Мексики не терпит плавных линий и полутонов. Земля то вздыблена горами, то ввалилась гигантскими впадинами. Если джунгли — так уж не продерешься. А если пустыня — так ни травинки, ни деревца. Недаром кто-то сказал: «Сомните в руке лист бумаги и бросьте — вот вам рельеф Мексики!»

У старинного собора в будний день.

Мексика — страна бурной истории, противоречивой экономики, удивительного искусства, страна бурлящих человеческих сердец и увлекающихся, сильных характеров.

Замечательный мексиканский художник Сикейрос, расписывая стены национального университета в Мехико, изобразил там важнейшие даты из истории борьбы своей страны за независимость и свободу.

1520 — завоевание Мексики испанцами.

1810 — восстание крестьян против испанского господства и помещичьего гнета.

1857 — принятие конституции.

1910 — начало буржуазно-демократической революции.

19??

Что имел в виду художник-философ, поставив в последней дате два вопросительных знака? Некоторые искусствоведы считают это намеком на бесконечность истории, незавершенность человеческого познания. Другие — и это многим кажется вернее — считают, что Сикейрос ждал новых событий в истории борьбы своей страны, событий важных и значительных, которые принесли бы его народу счастье.

Ей отвечать на вопросы Сикейроса.

Вечерний звон

Юрий КАЗАКОВ Рассказ Рисунок В. ВЫСОЦКОГО.

В тумане часто звенели высокие, тугие удары. Далеко где-то били по металлу, и выходило кругло, с оттяжкой: «Тиу-тиу-тиу!..»

— Слышишь? — спросил Кудрявцев.

— Ага! — отозвался агроном.— Значит, все-таки правильно шли. Давай покурим.

И тотчас сел, отдуваясь, положил рядом ружье и повалился на бок, доставая папиросы из заднего кармана.

Механик Кудрявцев с местным агрономом охотились, но плохо: ничего не убили. Они долго стояли на вечернем пролете уток, все смотрели на запад до боли в глазах, пока совсем не смерклось.

А в лугах их застиг густой туман, и они продирались сырыми кустами, чавкали по болотцам, шуршали осокой, пока не заблудились окончательно.

И вот совсем близко послышались круглые удары, и оба тотчас поняли, что это в мастерских на краю колхоза, оба сразу успокоились и уселись курить.

— Ты не видишь звезд? — спросил Кудрявцев, помолчав.

Он был близорук.

Агроном поднял голову и долго смотрел вверх.

— Нет,— сказал он, зевнул и лег на спину.— Туман высокий. А должно быть ясно.

Он лежал, возвышаясь животом, перетянутым патронташем, посапывал и редко курил, глубоко затягиваясь.

Кудрявцев тоже было прилег, но сейчас же сел, ударил себя по ляжке и часто задышал носом.

— Ты чего? — спросил агроном.

— Не знаю, радостно чего-то стало...— Кудрявцев засмеялся.— Выпьем сегодня?

— Это само собой! — оживился агроном.— Я все про ту утку думаю. Обязательно я ее срезал! Жалко, не нашли! Ты видал, как я ее стеганул?

— Нет! Я только гляжу, ты в камыши подрал, и брызги выше головы.— Кудрявцев счастливо захохотал.

— Ну, ты никогда не видишь! Их три было, вдоль берега шли, над лесом. Я по ним шагов за сто ахнул, две завернули, а задняя прямо колом в камыши! Эх, собаки не было!

А в тумане все звенели и звенели нежные от расстояния металлические удары, и Кудрявцев замолчал, подавленный неожиданной и непонятной радостью. «Может быть, это от тумана? — подумал он неясно.— Или от охоты? Или от этих ударов, потому что всегда радостно знать, что близко люди и не спят, не спят, работают?..»

Он вспомнил жену, с которой поссорился навсегда, как ему казалось. Он поругался и совсем перестал замечать ее, молчал по целым дням, уходил вечерами, пил с агрономом или трактористами. Стоило ему увидеть ее покорное лицо, как злоба охватывала его, и он говорил ей грубости, страдая при этом сам.

И вот теперь все прошло, рассосалось, и ему захотелось быть милым, шутить, говорить нежные пустяки, чтобы все вокруг тоже были веселы и милы.

— Ну, пойдем! — сказал агроном и поднялся.— Жалко, пустые мы сегодня с тобой! Хорошо бы утятинки на закуску...

— А я все равно рад,— сказал Кудрявцев, шагая вслед за агрономом и глядя тому в громадную спину.

Они шли теперь смело, громко переговариваясь о прошедшем лете, какое оно было жаркое, об урожае в других колхозах, и внезапно вышли на дорогу. Дорога была масляниста после вчерашнего дождя, а это был первый дождь за долгое время.

Все лето стояла жаркая погода. Хлеб, лен, клевер, горох — все горело. Во всем чувствовалась неподвижная истома засухи; пыль на дорогах лежала в два — три пальца.

Но был конец августа, и в солнце не стало уже силы, а жара была только видимостью жары. Присутствовало во всей природе что-то лихорадочное, что-то горькое и тайное, торопливое, как в бабьем лете, хоть и далеко было до него.

Ночи стояли уже туманные, холодные, росистые, и луна над лесом и туманом всходила близкая и красная. Но лето держалось, держалось, пылило и пекло, пока наконец вчера не прошел обильный дождь с градом, после которого сразу придвинулась осень, объявились вдруг первые желтые листья, красно-коричнево загорелись глухие дороги, заросшие подорожником.

Три дня назад шел Кудрявцев днем этой же дорогой, и лен — рыжий, с шоколадным отливом поверху — звенел под ветром сухим, шелестящим звоном.

А теперь лен уже вытеребили, и на дороге, когда шли осиново-березовым леском, пахло баней, а возле льна пахло мокрым бельем.

— Слушай,— сказал в спину агроному Кудрявцев.— Я сейчас, как пацан: прыгать охота! Вот как услышал удары, туман кругом, на тебя посмотрел, как ты закуриваешь, так и нашло.

— Что нашло? — не понял агроном и приостановился, чтобы идти рядом.

— Ну, счастье, что ли....— неуверенно сказал Кудрявцев и посмеялся немного, как бы осуждая себя.— Это, как осенью: в самую мерзкую погоду вдруг голубое окно в тучах, и вот посмотришь на это голубое, и какие лужи на дорогах сделаются светлые — и вспомнишь все вёсны и счастье, что когда-то было!

— Н-да...— сказал агроном и задумался.— Жить — значит вспоминать. Надо бы мне еще поискать...

— Что ты сказал? — не расслышал Кудрявцев.

— Я говорю, было бы мне утку ту поискать!

Охотники подходили уже, и задолго стал им виден румяный неровный свет сквозь туман, пока они не догадались, что это костер.

Костер был разложен возле мастерских. Кругом сидели трактористы в замасленных спецовках, отбрасывая в разные стороны длинные тени. Тут же стоял гусеничный трактор со сломанным траком. Скаты трактора бархатно лоснились от вязкой земли, гусеницы блестели. Трое возились возле него: один лежал на спине под трактором, только ноги были видны, двое, затеняя себе, натягивали гусеницу, колотили молотком, но она снова и снова распадалась.

— Здорово, ребята! Не помочь? — громко спросил Кудрявцев, чувствуя в груди теплоту к этим людям, работающим в темноте.

— А ктой-то? — спросил тот, кто лежал под трактором, и выглянул на секунду.— А, привет! Не, на полчаса работы, сейчас поедут,— глухо, невнятно сказал он из-под трактора.

— Харитоновский участок не поднимали еще? — спросил агроном, прикуривая от костра.

— Аккурат начали,— после некоторого молчания отозвался кто-то.

— Глядите!— предупредил агроном.—Завтра к вечеру уполномоченный из райкома приедет...

Охотники постояли немного, следя за огнем, с удовольствием вдыхая запах мазута и металла, и пошли дальше. Началась деревня, они перевернули ружья стволами вниз и прибавили шагу.

Чувство счастья и радости все не оставляло Кудрявцева, усталость прошла, и все с большей нежностью думал он почему-то о жене: как придет домой и помирится с ней.

— Знаешь что? — сказал он агроному.— Я сегодня дома побуду, как-то неохота мне пить...

— Гм... Гляди сам,— сказал несколько удивленно агроном.

Все ближе был клуб и слышнее изнутри его сиплая музыка радиолы. Над крыльцом клуба горела большая лампа.

— Перейдем на другую сторону? — предложил Кудрявцев.

— А! Все равно светло!..— буркнул агроном, надвигая на глаза козырек и еще сильнее переваливаясь, колыхаясь на ходу.

Возле клуба сидели на лавках и стояли у забора пары. Они все молчали почему-то, может быть, слушая музыку, и все повернулись, разглядывая приближающихся охотников.

— Чего убили, товарищ агроном? — хрипловато крикнул один.

— Ноги! — тотчас отозвался другой, и все засмеялись.

— Хоть бы ты чирка какого-нибудь срезал! — немного погодя сказал агроном, отдуваясь от недавнего стыда.

Возле дома Кудрявцева приятели расстались. Простились они небрежно.

— Так не зайдешь? — спросил агроном, приостанавливаясь и полуоборачиваясь.

— Нет,— сказал Кудрявцев.— Дома побуду.

— Ну, пока тогда...

Кудрявцев постоял, покурил на крыльце, машинально поскребывая подошвами о ступеньку. Плечо под ружьем ломило, но тело было легким.

«Счастье!..— думал он.— Так почему же вдруг счастье?»

Ну, любовь — понятно, удача, успех, когда работа, когда все живет, бодро движется,— все так ясно, и нечего копаться. Но вот беспричинное, в самую глухую минуту, в самое беспросветье — и вдруг блеснет и забьется сердце, и долго потом вспоминаешь этот день... Ах, как хороша ночь, как здорово, что мы живем!

— Зоя! — громко позвал он жену.— Выйди сюда!

И пока жена искала что-то по дому, мягко тукая пятками, и потом отворяла двери в сени, чтобы выйти к нему, он все покашливал, дыша прохладным туманом, крепким, оскоминным запахом картофельной ботвы, слушая далекую теперь музыку из клуба, и думал о трактористах, работающих при красном свете костра.

— Смотри, какой туман! — сказал он жене, кладя руку на ее теплое плечо.— Ты не видишь звезд?

Жена растерянно молчала, белея в темноте нежным лицом.

Они строят самолеты.

А. ГОЛИКОВ Фото А. УЗЛЯНА.

РОЖДЕНИЕ ВОЗД

...Завтракать в Москве, а обедать в Хабаровске; за каких-нибудь два часа перенестись с берегов Черного моря на берега Балтики; за 55 минут — из Ленинграда в Москву... Когда-то ленинградцы на трамвае дольше, пожалуй, добирались с Нарвской заставы на Выборгскую сторону...

Мы уже привыкли к ним, они вошли в наш быт, воздушные лайнеры, скоростные многоместные турбореактивные и турбовинтовые самолеты. Над их созданием работали коллективы советских авиаконструкторов А. Н. Туполева, С. В. Ильюшина, О. К. Антонова.

Сегодня мы в гостях у генерального конструктора академика Андрея Николаевича Туполева. Нам рассказывают о том, как создавался всемирно известный турбовинтовой пассажирский самолет «ТУ-114» — воздушный гигант, способный покрывать без посадки огромные расстояния. Ведь именно на «ТУ-114» совершил перелет Москва — Вашингтон Председатель Совета Министров СССР Н. С. Хрущев во время своего исторического визита в США.

После тщательных теоретических и экспериментальных исследований определились основные параметры будущего самолета: площадь крыла, вертикального и горизонтального оперения, диаметр и длина фюзеляжа. Перед коллективом была поставлена сложная задача: создать пассажирский самолет для перевозки 120—170 пассажиров, а в туристском его варианте — до 220 человек. Такого воздушного корабля еще не знала мировая авиационная техника. Кроме многих аэродинамических и конструктивных проблем, была еще одна очень важная — экономичность будущего самолета: стоимость воздушных перевозок должна максимально приближаться к стоимости железнодорожных. Работа предстояла трудная и кропотливая. После определения основных параметров были построены модели «ТУ-114», и начались испытания их в аэродинамических трубах.

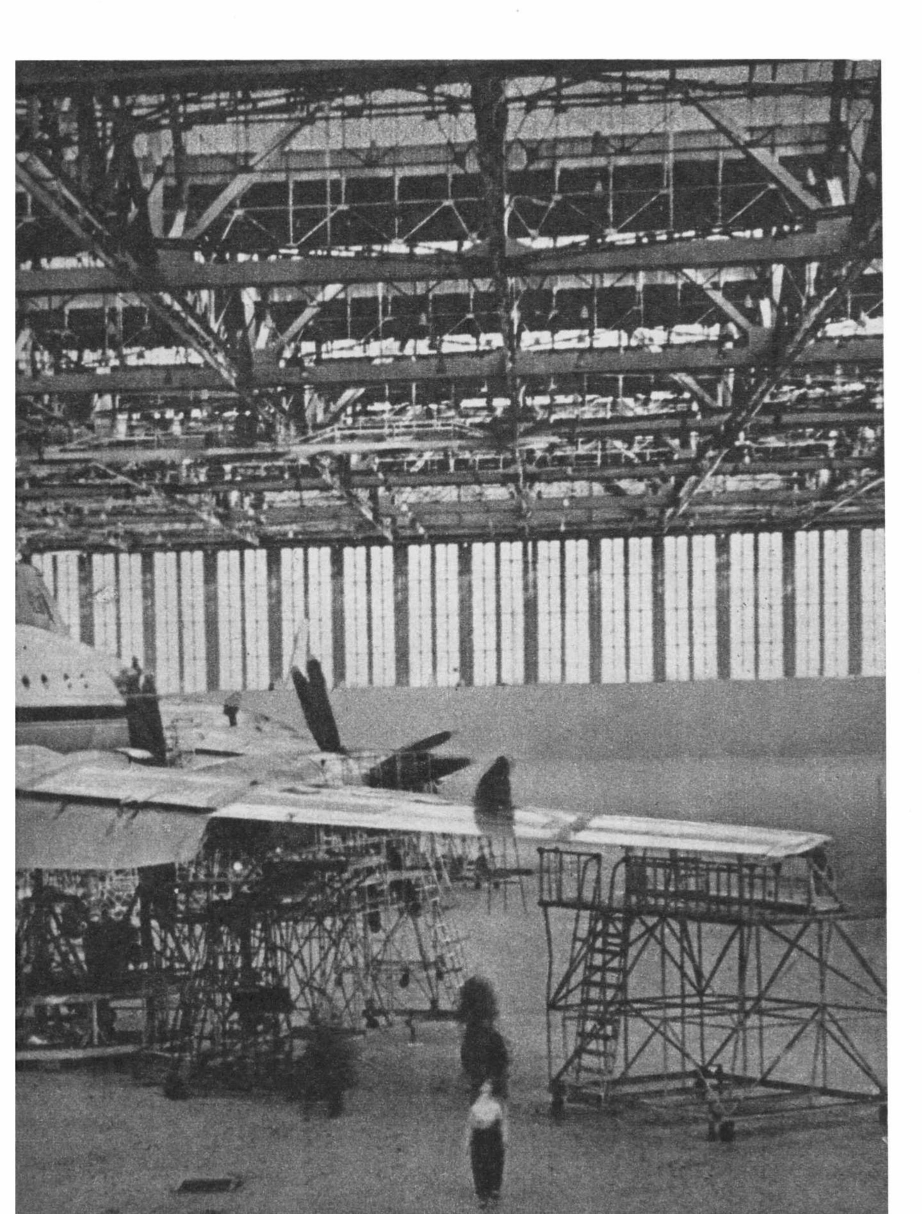
...Просторный зал, наполненный шумом мощных вентиляторов, всасывающих воздух в аэродинамическую трубу. В ее узкой части, где воздушный поток набирает наибольшую скорость, помещена модель самолета. У пульта управления, склонясь над приборами, стоят инженеры, снимающие «замеры» с модели.

— В аэродинамической трубе, — объясняют нам, — будущий само-

Самолет «ТУ-114» в цехе окончательной сборки.

Панель крыла устанавливается в пресс для клепки.

УШНОГО ЛАЙНЕРА

лет как бы впервые «поднимается в воздух». На плоскостях модели, на ее хвостовом оперении наклеены ворсинки. Это позволяет определять характер воздушного обтекания машины. Если ворсинки лежат по обводу самолета, все в порядке, обтекание хорошее, а если они закручиваются, значит, в том месте нормальное обтекание нарушено.

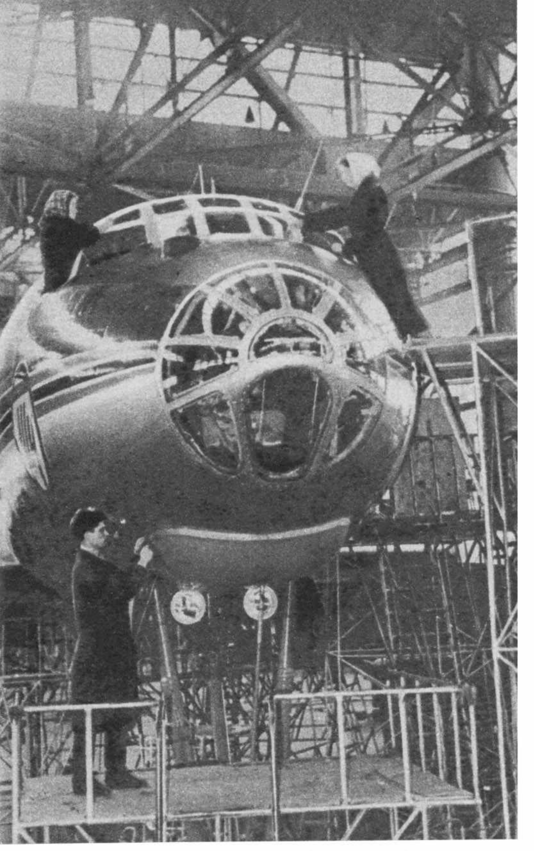
Продувая машину в трубе, можно определить устойчивость самолета, правильность соотношения размеров, например, крыла и хвостового оперения, узнать, как машина будет вести себя на посадочной и максимальной скоростях. Вот в этих аэродинамических трубах продувались и модели «ТУ-114». Продувались не один раз. Много вносилось изменений, поправок. А в это время уже прорабатывалась конструкция самолета, сооружался деревянный его макет в натуральную величину. Зачем? Пройдемте в макетный зал. Там, на месте, вам все станет понятно.

Поблескивая лаком и стеклами иллюминаторов, самолет, сделанный пока из дерева, выглядит как настоящий. Только стоит он не на аэродроме, а в большом, гулком зале под высоченным сводом. По трапу поднимаемся в фюзеляж. Пахнет краской и свежеструганым деревом. Внешне все как на подлинном воздушном лайнере: кабины пассажиров и экипажа, управление, приборы, кресла, буфет, кухня, туалеты, портьеры в салонах...

Здесь, на макете, тщательно рассматривали несколько вариантов компоновки кабин и подсобных помещений. Летчики, штурманы, радисты определяли, хорош ли обзор из пилотской кабины, удобно ли размещены приборы, рычаги, кнопки. Уже в процессе проектирования «ТУ-114» были на-

Регулировка шасси.

Сборка носовой части фюзеляжа.

значены ведущий инженер и ведущий летчик-испытатель: инженер — Владимир Иванович Богданов и летчик — Алексей Петрович Якимов.

«ТУ-114» существовал еще только в чертежах и макете, а Якимов на специальном тренажере уже приобретал навыки управления им, готовился к первому вылету. Впрочем, для этого у него было достаточно времени. Ведь чтобы создать «ТУ-114», пришлось выполнить несколько десятков тысяч чертежей, построить опытные экземпляры машины и провести целый ряд лабораторных и стендовых испытаний.

...Огромный ангар. Самолет висит в воздухе, подвешенный на резиновых амортизаторах. К концу крыла прикреплен вибрационный мотор. Все окна в помещении плотно закрыты, а в разных точках машины установлены электрические лампочки с рефлекторами. Перед ними — белые экраны.

Подана команда — и свет выключен. Лишь те лампочки, что на самолете, горят, и рефлекторы отбрасывают от них на экраны яркие «зайчики». Включен мотор. Самолет сотрясается частой дрожью, световые зайчики мечутся на экранах. По их движению инженеры и судят о характере колебаний самолета.

Второй экземпляр машины подвергнется испытаниям на прочность до его разрушения по определенной программе. Так конструкторы определяют, выдерживает ли самолет нагрузки, которым он может подвергнуться при самых различных режимах полета. Но испытания на прочность «ТУ-114» на этом не закончились. Предстояла еще одна ответственная проверка.

...Необычное это сооружение напоминает большой плавательный бассейн. Возле него пульт управления, насосная станция.

— В этом бассейне «ТУ-114» проходил очень важное испытание,— рассказывает наш спутник.

— Но ведь «ТУ-114» не морской самолет?

— И, тем не менее, он даже плавал под водой. Ведь этот самолет летает на высотах 10—11 тысяч метров. Чтобы создать для пассажиров нормальное атмосферное давление, фюзеляж делается герметичным. Туда нагнетается воздух, и давление внутри самолета больше, чем снаружи. Поэтому фюзеляж рассчитывают так, чтобы многократные нагрузки, возникающие при герметизации, не влияли на его прочность. Вот здесь, в бассейне, и проверялся этот расчет.

— Каким же образом?

— Зная срок жизни самолета, подсчитали, сколько примерно раз будет производиться герметизация. Затем в фюзеляж, погруженный в бассейн, нагнеталась вода до нужного давления. Потом давление стравливалось. Так повторялось столько раз, сколько требовала программа испытаний.

— Но зачем же все это делать в воде?

— Безопаснее.

Наконец наступил долгожданный день. После окончания лабораторных и стендовых испытаний приступили к первым полетам. Как всегда, Андрей Николаевич Туполев сам подписал летчику-испытателю полетный лист на первый вылет, а когда Якимов благополучно посадил машину, генеральный конструктор первым обнял его.

...На завод, где пассажирские самолеты «ТУ-114» строятся серийно, мы приехали утром. Подернутые морозной дымкой, производственные корпуса стояли длинными рядами, образуя как бы улицы и переулки своеобразного города. Начальник производства завода Алексей Федорович Галтеев водил нас по цехам, знакомил с этим огромным промышленным предприятием.

Производство воздушных лайнеров начинается в плазовошаблонном цехе. Здесь на низких широких столах конструкторы и разметчики вычерчивают все детали самолета в их натуральную величину. Потом в заготовительных цехах точные станки раскраивают, штампуют, фрезеруют металл, придают ему нужные контуры. В других цехах тысячи заготовленных больших и малых деталей соединяются, образуя отдельные агрегаты машины. В стапелях металлические ребра шпангоутов покрываются листами обшивки, становятся отсеками фюзеляжа. Собираются крылья, хвостовое оперение, мотогондолы...

— А теперь пройдемте в цех окончательной сборки,— говорит Алексей Федорович.

Цех поражает размерами. Ощущение такое, словно попал на огромную, в несколько сот метров длиной площадь, ограниченную стенами и прикрытую на высоте седьмого этажа стеклянной крышей. От начала и до конца цеха на линии сборки стояли самолеты в различной стадии готовности.

— А где же здесь собираются «ТУ-114»?

— Да вот же они, перед вами,— отвечает Алексей Федорович.—Здесь других самолетов нет.

Крылатый гигант теряется в просторах цеха.

— Сейчас начнут сборку новой машины,— сообщает нам спутник.

Мощный мостовой кран, бесшумно скользя над нашими головами, доставляет отсеки фюзеляжа, потом крылья, хвостовое оперение. Происходит, как говорят самолетостроители, стыковка планера.

— Пройдемте по линии сборки,— приглашает начальник цеха Максим Петрович Радомский.

Он уже четверть века строит самолеты.

На подъемниках стоит планер «ТУ-114». Это фюзеляж с крыльями, хвостовым оперением, но еще без шасси, двигателей, внутренней «начинки». Вдоль фюзеляжа медленно движется человек. Он приставляет к обшивке самолета трубку и приникает к ней ухом, словно выслушивает. Похоже, что доктор Айболит лечит какого-то гигантского крылатого кита.

Бригадир Петр Герасимович Сериков проверяет герметичность фюзеляжа. Закрыты все двери и иллюминаторы. Через шланг внутрь нагнетается воздух. Вот бригадир и слушает, нет ли где утечки воздуха, по манометру проверяет его давление внутри фюзеляжа.

Поражает разнообразие материалов и оборудования, которые идут на изготовление «ТУ-114». Тут и высоколегированные стали, и сплавы цветных металлов, и радиолампы, и электромоторы, и трубопроводы различного сечения, и десятки километров электрических проводов, и многое, многое другое. Можно сказать, что весь корабль буквально начинен техникой.

Поднимаемся в кабину строящегося самолета. В первом этаже в багажном отсеке работают электрики под руководством мастеров Б. Чумичева и И. Колгина. Пол и стены еще не обшиты, и видны электропровода, трубы, по которым пойдут горючее, кислород, гидросмесь. А наверху, в пассажирской кабине, в полном разгаре отделочные работы. Здесь царство синтетической химии. На сиденья кресел, например, идет поролон — материал очень легкий и эластичный. Перегородки делаются из пенопласта и фанеры, занавески на иллюминаторах—из стеклотканей.

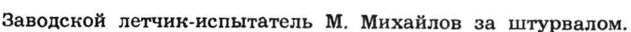
Линию сборки завершает уже совершенно готовый «ТУ-114».

— Завтра передадим его на аэродром,— сообщает Максим Петрович,— экипаж уже здесь.

К нам подходит плечистый сероглазый человек в меховой куртке. Нас знакомят. Это Михаил Иванович Михайлов, заводской летчик-испытатель. Он налетал три миллиона километров и пробыл в воздухе более десяти тысяч часов.

— Кажется, цех выпускает самолеты совершенно одинаковые,— говорит Михаил Иванович,— а в воздухе у каждого из них свой характер: у одного хороший, а у другого капризный. Вот мы капризные характеры и исправляем до нормальных. А в целом «ТУ-114» — отличная машина.

Завтра Михаил Иванович поднимет новый самолет в воздух, и недалек час, когда этот «ТУ-114» примет на борт первых пассажиров.

Заводской летчик-испытатель М. Михайлов за штурвалом.

Находка землекопа

...Из горки рыхлого грунта, отвороченного лопатой рабочего Е. Н. Фролова, торчала какая-то трубка. Фролов нагнулся. На его ладони оказался кусок почерневшей от времени и сырости бересты. Осторожно развернув тугую трубку, рабочий сдул с нее земляные крошки. Его глазам открылись четкие письмена. «Буквы вроде русские, а что написано, не разберешь. Надо показать ученым...»

Работники Витебского краеведческого музея, куда землекопы отнесли берестяную грамоту, сообщили о находке в Москву, известному историку и археологу Борису Александровичу Рыбакову. Академик немедленно вылетел в Витебск. С волнением взял он в руки старинное письмо. «От Степана къ Нежилови. Оже еси продал порты... а добро сътворя укупи ми жита...» «Если ты продал одежды... то, сделай милость, купи мне ячменя...»

Какой же интерес для науки представляет витебская находка? Вот что сообщил нам Б. А. Рыбаков. Исследования показывают, что грамота написана примерно в XIII—XIV веках. Явные следы «цокающего» северо-западного произношения: «цего», «посли» — роднят ее со знаменитыми новгородскими, псковскими и смоленскими грамотами. Таким образом, находка эта типична. Типичность ее и расширение круга мест, где обнаруживаются подобные образцы древнерусской письменности, подтверждают правильность выводов советских ученых о высоком культурном уровне городов Руси XI—XVI веков. Автором грамоты, по-видимому, был ремесленник, живший изготовлением и продажей одежды.

Академик Рыбаков предполагает произвести летом на месте находки систематические раскопки. Они позволят полнее осветить древнюю историю Витебска и, возможно, разыскать новые грамоты.

Сейчас находка Е. Н. Фролова, обработанная специальным составом и герметически закупоренная между двумя стеклами, выставлена в Витебском краеведческом музее.

В. ПЛЕТНИКОВ,
аспирант МГУ

ПОЛУПРОВОДНИКИ В ПОЛЕ

Круглый день проводит колхозный агроном в поле. Чтобы измерить температуру или влажность почвы, он вынужден в посевах протоптать дорожку к прибору, а чтобы увидеть показания,— почти лечь на землю.

Облегчить труд агронома могут полупроводники. Нашими учеными создана серия приборов, которые отлично действуют в сложных и изменчивых полевых условиях. Они автоматически записывают температуру на поверхности почвы и на различной ее глубине, измеряют температуру и влажность воздуха, скорость ветра, количество солнечного тепла, притекающего к растениям, влаги, испаряемой из почвы, и много других данных.

Но мало знать условия внешней среды, чтобы управлять жизнью растения. Еще важнее проникнуть в тайны внутренних процессов его роста и развития. И тут на помощь приходят полупроводники. Приборы узнают и фиксируют температуру различных органов растения, показывают, с какой скоростью движутся растительные соки внутри него, как идет испарение.

Полупроводники можно использовать и для прогноза погоды. В Агрофизическом институте построен прибор, который сам, без участия наблюдателей, с вечера предсказывает возможность наступления заморозков в предстоящую ночь.

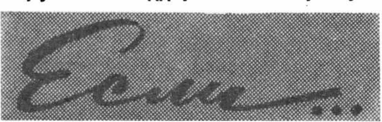
Прибор этот прост и доступен любому колхозу.

Полупроводники также контролируют и поддерживают нужную температуру и влажность при хранении и перевозке зерна, картофеля, муки и других продуктов.

Построены первые полупроводниковые генераторы электроэнергии, использующие местное, отбросное топливо для освещения помещений и электродоения. Тепло, выделяемое при пропускании тока через полупроводниковые термопары, выгодно использовать для пастеризации молока, получения теплой воды на фермах, а в дальнейшем и для обогрева помещений.

Профессор А. ЧУДНОВСКИЙ

Ленинград.

...перед посевом обработать гамма-лучами семена хлопчатника, увеличится урожай хлопка и масличность семян. За счет этого Узбекистан сможет ежегодно давать дополнительно тысячи тонн растительного масла.

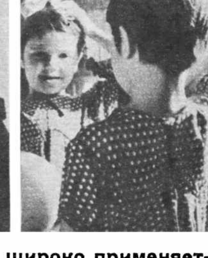
* * *

...обрабатывать гербицидами все посевные площади зерновых, страна сможет получать дополнительно до миллиарда пудов хлеба в год. Гербициды—химическое средство борьбы против сорняков.

После лечения новокаином

На этих двух снимках изображена одна девочка — Валя Сальникова. Первый снимок сделан в начале прошлого года, когда у Вали совсем выпали волосы после сильного нервного потрясения, второй — в ноябре того же года, после курса лечения новокаином. Метод лечения нервных болезней новокаином разработан румынскими учеными под руководством академика

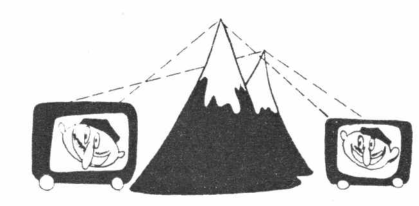

К. Пархона. Он широко применяется и в кабинете долголетия поликлиники Ново-Куйбышевского нефтеперерабатывающего завода. Нашим врачам постоянно помогают советами профессор Анна Аслан и другие румынские коллеги.

Ю. КУЗЬМЕНКО
Фото автора.

Ново-Куйбышевск.

Проблемы открытия факты

Горы вместо мачт

От Алма-Аты до Фрунзе добрых 200 километров. Для передачи изображения по телевидению в обычных условиях это слишком солидное расстояние. Тем не менее жители столицы Киргизии регулярно смотрят передачи из столицы Казахстана и наоборот, хотя между этими городами нет ни промежуточных ретрансляционных точек, ни передающего кабеля.

— Что касается гор, разделяющих нас, то и они не помеха,— рассказал нам сотрудник отдела физики и математики Академии наук Киргизской ССР Сабырдин Аманов.— Ученые нашли новый способ увеличить дальность телепередач. Острые края горных вершин служат в качестве естественного отражателя и передатчика ультракоротких радиоволн.

Таким же способом ведутся телепередачи из Фрунзе в районы Иссык-Кульской котловины — на расстояние до 400 километров.

В. ВАСИЛЬЕВА

Фрунзе.

Киты и стрептомицин

Меткий выстрел гарпуна — и кашалот умерщвлен. Китобои торопятся доставить его на базу для обработки. Медлить нельзя: температура убитого животного достигает почти сорока градусов, но толстый слой подкожного жира не дает ему остыть. В такой «духовке» мясо может испортиться за несколько часов. Как же сохранить ценное сырье? Кандидат технических наук Л. П. Шмелькова предложила вводить внутрь убитого кита или кашалота раствор стрептомицина. Опыты показали, что антибиотик продлевает кондиционность мяса до 30 и более часов.

К. ВЛАДИМИРОВ

Курилы.

Рисунки Б. Жутовского.

ЛАНОН И... ДЫРКИ НА ЧУЛКАХ

Вернер РЕДЕЛЬ (ГДР)

В Тюрингском лесу, зеленом царстве Германской Демократической Республики, находится небольшое местечко Шварца. Еще несколько лет назад Шварца была известна лишь жителям Тюрингии и туристам.

Здесь появилась фабрика искусственного волокна имени Вильгельма Пика. А неподалеку от фабрики выросло еще одно здание. На центральном фасаде его поблескивает пестрая мозаика, изображающая... пробирки, реторты и сосуды с химикалиями. Это Институт технологии химического волокна— колыбель «фасонного волокна», прославившегося почти на весь мир. Изобрел его руководитель одного из отделов института, инженер-текстильщик Болланд.

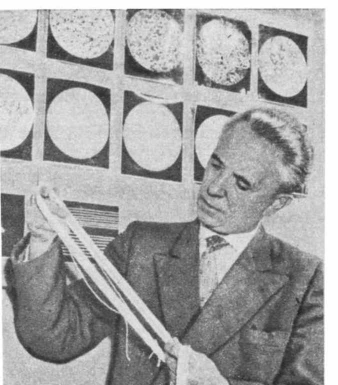
Всем хорошо известны положительные качества химического волокна: его прочность, кислотоупорность, легкость, с которой оно поддается чистке. Но Болланда беспокоила зеркально-гладкая поверхность этого волокна. В электронный микроскоп видно, что тончайшая нить волокна, вышедшая на химических предприятиях из отверстий фильера, гладка, как лед. А такие гладкие нити легко сдвигаются со своих мест в ткани. Поэтому-то так быстро спускаются петли на женских чулках.

Долго размышлял инженер Болланд над тем, как устранить этот неприятный дефект. И однажды, когда он снова рассматривал в электронный микроскоп нить химического волокна и нить шерстяную, пришла ему в голову идея: нельзя ли научиться делать поверхность химической нити такой же шероховатой, как и шерстяной? Тогда нити искусственного волокна будут так же прочно держаться одна о другую. Инженеру Болланду было ясно, что коллектив способен сделать больше, чем один человек.

И люди принялись искать уже найденное — отбрасывать и снова доискиваться, думать и размышлять. В конце концов появилось предложение, которое удовлетворило и химиков, и техников, и ткачей. Отверстие в фильере решили сделать в форме треугольника, с боковых граней которого отходили крохотные зубчики. Так родилась полая фасонная химическая нить.

...Это было два года назад. И с тех пор прибывают в Шварцу письма со всего света. Химики и текстильщики просят дать более подробные сведения о создании, преимуществах и применении новой нити. Даже американские химики вынуждены признать, что после этого открытия ГДР заняла в этой области ведущее положение.

Сейчас в институте производятся широкие испытания нового химического волокна — ланона. Его вырабатывают из нефти, и химики ГДР могут взяться за производство этого волокна только благодаря тесной экономической связи с СССР и его дружественной помощи. Через несколько лет в ГДР потекут по мощному нефтепроводу тысячи тонн нефти из Советской страны.

Инженер Болланд.

Даже насквозь мокрый костюм из ланона не мнется...

Дорогая моя

МИРЗО ТУРСУН-ЗАДЕ

Дорогая моя, не сердись на меня,
Неповинного мужа напрасно браня.

Колесил-колесил я по шири земной,
И опять я с тобой, я вернулся домой.

Где бы я ни ложился и где б ни вставал,
Где бы ни был мой краткий приют и привал,—

У тебя постоянное было жилье,
То жилье — беспокойное сердце мое.

Без тебя в мое горло вода не лилась,
Легкий сон без тебя не смыкал моих глаз,

Без тебя длился день для меня, как зима,
Без тебя замолкала и песня сама!

Без тебя на красавиц глядел я порой,
Без тебя любовался я звездной игрой,

Без тебя оживлялся порой за столом,
Без тебя заливался порой соловьем,

Без тебя я чужих славословил подруг,
Без тебя согревался пожатием рук,—

Но повсюду была ты со мною вдвоем,
Но всегда обитала ты в сердце моем...

Дорогая моя, не сердись на меня,
Неповинного мужа напрасно браня!

Это правда, я редко бываю с детьми —
И тогда ты детей за меня обними.

В тихом доме иль в школе на парте сидят,
А глаза их за мною по карте следят.

Но я слышу биение ваших сердец.
Самый младший вопрос задает: «Где отец?»

В это время невольно ты смотришь на дверь,
И твой взгляд издалёка я вижу, поверь...

Это правда, родная, но выхода нет:
Надо видеть друзей — целый мир, белый свет.

Наши предки скитались в былые года,
В край из края гнала их беда и нужда.

Хоть и странники мы — не изгнанники мы,
Счастья, мира и дружбы посланники мы.

Нашей Родины мы исполняем наказ:
Отправляет народ в путешествие нас!

Нет, мы счастья не ищем — мы счастье творим,
Чтоб и легче и чище дышалось другим.

Только дружбу мы ищем, мы дружбу несем,
Чтоб цвела она в каждом жилище людском.

Разве в крепость одна превратится стена?
Разве в сад превратится травинка одна?

Видеть мир — это видеть и благо и зло
И тепло получать, излучая тепло.

Мы забыли, каков черный день бедняков,
Потому что давно мы живем без оков.

Помнишь, был в нашем доме писатель Фаиз,
Чьи стихи, как пенджабские звезды, зажглись?

Он сидел у тебя, мало вымолвил слов,
И не слишком усердно он кушал твой плов,

Слушал вежливо то, что сосед говорил,
Он сидел у тебя и курил и курил...

Но когда оживленный зашел разговор
Про его Пакистан и про город Лахор,

Загорелся Фаиз, как дрова, как трава,
Точно искры, взвились огневые слова.

Он метался от боли, утратив покой,
Рвался к свету и воле пенджабской рекой.

Много создал он строк, заключенный в тюрьму,
Смерть, отравой дыша, приближалась к нему,

Но борьбы его корень в земле был глубок,
Он бессмертия влагу из почвы извлек,

Он стихи напоил жизнетворной водой,
Смерть в бою победил пакистанец седой.

Вдохновенье — солдат, меч — стальное перо,
А кольчуга его — чистота и добро.

Ради правды покинув родные края,
Он отчизне твердит: «Дорогая моя!..»

Оснежилась его голова сединой,
Но душа его дышит зеленой весной.

Разве он, как и я, на чужой стороне
Не тоскует о детях, о милой жене?

Для него Пакистан — это дети его,
И тревожит их плач на рассвете его.

На чужбине, свою вспоминая семью,
В детском плаче он черпает силу свою.

Плач бывает суров, плач бывает жесток,
Но никто так не плачет, как плачет Восток,

И такая в слезах его горькая боль,
Что земля его стала соленой, как соль...

Наш Парвиз расшалится порой на дворе,
А потом и заплачет, обижен в игре.

Там, где дети, там плач, но легко ты поймешь,—
Этот плач на другой не похож, не похож:

На соленую влагу тоски и беды
Не похожи потоки весенней воды!

Разве может, скажи мне, ребенок страдать
Там, где счастлива женщина, счастлива мать,

Где бывает — на это даны ей права,—
Что она и основа семьи и глава?

Мы трудов ее видим плоды хорошо.
Хорошо, что мы ею горды? Хорошо!

Хорошо, что сады пламенеют вокруг:
Это золото женских заботливых рук.

Там, где славится мать, где в почете жена,—
В той стране высока человеку цена.

Чем привольнее детям расти, расцветать,
Тем счастливее мать, тем красивее мать!

Помоги мне, мы вместе трудиться должны,
Чтоб не видели дети обличья войны,

Чтоб узнали они нашей истины свет,—
Человеческой правды единственный свет,

Чтобы им подчинился, их мыслью согрет,
И таинственный свет неизвестных планет...

Дорогая моя, огорченья забудь,
Хоть мгновенье одно ты со мною побудь!

Пусть обиды останутся все позади,
Хоть мгновенье одно ты со мной посиди.

Как соскучился я по укорам твоим,
По словам, по улыбке, по взорам твоим!

Мы с тобой постарели: морщины видны,
И прибавилось мне и тебе седины,—

Но, как прежде, мечтательны наши сердца,
И мечтам нет конца, как любви нет конца.

Мы с тобою увидим весну не одну,
Мы цветами украсим свою седину,

На луне золотой мы поставим шатер,
С высоты на земной мы посмотрим простор!

Хоть мгновенье одно посиди ты со мной,
Я с хорошим рассказом вернулся домой,

Я тебе расскажу об открытых сердцах,
О великих борцах, знаменитых борцах,

Расскажу я о тех, кто для мира живет,
Чтобы честно дружили с народом народ,

Расскажу я о тех, кто воюет с войной,
Чтобы честно дружила страна со страной,

Чтобы время вражды, вероломства прошло,
Чтобы к миру людское потомство пришло.

Дорогая моя, посмотри, посмотри,
Лед войны разрушают посланцы зари!

Мы с верительной грамотой мира войдем,
С полномочьями солнца к товарищу в дом!

Почему же ты жалуешься в этот час:
«Как знакомую встречу свою, всякий раз

Надо мной издевается, губы кривит
И колючею, горькой насмешкой язвит,

Говорит ядовитые, злые слова:
«Ах, бедняжка, соломенная ты вдова!

Хоть и замужем ты, а без мужа грустишь,
Вкруг тебя одиночества долгая тишь,

Разъезжает повсюду супруг, а жена
Дни и ночи одна, дни и ночи одна!»

Дорогая моя, не должна тебя жечь
Недалекой подруги никчемная речь.

Ничего эта женщина не поняла,
Но, быть может, она говорит не со зла.

Не сердись на нее,— надо быть нам умней,
Снисходительней быть к недостаткам друзей.

Не вступать же нам с нею в бессмысленный спор!
Лучше мы поведем о другом разговор.

Вспомни праздничный день — юбилей Рудаки.
Гости прибыли к нам и пришли земляки.

Кто далеким, кто близким, кто трудным путем,
Дети разных земель устремились в твой дом

Одолев расстоянья, пройдя перевал,
Целый мир у таджички в гостях пировал!

Показалось: раздвинулся Сталинабад,
В целый мир превратился наш маленький сад,

Племена, и державы, и материки,
Как друзья, появились в стране Рудаки!

Здесь и русский, и турок, и горский джигит,
В белом сари из Индии гостья сидит

С нарисованной родинкою под губой,
Как сестра, обнялась индианка с тобой,

Были кудри черны, как смола, у нее,
Как у лебедя, шея была у нее,

С белым сари был рядом таджикский атлас:
С Индустаном земля Рудаки обнялáсь!

По-таджикски своих ты встречала гостей:
Будет больше гостей — будет в доме светлей.

И хотя ты не знала заботам числа,—
Ты, хозяйка, от этих забот расцвела.

Помнишь негра? Он так тебе сделался мил:
Край лепешки он в доме твоем отломил!

Друга, друга искали два глаза его —
Два блестящих ангольских алмаза его!

Он родился в Анголе, в стране тростника.
Хоть и сладок тростник, да неволя горька!

Там алмазы блестят — сотни тысяч карат,
А на спинах людей капли пота блестят.

Говорил он от имени черных племен,—
Из железа, казалось, он был сотворен.

Он сказал: «Мы черны, черных предков сыны,
А другой за собой мы не знаем вины.

Чужеземцев легла на нас черная тень,
Мглистой ночи темней черной Африки день.

Мы живем, как рабы, в нашем ухе — серьга,
Мы измучились в копях владыки-врага.

Негры в доме родном, как скитальцы, живут,
Нашим тяжким трудом португальцы живут.

Не лучами палящими мы сожжены,—
От владычества белых мы стали черны.

Белый черных не любит в Анголе у нас,
Белый с черным не учится в школе у нас,

Белый с черным не сел еще рядом за стол,
Нас не любит, а все же от нас не ушел.

Нас не любит, зато к нашим копям привык,
Нас не любит, но любит наш сладкий тростник.

Жаждет Африка воли: хотя мы черны,
Светлых дней мы желаем для нашей страны.

О, как мне хорошо среди белых друзей!
Будем вместе, чтоб в Африке стало светлей!»

Дорогая, ты вслушайся в эти слова.
Будем биться за мир засучив рукава,

И хотя рождены мы под небом другим,
С негром ты поделись теплым хлебом своим...

Сколько верных друзей в нашем доме родном!
О певце вдохновенном беседу начнем.

Запевала наш, Тихонов, седоволос,
Но как много огня он с собою принес!

Был расцвечен, как праздничный, яркий ковер,
Всеми красками жизни его разговор.

Он учил меня дружбу скреплять на века,
Как скрепляется с мощной строкою строка.

Он учил меня честным и звонким стихам,
С другом радость и горе делить пополам.

Много дней и недель от отчизны вдали
Вместе с ним в путешествиях мы провели.

Мы узнали в песчаной пустыне ночлег,
Знойный вихрь, теплый дождь, ослепительный снег.

То утесы встречали нас, точно гостей,
То спускались мы вместе на дно пропастей,

То мы видели синего неба чертог,
То властителя Аурангзеба чертог,

То с трудом пробирались в огромной толпе,
То вздымались по тихой, безлюдной тропе,

То горели для нас городские огни,
То—в деревне глухой — только звезды одни.

Мы друзей находили повсюду, всегда,
Удивлялись мы жизни, как чуду, всегда!

Вижу сорок девятый, мне памятный год.
Впереди извивается горный проход.

Не запомним, ей-богу, труднее дорог,
Гиндукуш перед нами лежит поперек.

То зовут нас хребты в свой дворец ледяной,
То ущелье сердца леденит крутизной.

Караван потянулся к стадам облаков,
Сверху слышится нам перекличка звонков.

В этой выси надмирной, среди тишины,
Только будды в кумирне нам были видны.

Солнце скрылось, и тени упали от скал,
Будто кто-то за нами ходил, нас искал.

Без удара кинжала в полуночный час
Искандера Врата открывались для нас.

Обрели мы в теснине Дуаба ночлег,
У кибитки саманной стоял человек,

Нас он встретил с поклоном, сложив две руки.
Где-то слышался голос незримой реки.

На потертой циновке легли мы тотчас,
Если здесь и горел огонек, то погас.

Но в кибитке очаг наш хозяин разжег,
Дым наполнил кибитку, он стлался у ног,

Струи дыма взвились к потолку, как бичи,
И глаза наши стали слезиться в ночи.

Вкруг костра мы уселись — обычай не нов.
Чай вскипел на огне, появился и плов.

Ветер яростно в крышу и двери стучал,
То протяжно стонал, то он выл, как шакал.

В доме стало тепло, и всю ночь до утра
Воевало со стужею пламя костра.

Наш хозяин, афганец, годами не стар,
Все, чем только владел, другу отдал бы в дар!

Он узнал, он узнал, из какой мы земли,
Что за люди к афганцу в кибитку пришли.

В нас узнал он страну, что на дружбу щедра,
Гордо с холодом бьется, как пламя костра!

В нас, наверно, узнал он орлиный народ,
Что друзей под крыло с добротою берет.

Этот горец был гостю желанному рад:
Приютил он певца, что воспел Ленинград!

Этот горец афганцев прекрасный удел,
День грядущий сквозь дымы костра разглядел!

Может быть, он решил: будет путь не тяжел,
Ибо в наших сердцах он обитель нашел.

Может быть, о друзьях он подумал тогда:
«Будем с ними в одной кожуре — два плода!»

Между нашими землями, ясно ему,
Словно луч золотой, устремилась Аму,

А в беде земледельца не бросит вода:
Свет, и жизнь, и богатство приносит вода!

Одеялом одевшись — укрытьем от стуж,—
Поднял голову он, словно сам Гиндукуш,

И сказал: «Отдохните — и я отдохну,
Сердце гостю вручу, гостя — сладкому сну».

За кибиткой безмолвно вздымалась гора,
А костер еле-еле мигал до утра,

Ветер бился о камни горы головой,
Караван становился на отдых ночной...

Чужеземная ночь нарастает вокруг,
А в ушах — голоса и детей, и подруг,

И земли, где ты песни живые нашел,
Где душевного друга впервые нашел.

Есть пословица — опыт народа хорош:
«Настоящего друга в пути познаешь».

Дорогая моя, ты в душе приюти
Настоящих друзей, что нашел я в пути!

Их надежды, их стойкость средь грома и гроз,
Как подарок, таджикской земле я привез.

Это счастье — домой возвратиться опять,
Чудодейственный воздух таджикский вдыхать.

Снова солнце мне светит, и снова — мое!
Я вернулся домой, чтобы слово мое

Потрудилось горячим и добрым трудом,
Стало хлопком и углем, зерном и плодом,

Чтоб звучало оно для друзей, как привет,
Чтоб встречала с ним вместе подруга рассвет,

Чтоб зажглось на горах и в ущельях оно,
Чтоб запело на всех новосельях оно,

Чтоб я был тамадой на веселье людском,
Был бы в чаше последним желанным глотком!

Я приехал домой, чтоб не речи держать,—
Чтобы новую тяжесть на плечи принять,

Чтоб, как сборщица хлопка, трудясь день-деньской,
Сотни раз поклониться земле дорогой,

Чтобы в каждой травинке мой стих зеленел,
Чтобы музыке жизни он в лад зазвенел,

Чтобы в доменных он загорался печах,
Чтобы в солнечных он отражался лучах,

Чтобы влагою пенной кипел в роднике
И породою ценной блестел в руднике!

Почему же, когда я вернулся назад,
«Ты надолго ль приехал? — друзья говорят.—

Долго ль ты на таджикской земле прогостишь
Или здесь пребыванье свое сократишь?»

Нет, не гость я, друзья, это каждый поймет,
Бог избави, друзья, от подобных острот!

Не бродягой залетным я прибыл сюда,
Я не птица, что хочет прожить без гнезда,

Не улыбка, что вспыхнуть желает на миг,—
Счастье жизни на этой земле я постиг!

Здесь, на этой земле, я родился и рос,
Здесь я первое слово любви произнес,

Здесь открыл я глаза, увидал небеса,
Услыхал родников и стихов голоса,

Здесь, на этой земле, я впервые постиг:
Человек стал высок, человек стал велик!..

Дорогая моя, мы с тобою вдвоем
В молодые года создавали наш дом.

Посмотри же: он светит светлей с каждым днем,
Потому что в нем больше друзей с каждым днем,

Посмотри же: он выше и шире теперь,
Слышит все, что рождается в мире теперь;

Посмотри же: простого таджика семья
С миром правды слилась, дорогая моя!

Перевел с таджикского **С. ЛИПКИН.**

Михаил Исаковский. К 60-летию со дня рождения.

Фото Н. Кочнева.

В поисках СЛОВА-САМОЦВЕТА

Николай **РЫЛЕНКОВ**

Литературные судьбы писателей, даже хороших, больших писателей, складываются поразному. Произведения одних сначала оцениваются только знатоками, любителями и потом уже постепенно завоевывают признание широких кругов рядовых читателей, конечно, при известном посредничестве критики, которая разъясняет, пропагандирует писательское творчество.

У других же получается наоборот. Признание идет, так сказать, снизу, непосредственно от народа и нередко застает профессиональную критику врасплох.

Именно так получилось в свое время и с поэзией Михаила Исаковского, которого читатели узнали и полюбили гораздо раньше, чем оценили критики. В сущности, критики обратили на него серьезное внимание только после того, как его песни запел весь советский народ, когда его «Катюша» от крутого берега безымянной смоленской речки, перейдя все рубежи, дошла до Великого океана и завоевала всемирную известность.

Популярность стихов и песен Михаила Исаковского для некоторых критиков оказалась неожиданной, но отмалчиваться уже было невозможно. Нужно было разобраться, объяснить «секрет» его успеха, успеха прочного, непреходящего, основанного не только на актуальности тематики. И тогда оказалось, что песенный взлет поэта подготовлен всей предыдущей его работой, работой взыскательного художника слова, смелого новатора, искусного мастера, который никогда не гонится за внешними, версификаторскими эффектами, но всегда ищет прямых путей к сердцу современника.

Уже в первой половине двадцатых годов стихи Исаковского о новой советской деревне, печатавшиеся в газетах и некоторых так называемых «крестьянских» журналах, обратили на себя внимание. Стихи отличались глубоким проникновением автора в жизненные процессы, выразительной простотой, ясностью поэтической формы, которая вытекала из ясности целевой установки поэта-коммуниста, любовно утверждавшего черты нового, боровшегося со всяческими пережитками косности, патриархальщины. Органически связанный с советской действительностью, Исаковский хорошо понимал, что с народом нужно разговаривать языком самого народа-языкотворца.

Отсюда наряду с учебой у поэтов-классиков пристальный интерес к современной народной поэзии, к песне, особенно к частушке, всегда идущей по горячим следам событий. Острое чувство времени даже в пору творческой молодости помогало Михаилу Исаковскому избежать соблазнов стилизаторства.

В поисках слова-самоцвета он не обращается к словарям.

Язык своеобразных стихотворных новелл, составивших основу первой книги Исаковского «Провода в соломе», уже переливается и сверкает всеми красками живой разговорной речи пореволюционной деревни. Созданные им тогда стихи, такие, как «Хутора», «Ореховые палки», «Радиомост», «Большая деревня», вскоре стали хрестоматийными.

В следующей книге Исаковского «Провинция», вышедшей в Смоленске в 1930 году, раскрылась новая сторона дарования поэта: мягкий юмор и ирония, которые позволяли ему брать самые опасные темы, не рискуя впасть в сентиментальность и ложную патетику.

Своеобразное сочетание задушевного лиризма и юмора с тех пор на многие годы определило творческую манеру поэта, придало ей неповторимое обаяние. Примером того может служить и «Поэма ухода», и «Четыре желания», и многие, многие стихи предвоенных, военных и послевоенных лет.

Это же определило и стиль его песен, лукаво-шутливых по форме и всегда глубоко серьезных, даже драматических по содержанию. Вспомните хотя бы знаменитую «Дан приказ: ему — на запад...».

Может быть, это качество песен Исаковского и пришлось особенно по душе нашему народу, так как оно выражает наиболее дорогие черты русского национального характера.

Поэзии Исаковского свойственно то целомудрие взыскательного мастера, которое не терпит ничего лишнего, показного, не позволяет отвлекать внимания от главного словесными побрякушками, бумажными цветами.

В лучших своих произведениях Исаковский достигает вершин поэтического искусства, и тогда общественная и личная темы сливаются воедино, тогда поэт с одинаковой силой воплощает и высокие гражданские чувства и тончайшие движения человеческой души, например, в стихах «Русской женщине», «Летят перелетные птицы» и рядом с этим — «Каким ты был, таким остался», «Мы с тобою не дружили...».

Талант Исаковского светлый, радостный. Поэтому ему органически чужд наигранный оптимизм. Его стихотворение «Враги сожгли родную хату» — одно из самых трагических произведений послевоенной нашей поэзии, и в то же время оно—одно из самых человечных в современной лирике.

Конечно, на многолетнем творческом пути Исаковского наряду с большими удачами бывали и неудачи. Но можно смело сказать, что писал он всегда о самом главном, о том, что волновало советского человека на его нелегком пути к коммунизму. Именно поэтому, говоря об Исаковском, можно обойтись без цитат. Его стихи и песни знают наизусть все, от мала до велика. Что может быть завиднее и счастливее такой поэтической судьбы!

Творческий опыт Исаковского весьма поучителен для советской поэзии, а его выступления по вопросам поэтического мастерства — хорошая школа для нашей литературной молодежи.

Эти выступления продиктованы доброжелательной требовательностью кровной заботой о дальнейшем развитии советской поэзии, о всемерном обогащении ее изобразительных средств.

Статьи Исаковского учат молодых литераторов уважать своего читателя, любить родной язык и, главное, учат пониманию поэзии, близкой народу. Наглядный пример такой поэзии— творчество самого Михаила Васильевича Исаковского.

ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЙ СКУЛЬПТОР

Свыше пятидесяти лет продолжается творческая деятельность одного из старейших скульпторов нашей страны — Всеволода Всеволодовича Лишева. Последовательно и убежденно пронес он сквозь годы сложной борьбы художественных вкусов и направлений реалистические и гуманистические черты передового русского искусства.

Родился Лишев в 1877 году в Петербурге, в семье военного инженера. Когда наступил школьный возраст, мальчика, по установившейся в семье традиции, определили сперва в кадетский корпус, а затем — в военное училище. По окончании училища Лишев был назначен младшим офицером в Кронштадтскую крепостную артиллерию. Но военная карьера его не привлекала. Интерес к искусству все более настойчиво овладевал им.

В 1905 году молодой офицер обратил на себя внимание критики актуальной и боевой по тому времени работой — группой «Буры», обличавшей захватническую войну англичан против маленького, беззащитного бурского народа. Затем последовали шесть лет успешного обучения в Высшем художественном училище при Академии художеств под руководством талантливых скульпторов и опытных педагогов — Г. Р. Залемана и В. А. Беклемишева. В 1913 году Лишев окончил училище со званием художника-скульптора и заграничной командировкой, присужденной ему за группу «Наши предки».

Среди крупных произведений скульптора, выполненных в предреволюционные годы, следует упомянуть памятник Петру I (он был воздвигнут у здания Петербургского арсенала), бюсты-памятники герою Порт-Артура генералу Р. И. Кондратенко, П. П. Семенову-Тяншанскому, М. П. Мусоргскому и портрет В. А. Беклемишева.

Лишев был в числе тех, кто принял активное участие в реализации ленинского плана «монументальной пропаганды». В 1918 году он выполнил бюст Карла Маркса для Новой Ладоги, а затем — бюст-памятник Н. А. Некрасову для Петрограда. Памятник Некрасову не только высшее художественное достижение в творчестве Лишева начала двадцатых годов, но и вообще одна из лучших реалистических работ в советской скульптуре той поры.

В 1942 году Лишев был удостоен Сталинской премии за скульптурный памятник Н. Г. Чернышевскому для Ленинграда.

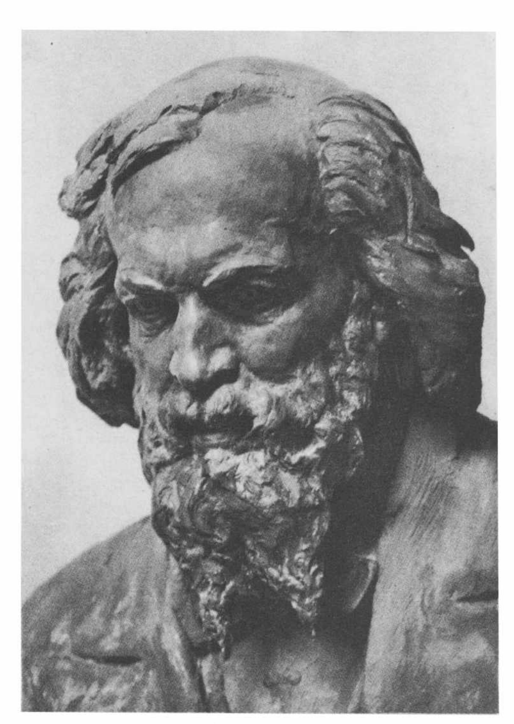
Известна исключительная творческая активность скульптора в годы Великой Отечественной войны. Несмотря на трудности жизни в блокированном городе, художник-патриот упорно трудился. Он лепит портреты героев-летчиков, партизан. Около тридцати произведений Лишева входит в популярную серию «Защитники Ленинграда».

Творчество Лишева в послевоенные годы отмечено новыми успехами: работой над памятником Павлову, первым в цикле произведений, посвященных великим деятелям русской науки и культуры прошлого, и над памятником Грибоедову.

Педагогическая деятельность Лишева сыграла важную роль в воспитании многих советских скульпторов-реалистов. Сейчас он профессор, руководитель скульптурной мастерской в институте имени И. Е. Репина.

Учениками Лишева были такие мастера, как Н. В. Томский, В. Я. Боголюбов, В. И. Ингал, И. В. Крестовский, М. Ф. Бабурин, Н. В. Дыдыкин, и многие другие. Своим питомцам Лишев привил основы реалистического мастерства, любовь к творчеству, натуре и внимательному ее изучению.

В. БОЙКОВ

В. В. Лишев. ПОРТРЕТ Д. И. МЕНДЕЛЕЕВА. 1952 год.

В. В. Лишев. СКУЛЬПТУРА ПАМЯТНИКА А. С. ГРИБОЕДОВУ В ЛЕНИНГРАДЕ. Деталь. Бронза, 1950 год.

В. В. Лишев. СКУЛЬПТУРА ПАМЯТНИКА Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОМУ В ЛЕНИНГРАДЕ. Бронза, 1947 год.

Н.Г.ЧЕРНЫШЕВСКИЙ
1828-1889

А. В. Волков. МОЛОДАЯ СЕМЬЯ.

ПОД ФЛЕЙТУ КОТОВСКОГО

Владимир ПАНЧЕНКО,
артист Московской эстрады

Как-то на концерте в Москве я встретился с Константином Фомичом Юцевичем. Мы знакомы с времен гражданской войны: он был тогда начальником штаба кавалерийской бригады Г. И. Котовского, а я служил сначала рядовым бойцом в бригаде, потом командиром эскадрона в 9-й кавалерийской дивизии. Как всегда бывает между давними друзьями, мы начали взахлеб вспоминать дни былые.

Вспомнилось и начало моей артистической карьеры.

...В степи, опаленной солнцем, растянувшись по проселку на добрые полкилометра, двигалась конница. Поодаль, по обочине, ехал на своем золотистом Орлике Григорий Иванович Котовский. Рядом с ним на сером в яблоках иноходце гарцевал штаб-трубач с серебряной трубой за спиною.

Подъезжая к деревне, командир полка Николай Николаевич Криворучко подал команду:

— Запевала, песни играть!

Над степью пронеслась старинная казачья песня «По Дону гуляет казак молодой».

Прислушавшись, Григорий Иванович спросил трубача:

— Кто запевала? Узнай и приведи ко мне.

В знойном воздухе с криком носились ласточки. Босоногие мальчишки выбегали на улицу. Перегоняя друг друга, восторженно кричали: «Котовцы едут!»

Тем временем штаб-трубач бесцеремонно тащил меня в сад, где расположился на отдых Котовский.

— Вот, батько, привел по вашему приказанию певца из третьего эскадрона,— сказал он, подводя меня к Котовскому.

Покончив с ужином, Григорий Иванович пристально посмотрел на меня и, слегка заикаясь, сказал:

— Слышал, слышал, гарно спиваешь. Как фамилия?

Я — в то время безусый паренек,— разумеется, очень смутился. Но ответил четко, по-военному:

— Панченко Владимир, товарищ комбриг!

Владимир Панченко — боец конницы Котовского.

— Ну, садитесь,— обращаясь ко мне почему-то уже на «вы», произнес Котовский,— будем чаевать.

В это время вместе с начальником штаба бригады К. Ф. Юцевичем в саду появились и другие командиры: Криворучко, Волосатов.

Радушно встретив их, Котовский сказал:

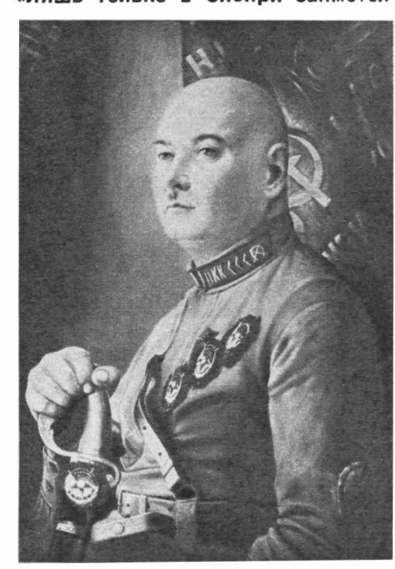
— Сейчас мы вам концерт устроим. Ну-ка, флейту!

В вечерней тишине далеко-далеко разнеслись звуки чудесной молдавской дойны. Я впервые услышал дойну. Как зачарованный, глядел я на флейту, такую маленькую в могучих руках Григория Ивановича. Слушал и дивился, как хорошо играет Котовский. В темноте сверкали огоньки цигарок. Свежий ветерок колыхал ветви сирени; в саду становилось прохладнее.

Но вот затихла флейта...

— Люблю хорошую песню! — заговорил Котовский.— В Нерчинске, на каторге, в тринадцатом году много пели, бывало... Любимой у нас, политкаторжан, была тогда песня «Лишь только в Сибири займется заря...». И запевала у нас был молодой, горячий, как ты...

Он поднес к губам флейту и снова заиграл. Я хорошо знал эту песню, ее пели в нашем эскадроне. И вот, вторя флейте, я запел: «Лишь только в Сибири займется

Г. И. Котовский.

заря — и в деревне народ пробуждается...» Перестав играть, неожиданно громко запел и Григорий Иванович. Я пел уже во весь голос, и казалось мне, что со мною и Котовским вместе поют все бойцы, подошедшие к своему командиру, поет весь сад...

Угасли последние слова песни. Над деревьями поднялась луна; издалека доносился лай собак. Немного помолчав, Григорий Иванович с грустью сказал:

— Скоро у нас в Ганчештах созреет виноград. Молодое вино начнут давить. Вот будем в Бессарабии—услышите, как у нас поют!

Пожелав всем нам доброй ночи, Котовский встал и направился к хате. Проходя мимо меня, он остановился и сказал:

— Учиться бы тебе нужно петь: голос хороший. Вот придет время— отвезу тебя в консерваторию.

Слова Григория Ивановича меня взволновали. Учиться!.. О, как мне захотелось учиться!

...В Киевской консерватории профессор пения сыграл на рояле арпеджио и предложил мне спеть. Я растерялся. Петь мне доводилось под балалайку, в лучшем случае — под гармонь, а тут—под рояль! От волнения даже в горле пересохло... Но Котовский, присутствовавший на экзамене, пришел на выручку.

— Принесите флейту,— сказал он,— сейчас мы вам споем нашу песню.

Присутствующие с недоумением посмотрели на нас.

Когда Котовский поднес флейту к губам и заиграл, мое смущение прошло. Во весь голос я запел любимую: «Лишь только в Сибири займется заря...» Экзамен выдержал!

Потом сели на коней и шагом поехали по городу.

— Все у тебя впереди теперь. Дорога ясна. Учись, Володя,— мягко сказал Григорий Иванович и перевел коня на рысь.

Так из бойца-кавалериста я стал студентом консерватории.

...Однажды в общежитие ко мне приехали котовцы К. Ф. Юцевич и Н. Н. Криворучко. Они послушали песни, а потом один из них принес мешок.

— Цэ от самого Котовского «иждивение». Налягай на сало, краще спивать будешь, мабуть, у тэбэ нэ густо.

Я был растроган до глубины души, так мне стало радостно, что Григорий Иванович меня не забыл...

ДАЛЕКОЕ-БЛИЗКОЕ

ЕГО РАБОТЫ ЗНАЛ ЛЕНИН

В своем гениальном труде «Развитие капитализма в России» Владимир Ильич использовал материалы, собранные уездным земским врачом Леонидом Ивановичем Воиновым. Приводя данные из отчета Воинова о санитарном состоянии вверенного ему медицинского участка, Ленин доказывал, что в России втянута в промышленность уже и та часть населения, которая не работает непосредственно на фабриках.

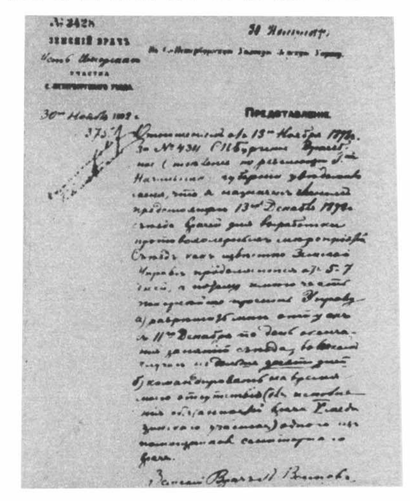
О многообразной плодотворной деятельности Л. И. Воинова и его заслугах в хирургии, терапии, микробиологии рассказывают документы, недавно обнаруженные в Историческом архиве Ленинградской области.

Леонид Иванович родился в апреле 1853 года в Петербурге. Рано лишившись отца, который погиб во время холерной эпидемии, он был отдан на воспитание в школу-пансион при Гатчинском сиротском институте.

В 1878 году Воинов с отличием окончил Петербургскую медико-хирургическую академию и был зачислен младшим ординатором временного Кавказского военного госпиталя, а с 1880 года началась его многолетняя работа в качестве уездного врача Усть-Ижорского участка.

В 1886 году доктора Воинова командировали в Париж. Там у Луи Пастера он изучал метод лечения от бешенства. И по возвращении одним из первых в России вместе с врачом Гамалея применяет этот метод.

Самоотверженно, не жалея сил, боролся Л. И. Воинов со вспышками эпидемии на своем участке. Крестьяне не раз благодарили его на сходках за бескорыстную и безотказную помощь народу.

ЗЕМСКІЙ ВРАЧЪ

участка

ПРЕДСТАВЛЕНІЕ

Обращение Л. И. Воинова в земскую управу.

Общественник по натуре, Леонид Иванович поддерживал все прогрессивное. Семнадцать лет он бесплатно вел наблюдения на метеорологической станции в Усть-Ижоре.

Опасаясь, что потомки забудут заслуги врачей — его современников, Воинов написал «Очерк двадцатилетней деятельности врачей выпуска 1878 г. Медико-хирургической академии». О сорока мужественных, самоотверженных людях — своих однокашниках, в числе которых был и знаменитый невропатолог В. М. Бехтерев, рассказал Леонид Иванович. Опасения Воинова о том, что врачи, много сделавшие для науки, будут забыты в царской России, к сожалению, оправдались. Забытым оказался и сам Леонид Иванович. Когда 26 августа 1905 года он умер от заражения крови, смерть его даже не была отмечена некрологом.

О. МАЛИНИНА

Руководитель «Иностранной коллегии»

Есть в Москве большая фабрика детской одежды имени Смирнова.

В Одессе одна из оживленных приморских улиц носит имя Ласточкина.

По всей Украине известна Киевская швейная фабрика имени Смирнова-Ласточкина.

Память о героическом сыне рабочего класса Иване Федоровиче Смирнове живет в разных городах нашей Родины. Недавно исполнилось семьдесят пять лет со дня его рождения. Как удалось установить по архивным данным, Иван Федорович родился в Москве 3/15 января 1885 года. Был питомцем воспитательного дома. С десяти лет пошел он в учение к кустарю-портному. Юношей сражался в рядах дружинников на баррикадах Красной Пресни, а в 1906 году вступил в большевистскую партию.

Спасая от преследования полиции члена правления Московского профсоюза швейников В. А. Трушечкина, Иван Федорович Смирнов отдал ему свой паспорт и начал полную скитаний и невзгод жизнь профессионального революционера. Он работал в большевистском подполье Поволжья, Ростова-на-Дону, Украины.

В 1913 году И. Ф. Смирнов был трижды арестован царской полицией в Киеве, а в начале первой мировой войны выслан из Харькова в Сибирь.

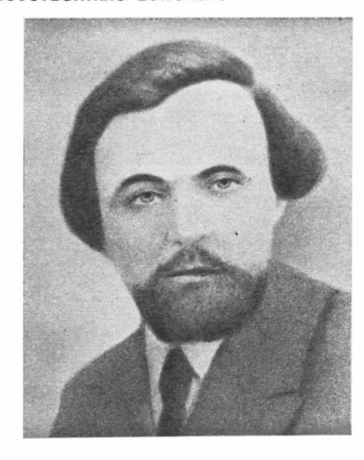
Только после Февральской революции, по возвращении из енисейской ссылки, И. Ф. Смирнову удалось возобновить партийную работу в Киеве.

Когда немцы оккупировали Украину в 1918 году, И. Ф. Смирнов был одним из вожаков харьковского большевистского подполья.

Высшим революционным подвигом Ивана Федоровича стала его самоотверженная работа на юге Украины.

«В Одессе обком партии, которым руководил мужественный большевик И. Смирнов (подпольная кличка Николай Ласточкин), создал «Иностранную коллегию» для ведения агитационной работы среди солдат-интервентов»,— читаем мы в «Истории Коммунистической партии Советского Союза».

Усилия одесских подпольщиков высоко оценил Владимир Ильич Ленин: «Путем агитации и пропаганды мы отняли у Антанты ее собственные войска».

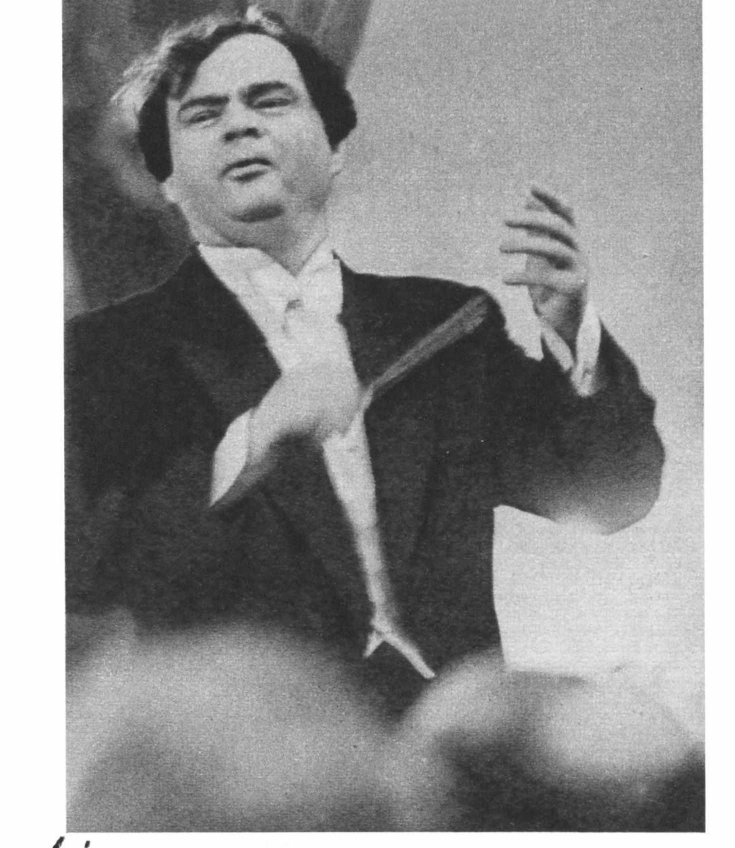

И. Ф. Смирнов-Ласточкин в одесском подполье.

Накануне бегства интервентов из Одессы вражеской контрразведке удалось арестовать И. Ф. Смирнова-Ласточкина. Палачи утопили его за одесским волнорезом. Тело народного героя, извлеченное со дна моря, проводили в последний путь рабочие Киева 22 апреля 1919 года.

С. ГЕРЦМАН,
кандидат исторических наук

Константин Иванов. **Первая симфония Чайковского.**

Фото И. ТУНКЕЛЯ.

Музы

Кирилл Кондрашин. Второй концерт для фортепьяно с оркестром Чайковского.

С большим успехом проходят в США гастроли Государственного симфонического оркестра Союза ССР. Слушатели восторженно приветствуют дирижеров: главного дирижера оркестра народного артиста Союза ССР К. Иванова, заслуженного артиста РСФСР К. Кондрашина,— рукоплещут солистам: народному артисту СССР Э. Гилельсу, лауреату международного конкурса скрипачей и пианистов имени П. И. Чайковского В. Климову, заслуженному артисту РСФСР Д. Шафрану.

Перед отъездом оркестр дал несколько концертов в Москве, в Большом зале консерватории. Наш фотокорреспондент побывал на этих концертах.

Играет Эмиль Гилельс.

ВСТРЕЧИ НА ЛЫЖНЕ

В. ВИКТОРОВ

Фото В. Володкина, Б. Светланова.

Как готовятся лыжники СССР к VIII Олимпийским играм? Каковы их планы и намерения? Чтобы узнать об этом, мы поехали на первые же крупные соревнования сезона в Свердловске, на Уктусских горах.

Владимир Меланин — представитель нового вида лыжного спорта — биатлона. Современное лыжное двоеборье родилось два года назад. Биатлон — скоростная гонка на 20 километров со стрельбой на четырех рубежах. Зимой 1959 года команда СССР, выступая на чемпионате мира в Италии, завоевала там первое место. А теперь биатлон вошел и в программу Олимпийских игр.

— Судя по результатам прошлогоднего чемпионата,— высказал свое мнение чемпион мира Владимир Меланин,— на «белой олимпиаде» золотые медали у нас будут оспаривать прежде всего шведы, норвежцы и финны. Это серьезные соперники, и нам надо быть во всеоружии.

В биатлоне это фигуральное выражение имеет совершенно прямой смысл: лыжникам надо быть действительно во всеоружии, ведь они ведут гонку с винтовкой за спиной. Кто же из советских спортсменов особенно успешно стреляет?

Меланин прежде всего отмечает успех Дмитрия Соколова, завоевавшего в Свердловске первое место. Сам Меланин показал на дистанции гонки второй результат, но стрелял неудачно.

— Ничего,— говорит Меланин,— у нас у всех есть еще время, чтобы набить руку.

С Павлом Колчиным — лидером сборной команды СССР — я встретился в тот день, когда он должен был в гонке на 15 километров уступить первое место малоизвестному лыжнику Павлу Морщинину. Но когда я попросил Колчина поделиться с читателями «Огонька» его мыслями о предстоящем сезоне, спортсмен заговорил не о результатах только что закончившихся гонок на Уктусских горах, а о предстоящей борьбе в горах Сьерра-Невады.

— Понимаете, в чем опасность Скво Вэлли? — сказал Колчин. — В капризах погоды. В Америке нас всех может победить оттепель. Прошлой зимой мы провели в горах Сьерра-Невады шестнадцать дней, и за это время погода много раз резко менялась. Ночью обычно подмораживает, а к девяти утра отпускает, и термометр поднимается на много градусов выше нуля. Поэтому старты нам предстоят ранним утром. К тому же дает себя знать двухкилометровая высота. Пока испытали это только я и Николай Аникин. Мы выступали в Скво Вэлли на открытом первенстве Америки и убедились, как трудно найти нужную мазь в «нулевые» погоды. Как известно, при оттепели искусство смазки лыж особенно усложнено. А ведь многие наши спортсмены не умеют пользоваться жидкими мазями.

Как тщательно ни готовился я к первой гонке на 30 километров, а смог занять только девятое место. Лишь на дистанции 15 километров мне удалось завоевать первенство. Но чувство тревоги после этой победы у меня все равно осталось, и я считаю, что лучше будет его не скрывать. Я предупредил всех моих товарищей о том, чтобы они учились смазывать лыжи на оттепель. Особенно это необходимо нашей молодежи, не имеющей еще опыта международных встреч. Их, я надеюсь, будет немало в сборной команде СССР. Взять хотя бы моего тезку и счастливого соперника Павла Морщинина. Он хорошо начинает олимпийский сезон. Но пусть не забывает, что надо уметь бежать быстро не только по уральскому морозцу, но и по калифорнийской оттепели...

Спустя две недели после нашей беседы Колчин доказал, что сам он умеет преодолевать коварство мокрого снега: в гонках под Москвой, проходивших при одном градусе тепла, Колчин закончил дистанцию с лучшим временем дня.

На трассе мужской гонки мы встретили двух сильнейших лыжниц страны: Радью Ерошину, выигравшую в этот день гонку на 5 километров, и Алевтину Колчину. Алевтина в это время увидела на лыжне своего мужа и приготовилась снимать его на кинопленку. Мне вспомнились другие соревнования, в окрестностях финского города Лахти. Гонка женщин на дистанции 10 километров проходила в условиях сильной оттепели, и Павел с волнением ждал появления Алевтины: ее лыжи он тщательно смазал перед стартом. Тогда Алевтина Колчина с успехом закончила дистанцию и завоевала золотую медаль чемпионки мира.

А вот и Николай Аникин, попутчик Павла Колчина по поездке в Скво Вэлли прошедшей зимой. В 1959 году Аникин был признан вторым по силе лыжником страны. Этот очень техничный и умный гонщик, обладающий высокой скоростью, часто оказывался не в лучшей форме к моменту самых ответственных соревнований. О причине этого я и спросил Николая Аникина.

— Я много думал об этом,— сказал он,— и пришел к выводу, что мы перебарщиваем с тренировками. Готовясь к сезону и стараясь поскорее войти в форму, мы часто выматываемся уже к середине зимы. Особенно для меня была обидной неожиданная утра-

та спортивной формы на мировом чемпионате 1958 года. Этой зимой я решил не торопиться в начале сезона, но, увы,— добавляет, улыбаясь, Аникин,— своего намерения выполнить не смог: я был первым на дистанции 40 километров.

С этим вопросом я столкнулся, беседуя с другим нашим известным гонщиком, экс-чемпионом мира Владимиром Кузиным. Вся история Кузина подтверждает мысли, высказанные Аникиным. Ведь не кто иной, как Владимир Кузин на свердловской лыжне в 1954 году победил сильнейшего гонщика Финляндии Хакулинена, а затем на чемпионате мира в Фалуне завоевал две золотые медали. Но вскоре после

этого Владимир Кузин утратил былую силу. И сам Кузин находит этому объяснение в одном: в том, что он слишком форсировал события в начале сезона.

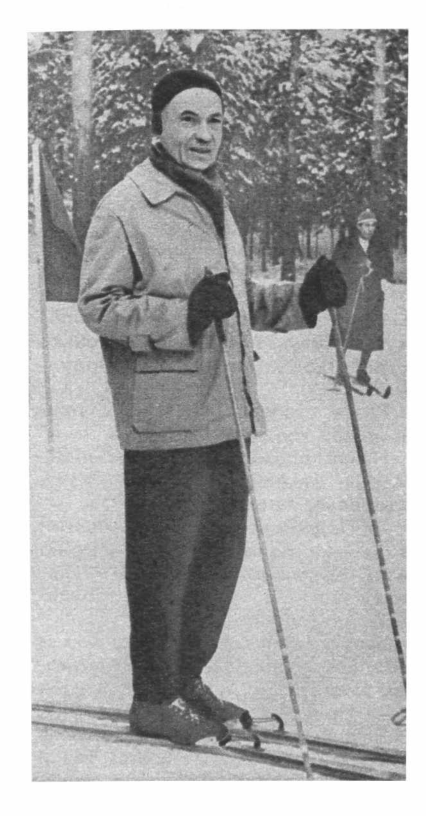
— Нынешней зимой,— сказал мне Кузин,— я решил начинать поспокойней и стал на лыжи позже, чем обычно, на двадцать дней. Хочу постепенно войти в форму с тем, чтобы оказаться во всеоружии к моменту решающих встреч.

С этим согласен и восьмикратный чемпион СССР, ныне известный тренер Василий Павлович Смирнов (слева).

На уральской лыжне встретился я и с Дмитрием Максимовичем Васильевым, чье имя неразрывно связано с Уктусскими горами. Двенадцать раз Васильев выигрывал первенство страны, а теперь он передает свой опыт молодым гонщикам.

— Кто из наших лыжников имеет наибольшие шансы на успех нынешней зимой? — спросил я Дмитрия Максимовича, и он, задумавшись надолго, в конце концов ответил:

— Я считаю, что нашим лидером по-прежнему является Павел Колчин. Он не знает срывов и всегда готов к самой трудной борьбе. Вот и в Свердловске об этом говорят его результаты: второе место на 15 километров и третье место на 40 километров. Большие надежды можно возлагать на

Анатолия Шелюхина и Сергея Кондакова. Многое обещает Николай Аникин, ну и, наконец, нельзя скидывать со счетов молодых лыжников: Владимира Мариничева, Павла Морщинина, Геннадия Ваганова и Ивана Утробина. В этом сезоне они не раз должны обрадовать нас.

Героем Уктусских гор оказался, как уже сказано, Павел Морщинин. Он рассказал:

— В 1953 году я стал студентом Ленинградского педагогического института имени Герцена, а в 1957 году получил диплом преподавателя и показал свой наилучший результат на лыжне: я занял второе место, после Павла Колчина, на дистанции 15 километров в первенстве СССР. Нынешней зимой я попал в сборную команду страны.

Мы завершаем наш рассказ о сильнейших лыжниках страны беседой с Анатолием Шелюхиным.

Он не подведет — в этом убеждены все его товарищи. И оснований для такого мнения вполне достаточно. Лыжник из Костромы Анатолий Шелюхин за последние два года неизменно завоевывает золотые медали на чемпионатах страны. Успешно выступает он и в нынешнем сезоне.

САЛЮТ НА СТАДИОНЕ

Когда подлетаешь к Алма-Ате, то с высоты шести тысяч метров кажется, будто кто-то рассыпал на огромной равнине черные точки домиков, образовавшие удивительно строгие квадраты — кварталы. Южнее тянется сверкающий в ослепительных лучах солнца заснеженный хребет Заилийского Ала-Тау. И все же этот город не назовешь горным.

В парке имени Горького в окружении вековых деревьев вырос стадион «Спартак». Летом тут бушевали футбольные страсти, а зимой поле превращалось в небольшой каток с единственной в городе конькобежной дорожкой.

Спартаковский каток относился к равнинным каткам.

Три года назад наши скороходы показывали здесь отличные «секунды» и били высшие мировые достижения. Однако вспомнили, что стадион-то находится на высоте 798 метров над уровнем моря и не может идти в сравнение с катками Москвы, Свердловска или Осло. Тогда алма-атинский городской каток был вычеркнут из категории равнинных.

И все же это не высокогорье. Вода для заливки берется из обычного водопровода, а не из чистой горной речки. Воздух, конечно, не так разрежен, как в Медео, расположенном в горах Заилийского Ала-Тау на высоте 1700 метров, или Мизурино (Италия), находящемся примерно на такой же высоте, или Скво Вэлли (1889 метров).

Поэтому когда в начале января здесь состоялись товарищеские соревнования и олимпийский чемпион Е. Гришин повторил свой мировой рекорд на 500 метров (40,3 сек.), установленный четыре года назад в Мизурино, то даже судейская коллегия была ошеломлена. Бросились промерять дорожку: не короче ли она нормы? Измерили придирчиво и облегченно вздохнули: нет, даже на 4 сантиметра длиннее.

Вот на этом алма-атинском катке, не принятом ни в разряд «высокогорных», ни в разряд «равнинных», в минувшие воскресенье и понедельник и было разыграно личное первенство страны для мужчин.

Сильная оттепель, совсем некстати нагрянувшая в Алма-Ату, несколько спутала карты. Однако большинство ведущих конькобежцев добилось хороших результатов.

Достаточно сказать, что 6 скороходов набрали по сумме многоборья менее 190 очков (рубеж высшего международного класса). Таких результатов никогда не было ни на одном национальном или европейском чемпионате (даже на высокогорных катках). С великолепной суммой очков — 186,246 — закончил состязание Борис Стенин. Он стал абсолютным чемпионом СССР. С таким итогом не выигрывалось еще ни одно первенство мира.

После первого дня соревнований стало ясно, что никому из прошлогодних призеров не удастся взойти на пьедестал почета. Абсолютный чемпион страны прошлого года Р. Меркулов в итоге двух дистанций шел лишь на одиннадцатом месте. Он мог бы поправить свои дела на другой день, но на «полуторке» в пылу борьбы, видимо, потеряв управление над собою, проскочил переход с внешней на внутреннюю дорожку и прошел лишнее расстояние, потеряв на этом по крайней мере полторы секунды.

Обладатель серебряной медали, полученной в Вологде, В. Будин упал во время бега на 5 тысяч метров. Более опытный горьковчанин Ю. Кислов оказался не в ладах с длинными дистанциями.

Ясно стало, что судьба Большой золотой медали будет решаться в поединке Олега Гончаренко (Москва) и свердловчанина Бориса Стенина, который никогда еще до этого не получал ни одной награды на чемпионатах страны.

Борис Стенин — абсолютный чемпион Советского Союза по скоростному бегу на коньках.

Фото А. Бочинина.

Уверенно шел Борис к победе. После бега на 500 метров он стоял на самой нижней ступеньке пьедестала почета вместе с Г. Ворониным и В. Никифоровым.

Когда же подвели итоги состязаний на 5 тысяч метров, то Стенин уже единолично владел той же ступенькой с цифрой «3». После следующего бега он взошел на вторую ступеньку. Осталась последняя дистанция — 10 тысяч метров. Она проходит в борьбе. Но после окончания бега Борис Стенин всходит на высшую, первую ступень пьедестала: он новый абсолютный чемпион СССР.

И тут, может быть, впервые на стадионе за время соревнований конькобежцев прозвучал салют, не предусмотренный никакими порядками церемониала. Это известный в прошлом спортсмен стартер нынешних соревнований Е. Найдин дал трехкратный залп из пистолета в честь победы своего земляка.

Многоборцы бывают разные: одни со спринтерским уклоном, другие — со стайерским. Трудно сказать, какой из них лучше. В лице нового чемпиона мы получили многоборца почти идеального типа, какими были, на мой взгляд, в свои лучшие годы Д. Сакуненко и Б. Шилков.

Если раньше Стенин имел явно спринтерский уклон, то теперь он немногим уступает нашим лучшим стайерам (третье место на 5 тысяч метров и шестое место — на 10 тысяч метров).

Радостно, что после прошлогодних неудач снова входят в свою спортивную форму О. Гончаренко и В. Шилыковский. А особенно приятно отметить успехи молодых: В. Косичкина, который стал чемпионом страны в беге на длинные дистанции, В. Гурова, занявшего общее третье место, и совсем молодого В. Котова.

Алма-Ата выдала скороходам визу в Осло, где в ближайшую субботу начнется чемпионат Европы, в Давос (Швейцария), где 6—7 февраля будет разыгрывано мировое первенство, и, наконец, на Олимпийские игры в Скво Вэлли.

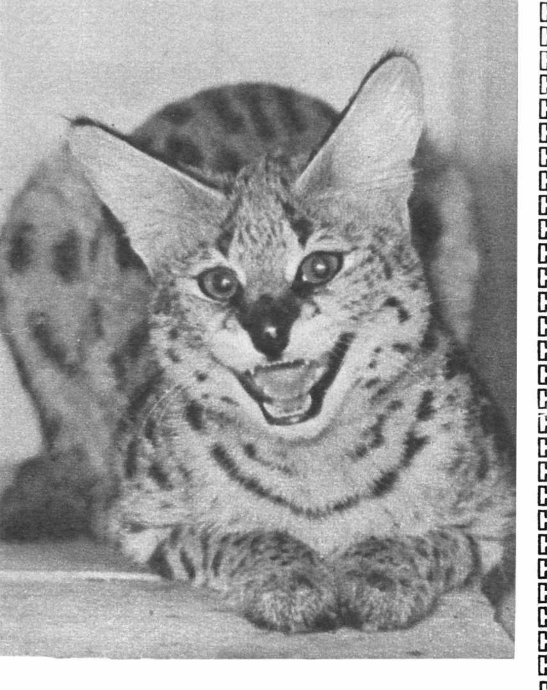
Хочется надеяться, что наши конькобежцы проведут эти ответственные соревнования лучше, чем в прошлом году.

Ник. КИСЕЛЕВ

Виктор Косичкин на дистанции.

Фото А. Батанова.

НОВОСЕЛЫ ЗООПАРКА

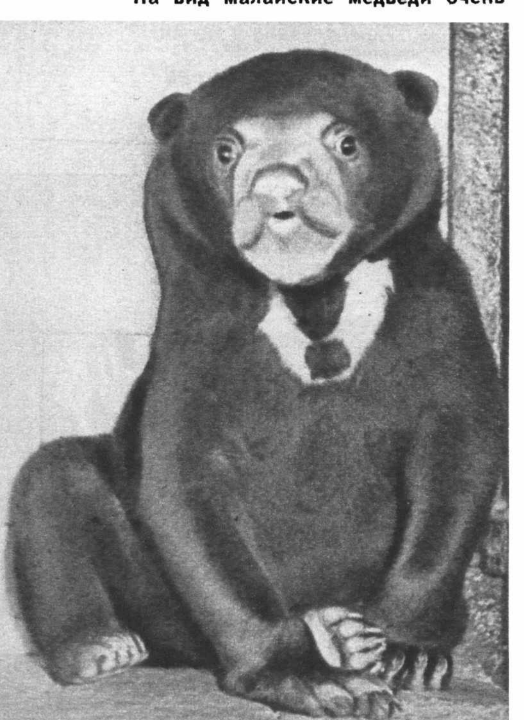
Постоянно пополняется коллекция Московского зоопарка. Познакомимся с нашими новоселами.

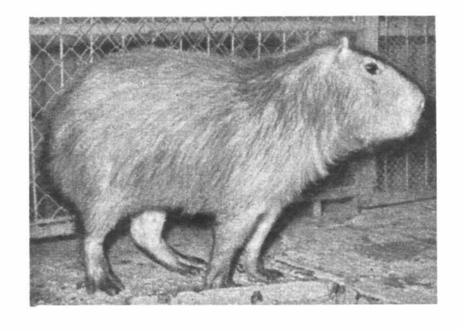
Грациозные пятнистые сервалы — уроженцы Африки. Эти ловкие и осторожные звери ведут на свободе такой скрытый образ жизни, что многое о них еще не известно. Днем сервалы отлеживаются в глухих зарослях, в расщелинах скал или в пещерах, а с наступлением темноты отправляются на охоту. Грызуны, птицы и даже мелкие антилопы становятся добычей хищника. Если их поймать не удается, сервал бесшумно подбирается к жилью человека, и горе тогда ягнятам, козлятам, домашней птице. Чаще всего сервал скрывается с добычей. Но если зверь угодит в ловушку, то сам становится лакомым блюдом местных жителей. В некоторых зарубежных зоопарках сервалы размножаются. Котята, воспитанные человеком, бывают ручными и привыкают к своему хозяину, как обычные кошки. Но посторонних эти маленькие хищники не переносят и больно царапаются.

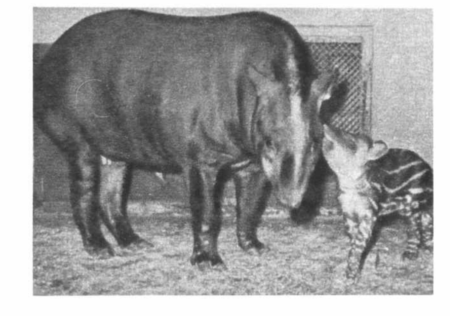
* * *

Зоопарку удалось собрать почти всех зверей из семейства медведей. Это белые медведи, черный губач из Индии, очковые медведи из Южной Америки, черные гималайские с белыми нагрудниками, барибалы, обыкновенные бурые мишки. Наконец, прилетели на самолете те, кого нам не хватало,— малайские. В Москве было холодно, и на аэродроме наши сотрудники встречали гостей с одеялами и телогрейками. «Малайцы» хорошо перенесли далекое путешествие.

Шерсть у них короткая, бархатистая, лапы большие, с длинными и острыми когтями, глаза маленькие, уши короткие. Эти четвероногие отлично лазают по деревьям. На вид малайские медведи очень

добродушны, но они могут внезапно броситься и острыми когтями и зубами причинить тяжелые ранения. Ох, эти зубы! Если в клетке есть что-либо деревянное — скамейка, шест, полка,— все это моментально превратится в щепки.

* * *

Получили мы впервые и огромного грызуна под названием капибара, а проще говоря, водосвинку. Взвесили — 45 килограммов. Кажется, водосвинка неуклюжа. Но попробуйте войти в клетку и потревожить ее! Она смело бросается на человека и может вонзить свои резцы. Родина водосвинок — Южная Америка. Вода — их родная стихия, они отлично плавают и ныряют. Питаются звери самой разнообразной растительной пищей. Любопытно, что молодые водосвинки хорошо приручаются; известны случаи, когда они жили в домах и ходили за своими хозяевами, как собаки.

* * *

А вот еще один новый житель зоопарка — тапирчик. Он родился поздней осенью. Мать его имеет однотонную темно-бурую окраску, а детеныш полосатый. Эти полоски пропадут у тапира, когда ему будет больше года. Полосатая окраска помогает тапирятам маскироваться в густых зарослях.

Тапиры живут в Южной и Центральной Америке, на Малайском полуострове и на острове Суматра. По ряду внешних признаков и анатомическому строению они напоминают далеких предков современных копытных животных. Поэтому тапиров нередко называют «живыми ископаемыми».

И. СОСНОВСКИЙ,
директор Московского зоопарка
Фото А. Анжанова.

Творческие терзания

Ол. КОВИНЬКА

Рисунок Б. Жутовского.

Хочу я с вами поделиться своими творческими дерзаниями и терзаниями. Приехал в колхоз. Ну, мне и советуют: выбирайте, куда вам лучше направиться — на фермы или к механизаторам? А я ударился в природу: пристройте, мол, меня в места с природной красотой. Чтоб и хата была расписная и уютная. Чтоб и кудрявый сад, чтоб и глубокий ставок.

— Пожалуйста, — говорят,— есть такая хата. Есть и садок, есть и ставок. А хозяйка какая гостеприимная! И какая разговорчивая! И какая заботливая! Пылинка на вас не упадет!

Иду и подскакиваю. Уютное отдельное жилье! Запрусь и спокойно стану работать.

Вошел в хату, поздоровался.

— Может, вы с дороги отдохнете? — вежливо предложила хозяйка. — Умывайтесь, а я вам постель приготовлю.

Умылся и плюхнулся в чистую постель. Лег, начал дремать, а симпатичная хозяйка и переспрашивает:

— Может, вам в головах низковато?

— Вроде, — отвечаю,— ничего.

— Не говорите такое, вижу, что низко. Давайте я вам вот эту пухленькую подложу.

Заботливая хозяйка здоровенную пуховую подушку водрузила. Положил я голову и завертелся: высоко! Мария Ивановна — так звали хозяйку — сразу заметила.

— Правда ваша, высоко! Вот я вам поменьше подушечку подложу.

Возня с подушками закончилась не скоро. Мария Ивановна вышла во двор и громко, радостно оповестила:

— У меня! Ей-богу, у меня остановился! Уже лег, уже дремлет. Приходите!

Вслед за этим вошла в хату и спросила:

— А может, вам подушечку и в бока положить? Давайте положу! Я знаю, постелешь мягонько и работаешь ладненько. Поднимитесь!

Разве станешь возражать приветливой хозяйке! Поднялся.

Начал дремать, стал засыпать, Мария Ивановна, дай ей боже здоровья, предупреждает:

— Подождите, не засыпайте! Я возьму полотенчико и выгоню мух. Вы только поглядите: на богородице — и на той, распроклятые, наследили!

Выгнала Мария Ивановна мух и вышла во двор. Переждав немного, входит:

— Простите! Ну, прибегают, ну, спрашивают: будете вы картины рисовать или книги писать? Так я за этими бала-ла, бала-ла и забыла: выключить ли вам радио или пусть поет?

— Не возражаю — выключите.

Прошла минута, а может, две, а возможно, и все пять.

— А может быть, пусть поет? И хорошую же песню передают: «Ой, у лузі та ще й при березі».

— Пусть, — говорю, — поет.

Сколько пело радио, не припомню, в сон здорово ударило. Разбудило легкое тормошение. Будила Мария Ивановна.

— Стояла я у порога и подумала: человек с дороги, умаялся... А сон все-таки сон! Пожалуй, я выключу радио.

Выключила Мария Ивановна радио и быстренько выскочила из хаты: чего-то куры закричали. Вбегает.

— Ой, горюшко! Взбесилась наседка — на петуха села! Чтоб она в борще кипела! Забила и забила мне голову, и я только что разглядела: ставни не закрыты. Как вам лучше, закрыть или пусть светло будет?

Закрыла Мария Ивановна ставни, через минуту — другую — стук-стук-стук.

— Вы спите или не спите? Вы как скажете: отвязать щенка или пускай на цепи сидит? А то он, извините, воет и воет. Будто нанялся! Гав и гав над душой. С ума сойти!

Наступила тишина, но ненадолго. Разговорчивая Мария Ивановна окликнула еще более разговорчивую куму.

— Кума! Бежите вы, словно вам кто в шею дал! Заходите!

— Здрасте, вам ко мне ближе.

— Здрасте! Садитесь!

— Сажусь! Звали?

— Звала! Слышали? Приехал!

— Говорите скорее, кто приехал!

— Описыватель природы.

— Да неужели? Как же ему, голубчику, подсказать, как же ему, родненькому, шепнуть: пускай опишет нашу природу.

— Какую нашу природу?

— Или вы, кума, не на нашей улице живете? Нагнитесь, я вам

на ухо шепну. Только, кума, боже вас упаси, никому ни слова.

— Да что вы, кума! Я такая — и рта не раскрою. Шепчите!

Шептала кума, даже на соседней улице было слышно.

— Вчера гляжу, Одарка моими огородами бежит. «Куда ты, — спрашиваю, — Одарка, так поздно бежишь?» «Бегу, — говорит, — поглядеть, не срывает ли кто моих огурчиков?» Кому ты, думаю, глаза замазываешь? Кого учишь? Знаем, какой ты огурчик ищешь!

— А кого же она искала?

— Кого? Федора! Тракториста Федьку Пивненко.

— Эту историю, кума, я от вас третьей слышу. Может, они и поженятся?

— Поженятся или не поженятся, а описать надо. Пускай ночью не блуждают. Пускай мою капусту не топчут, пусть мою картошку не топчут. Я и в колхоз на работу не ходила, все садила, все ухаживала. Нагнитесь еще, кума!

Мария Ивановна, очевидно, нагнулась.

А издалека их было двое. Разве я слепая? Вот и говорю вам: черти есть! Добежала. «Григорий Петрович! — кричу. — Драсте! Чего вас носит в такую рань? Или на собранье где долго были?» «Ходил, — говорит, — по росе рыбу ловить. Я, — говорит, — любитель удочкой поудить». И смеется. Думает, что я уже такая дурочка, ничего и не понимаю. «Ну и что, — спрашиваю, — поймали хоть одну щуку?» Показывает одного карася и две щучки. Он показывает, а я себе на уме: показывай, болтай, знаю, какую ты щуку в моей ржи ловил. Подошла и говорю: «Григорий Петрович! Пускай я уже такая-сякая... виндивидулистка! А почему же вы мою доченьку, мою Олимпиаду, обижаете? Приходит нынче девушка домой, упала и горькими слезами умылась — шесть трудодней записали. Галке — четыреста! Наталке — шестьсот двадцать! Острой на язык Варьке даже восемьсот тридцать! А моему ребенку шесть трудодней капнули! Как на смех!

— Слышите, говорили, чертей нет. А они объявились!

— Где? Господь с вами!

— Да где же, у меня во ржи! Посеяла я рожь, полоса от хаты до верб тянется. Глядишь, мешка четыре и будет в запасе. Когда там в колхозе будут давать, а то свое. Правда, кума, и то, что как поедешь на базар, так и нет трудодня! Родный кум Петро сидит в правлении и совесть потерял. Я его спрашиваю: «Выбегала я на свеклу? Выбегала! Дважды выбегала и на кукурузу! Так что у вас, — говорю, — кум, рука отсохнет, если вы добавите куме деньков сорок — пятьдесят? Они ведь не ваши, они же колхозные!» Молчит, не добавляет. И еще упрекает: «Виндивидулистка! Стадо какое дома у себя развела!» У меня, правда, и корова хорошая, и телушка в добром теле, и теленок подходященький, и свинка есть. «Лихорадка, — говорю, — вам в пуп! Попробуйте управиться!» Так вот, повела я корову пасти, глянь, моя рожь шевелится, моя рожь шатается! Кого это, думаю, черти в моей ржи водят? Вижу, двое во ржи: один в черной кепке, другой в белом платке. Скорей привязала корову и тропинкой, тропинкой, коноплей, коноплей, свеклой, свеклой... Подбегаю — тю! — кого я вижу?

— Кого, кума, увидели? Говорите! Говорите, голубушка!

— Кого же — завфермой! Идет мокрый весь и один, как перст.

Григорий Петрович! Вы же на нашем краю живете, человек хороший, образованный... Лекции читаете: мол, молодым везде у нас дорога! А разве моя Олимпиада не молодежь? Молодая, красивая, чернявая... У нее же не десять рук! Надо и на ферме побывать, и на базаре кое-что продать, и скотину дома накормить. Пожалейте девушку, добавьте трудодней». Поглядел он на меня и говорит: «Ваша Олимпиада на ферме не работала, она мимо фермы на базар ходила. Пускай на базаре трудодни и начисляют». Ну, разве, кума, это не черт?..

Встал я, оделся и быстренько к дверям. Царапанье по ставням остановило.

Мария Ивановна в ставню скребла.

— Вы слышите или не слышите? Заболталась я тут с кумой и забыла спросить: будить ли вас, или вы будете еще отдыхать?

— Отдохнул, — говорю. — Пойду.

— Куда же вы пойдете?

— Пойду на фермы к дояркам. Пойду в поле к механизаторам. Буду работать. Буду о скромных и честных работниках очерк писать.

— А про нас? Нашу природу опишете? — поинтересовалась кума Мария Ивановна.

— Конечно, — говорю, — опишу!.. Напишу и про вашу природу!

Перевел с украинского
Е. ВЕСЕНИН.

Из зала суда

РЫЦАРИ КУХОННЫХ ТУРНИРОВ

Н. СВЕТЛОВА

Кирпичкин действует...
Фото Р. Лихач.

Свидетели явились в суд. Их много — четырнадцать человек, — и не впервые они приходят сюда. Рассматривается дело № 91—96 Кирпичкиной Д. Н., Кирпичкина А. В. и потерпевшей Воропаевой. Дело уже успело «обрасти» внушительным количеством документов — заявления, справки, выписки, доверенности, частные жалобы, определения городского суда, протоколы заседаний — и имеет свою большую историю. Его не раз откладывали: Кирпичкины не явились; Кирпичкины дают отвод судье; Кирпичкины требуют дополнительной экспертизы, новых документов, новых свидетелей... Кирпичкины снова дают отвод суду — теперь уже всем судьям района. В общем, Кирпичкины действуют испытанным методом сутяг. И каждый раз приходят свидетели и проводят несколько часов в суде, ожидая, явятся ли Кирпичкины, придут ли все свидетели, доверят ли наконец Кирпичкины новому составу суда.

И вот суд наконец состоялся.

...Меня поразил их спокойный, уверенный тон, умение задавать вопросы свидетелям, умение вовремя пустить слезу. Они не оправдываются, они обвиняют.

— Я вошел в кухню, там Воропаева. Вижу, горит мой свет. Я ее, конечно, спрашиваю, почему такое безобразие. Она говорит, случайно. Извинилась, правда. Но я-то знаю, что это не случайно. А еще был такой случай. Дочь Воропаевой протирала пол и переставила нашу обувь к самой двери. А еще было так: Воропаева окно закрыла в кухне...

Кто он, этот рыцарь кухонных турниров в коммунальных квартирах? Перед судом стоит молодой человек. Минувшим летом он работал в пионерском лагере педагогом отряда. Интересно, чему он учил ребят, какие черты старался привить им?

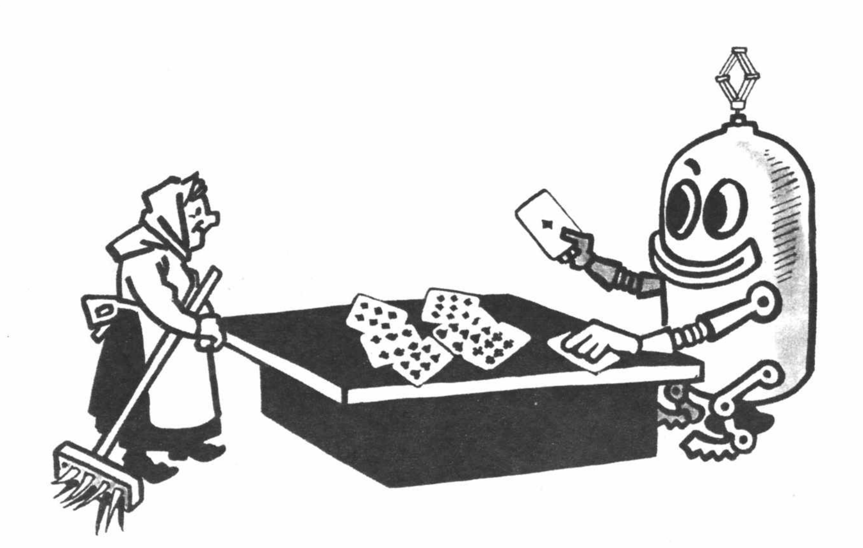
Сутяжничество стало профессией Кирпичкиных. Они уже дважды судились со своими соседями, которые занимали комнату до Воропаевых. Сначала общественный суд призвал их к порядку — не помогло. Народный суд присудил штраф 150 рублей — не образумило.

Соседи сбежали. Приехали другие — опять ссоры, склоки. Съехали, поменяли комнату и эти. В комнате поселилась Воропаева. И снова мелкие придирки, скандалы, клевета, звонки по телефону на работу, в партийную организацию, даже слежка на улице.

...Весь рабочий день заседал суд. Народный судья 9-го участка Дзержинского района Москвы Ф. Г. Сетунов, народные заседатели Н. Н. Никонова и В. С. Любимов терпеливо, внимательно вели дело. Но стоит ли само это дело того, чтобы им занималось такое число людей? Ведь, кроме судов, свидетелей, прокуроров, к разбору дрязг были привлечены партийная организация, райком партии.

— Не проходит месяца, — рассказывает тов. Сетунов, — чтоб участковый суд не рассматривал пять — шесть так называемых дел частного обвинения. А ведь каждое такое судебное разбирательство обходится государству в несколько тысяч рублей, между тем как суд может приговорить к штрафу не свыше трехсот рублей. Вот в какую копейку обходятся государству Кирпичкины!

Я убежден, что подобные квартирные дрязги с успехом может разобрать суд общественности, как это и предусматривается сейчас проектом положения о товарищеских судах. Он сумеет призвать виновных к порядку, наложить штраф, обяжет выполнить общественно полезные работы. Коллективу, где трудится или живет провинившийся, легче будет проследить за исполнением приговора.

«Думающая» машина после рабочего дня:
— Ждет твоего сына дальняя дорога в космос.

Рисунок В. Кащенко.

БЕЗ СЛОВ.
Рисунок Ю. Черепанова.

Два лицемера

Басня

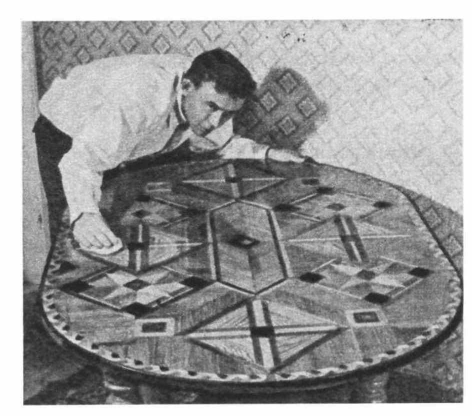
Даулен АЙТМУРАТОВ

На улице беседовали двое.
— В тебе, Нуржан, есть качество плохое:
Когда б я в дом твой ни зашел,
Ты все, что в доме есть, несешь на стол!
— В тебе, Кулман, похуже есть черты:
Когда я прихожу, от счастья млеешь ты!..
— Да, млею, друг! Ах, если б мне родиться
Таким, как ты, о светоч наших дней!
— Я? Светоч?! О Кулман! Мечтаю я сравниться
С достоинством ноги твоей!..
— На, погрызи сухарь. Тебя люблю я очень.
— Нет, нет, мой друг! Ты первый кушай!
Я угощу тебя сушеной грушей,
Доставь мне радость, съешь ее скорей!
— Уволь, Нуржан, уволь! Как этот плод ни сочен,
Он при тебе не может быть проглочен:
Из горла сам он выскочит, ей-ей!

Услышав излиянья эти,
Растроганно промолвил некто третий:
— Простите... Мне так мил ваш обоюдный пыл
И слушать вас настолько мне приятно,
Что выскочит сейчас обратно
Все, что с утра я проглотил!

Перевел с каракалпакского
В. КОРЧАГИН.

Стол-скатерть

Лев Андреевич Заломнов, московский связист, решил смастерить красивый стол. Еще работая на Кавказе, он заготовил брусочки коричневого ореха, светлого дуба, желтого тиса, красного дерева, каштана, бука. Целый год Лев Андреевич пилил, строгал, клеил. И вот наконец готов стол-скатерть, собранный из тысячи кусочков дерева.

— Задумал я сделать стол мира,— говорит Заломнов.— В центре круга хочу изобразить белого голубя, вокруг написать слово «мир» на разных языках, а по краю пустить широкий кант из флагов. Этот стол хорошо было бы собрать из пород деревьев, растущих не только у нас, но и в других странах.

Ф. КОРОТКЕВИЧ

Приятели отдыхают

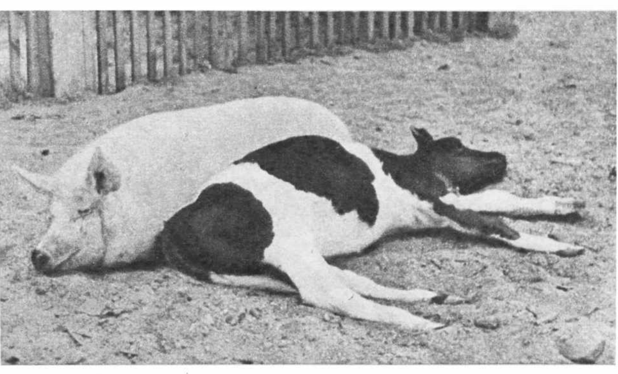

Фото С. Маракова.
Остров Беринга.

Акробатический прыжок

Мы охотились с флажками в Талдомском районе Подмосковья. На лесной опушке обнаружили свежий лисий след, который тянулся от поля вдоль рощи. Очевидно, рано утром лисица возвращалась с охоты. Пришлось пройти большое расстояние, прежде чем мы добрались до места ее отдыха. Это был островок среди болота, окруженный мелким густым ельником, преодолеть который без шума было невозможно. Там росло несколько деревьев.

Мы окружили островок флажками. Стрелки заняли свои места, а загонщик пошел по следу, чтобы спугнуть зверька. Мучительно долго тянулось время, зверька все не было.

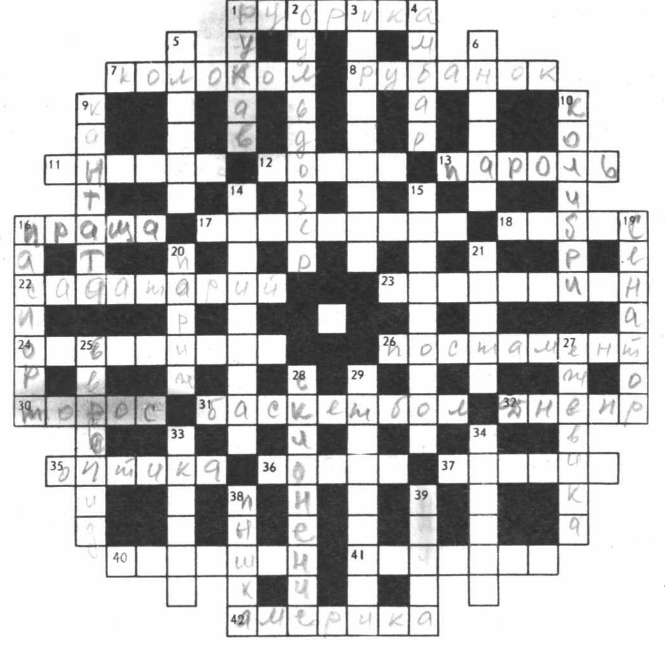
В чем дело? Куда девалась лисица?

Мы внимательно осмотрели границу флажков и нигде не обнаружили новых следов лисицы. Уже к концу дня случайно удалось разгадать уловку «сообразительного» зверька. Один из охотников заметил следы на пне, стоявшем у дерева с большим дуплом.

Лисица, видимо, не раз спасавшаяся в этом дупле от гончих, решила воспользоваться этим убежищем и сейчас. Прыжок с шестиметровой высоты она сделала в тот момент, когда мы подошли к дуплу. Прыгнула она через наши головы с такой смелостью, быстротой и неожиданностью, что никто не успел даже выстрелить. Лисица молниеносно скрылась в чаще.

Ф. СМИРНОВ

КРОССВОРД

По горизонтали:

1. Заголовок раздела. 7. Газета, издававшаяся Герценом и Огаревым. 8. Плотницкий инструмент. 11. Театральное объявление. 12. Платиновый металл. 13. Условное слово. 16. Древнее метательное оружие. 17. Летосчисление. 18. Спутник Марса. 22. Лечебное учреждение. 23. Пьеса Шоу. 24. Советский живописец. 26. Пьедестал. 30. Ледяная глыба. 31. Спортивная игра. 32. Река, воспетая Гоголем. 35. Отдел физики. 36. Деталь ткацкого станка. 37. Крупная африканская обезьяна. 40. Автор памятника «Тысячелетие России». 41. Порода собак. 42. Материк.

По вертикали:

1. Ответвление русла реки. 2. Машина, возводящая железнодорожную насыпь. 3. Жалоба, сетование. 4. Зернохранилище. 5. Произведение изобразительного искусства. 6. Рыба-ползун. 9. Музыкальное произведение. 10. Самая маленькая птица. 14. Хлопчатобумажная ткань. 15. Специалист в одной из отраслей зоологии. 16. Документ. 19. Государственное лицо в Древнем Риме. 20. Столица европейского государства. 21. Исчисление предстоящих расходов и доходов. 25. Афинский трагик. 27. Ягодный кустарник. 28. Изменение слова по падежам. 29. Действующий вулкан на Средиземном море. 33. Жанр народного творчества. 34. Старинный город в Московской области. 38. Новелла Мопассана. 39. Рангоутное дерево на парусных судах.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 2

По горизонтали:

6. Веста. 7. Радин. 12. Кинескоп. 13. Варламов. 14. Лоция. 15. Крендель. 17. «Журавель». 20. Советский. 22. Айова. 24. Октав. 27. Ленок. 30. Грушовка. 31. Орфоэпия. 32. Одеон. 33. Зерно. 35. «Стоик». 37. Астра. 38. Ивник. 39. Мороз. 40. Индий. 41. Музей.

По вертикали:

1. Белка. 2. Стапель. 3. Саквояж. 4. Сидра. 5. Клиберн. 8. Профиль. 9. Веденеев. 10. Концертина. 11. Часовщик. 16. Леон. 18. Усик. 19. Райграс. 21. Овсянка. 23. Огурцов. 25. Теплота. 26. Свод. 27. Лаконизм. 28. Корецкий. 29. Афон. 32. Октод. 34. «Оазис». 36. Гнездо.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ. Редакционная коллегия: Н. И. ДРАЧИНСКИЙ, Б. В. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. А. КУДРЕВАТЫХ (заместитель главного редактора), Л. М. ЛЕРОВ, И. Ф. ТИТОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. **Рукописи не возвращаются.** **Оформление В. Урина.**

Телефоны отделов редакции: Секретариат — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-36-53; Искусств — Д 3-38-33; Литературы — Д 3-31-83; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-08; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 00203. Подписано к печати 14/I 1960 г. Формат бум. 70×108 1/8. 2,5 бум. л.— 6,85 печ. л. Тираж 1 700 000. Изд. № 4. Заказ № 3188.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

СИЛОСОВАНИЕ.

ЛИНОГРАВЮРЫ Л. РОЙТЕРА ИЗ СЕРИИ «ХЛЕБ»

СТУДЕНТЫ НА ЦЕЛИНЕ.

Урал. Промышленный ток идет на заводы Свердловска. Фото А. Геринаса.

Цена номера 3 руб.